

ВЕСТНИК БГУИЯ

№ 2 (2) /2025

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ

Серия основана в октябре 2025 года

Редакционная коллегия:

О. В. Лущинская (главный редактор),
А. А. Романовская (зам. главного редактора),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. П. Иванова,
И. К. Кудрявцева, Т. В. Поплавская,
Н. Ю. Павловская, З. А. Харитончик,
О. А. Артемова

*Журнал «Вестник БГУИЯ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Вестник

Белорусского государственного университета
иностранных языков

Серия 1 ФИЛОЛОГИЯ

Научно-теоретический
журнал

Выходит один раз в два месяца

№ 2 (2), 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

Борзенец С. Е., Стрельская П. Д. Семантические и лингвокультурные особенности фразеологизмов с компонентом соматизмом в корейском языке	7
Гаева А. М. Персонажи сказочного дискурса: национально-культурные особенности номинации	18
Казловская Л. П., Быкова В. В. Структурно-грамматические и функциональные особенности контаминаントов во французском и русском языках	24
Коваленя А. В. Особенности использования авторских сравнений и метафор в описании эмоционального состояния человека (на материале русского и английского языков)	36
Манкевич А. А. К вопросу о морфемной контракции и универбализации	45
Свистун Т. И. Компоненты национальной идентичности в медиадискурсе Беларуси	53
Сюэ Бин. Семантизации местоимений я – ты в художественном дискурсе (на материале русского и китайского языков)	60
Цюяньюкі М. С. Камунікатыўная прырода партыцыпатыўнай журналістыкі	70

Романское и германское языкознание

Артёмова О. А., Швец Г. Г. Семантико-прагматическая организация жанра англоязычного патента в сфере инфокоммуникаций	78
Бартош Н. Н. Функционально-семантические свойства непроизводных предлогов причины во французском языке	87
Будникова Е. И., Чень Юй. Телические признаки как компоненты лексического значения	98
Городецкий И. В. Статический локативный дейксис в белорусской, английской и французской фразеологии: общее и национально-специфическое	107

Проблемы прикладной лингвистики

Бусел Т. В. Большие языковые модели: ренессанс искусственного интеллекта	116
--	-----

Исследование славянских языков

Басалыга П. С. Трансфармацыя семантыкі аднаго біблейзма, або колькі разоў пракрычаў певень да здрады пятра?.....	122
Ветошина К. Н. Коммуникативно-прагматические характеристики структурно-семантических типов сторителлинга в русскоязычном медиадискурсе.....	130
Леванцэвіч Л. В. Мікратапонім як рэпрэзентатар рэгіянальной дыялектнай карціны свету (Брэсцка-Пінскае Палессе)	138

Литературоведение

Вострыкава А. У. Раман-біяграфія Яна Паандоўскага “Петрарка” ў рэчышчы гістарычнага жанру: культурна-гістарычная праблематыка, адметнасці Паэтыкі	147
Копытко Н. В. Синтез документального и художественного в романе Дж. К. Оутс «Проклятые»	156
Минина В. Г. Аксиологические вопросы в романе И. Макьюэна «Машины как я»	165
Романюк М. В. Формы и приемы комического в романе Хилари Мантел «Вулфхолл»	175
Тарасава Т. М. Багацце і гнуткасць паэтычнага сінтаксісу верлібра Поля Верлена і Максіма Танка	184
Черота В. И. Источники польскоязычной поэзии Симеона Полоцкого.....	194
Чижик Я. И., Кудрявцева И. К. Проблема жанровой атрибуции романа Х. Мантел «Любовный эксперимент»	207

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Barzianets S., Strelnskaya P.</i> Semantic and Linguo-Cultural Features of Idioms with the Somatism Component in the Korean Language.....	7
<i>Hayeva H.</i> Fairy-Tale Discourse Characters: National and Cultural Features of the Nomination.....	18
<i>Kazlouskaya L., Bykava V.</i> Structural, Grammatical and Functional Features of Contaminated Units in French and Russian.....	24
<i>Kovalenia A.</i> Peculiarities of Using Author's Comparisons and Metaphors in Describing the Emotional State of a Person (Based on the Material of Russian and English).....	36
<i>Mankevich H.</i> On the Issue of Morphemic Contraction and Univerbization	45
<i>Svistun T.</i> National Identity Components in Media Discourse of Belarus.....	53
<i>Xue Bing.</i> Semantizations of the Pronouns <i>I – You</i> in Literary Discourse (Based on the Material of the Russian and Chinese Languages).....	60
<i>Tsiutsiankou M.</i> The Communicative Nature of Participatory Journalism	70

Romance and Germanic Linguistics

<i>Artsiomava O., Shvets H.</i> The Semantic and Pragmatic Organization of the English Patent in the Field of Infocommunications	78
<i>Bartosh N.</i> Functional and Semantic Properties of Non-Derived Causal Prepositions in French	87
<i>Budnikova A., Chen Yu.</i> Telic Features as Components of Lexical Meaning.....	98
<i>Gorodetsky I.</i> Static Locative Deixis in Belarusian, English and French Phraseology: Universal and Culture-Specific Features	107

Applied Linguistics

<i>Busel T.</i> Large Language Models: Artificial Intelligence Renaissance	116
---	-----

Slavonic Languages

<i>Basalyha P.</i> Transformation of the Semantics of a Single Biblism, or How Many Times Did the Cock Crow Before Peter's Betrayal?	122
<i>Vetoshkina K.</i> Communicative and Pragmatic Characteristics of Structural and Semantic Types of Storytelling in Russian Media Discourse.....	130
<i>Levantsevich L.</i> Microtoponym as a Representative of the Regional Dialectal Picture of the World (Brest-Pinsk Forest).....	138

Literary Studies

<i>Vostrykava A.</i> Jan Parandowski's Biographical Novel <i>Petrarch</i> in the Context of the Historical Genre: Cultural and Historical Issues, Features of Poetics.....	147
<i>Kapytko N.</i> Synthesis of Non-Fiction and Fiction In J. C. Oates's Novel "The Accursed".....	156
<i>Minina V.</i> Axiological Aspect in I. McEwan's Novel <i>Machines Like Me</i>	165
<i>Ramaniuk M.</i> Forms and Devices of the Comic in Hilary Mantel's Novel <i>Wolf Hall</i>	175
<i>Tarasava T.</i> Richness and Flexibility of the Poetic Syntax of Paul Verlaine and Maxim Tank's Free Verse.....	184
<i>Charota U.</i> The Sources of Polish-Language Poetry of Simeon Polockij.....	194
<i>Chizhik Y., Kudriavtseva I.</i> The Problem of Genre Attribution Of Hilary Mantel's Novel <i>an Experiment in Love</i>	207

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.531'373.7(045)

Борзенец Светлана Евгеньевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иноязычного
речевого общения
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Sviatlana Barzianets
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Foreign Language Communication
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
sborzenets@mail.ru

Стрельская Полина Дмитриевна
выпускница
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Palina Strelskaya
Graduate
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
palinastrelskaya@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЛИНГОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ СОМАТИЗМОМ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

SEMANTIC AND LINGUO-CULTURAL FEATURES OF IDIOMS WITH THE SOMATISM COMPONENT IN THE KOREAN LANGUAGE

В статье исследуются корейские фразеологизмы (ФЕ) с компонентами соматизмами (спланхнонимами) с позиций семантики и лингвокультурологии. Определяются основные черты лексического состава ФЕ, с помощью метода definitional analysis выявляются основные метафорические модели корейской соматической фразеологии. Устанавливается влияние китайской культуры и специфика корейской картины мира, где телесное отражает духовное.

Ключевые слова: корейский язык; фразеологизм; соматизм; спланхноним; смысловая область; метафорическая модель.

The article examines Korean phraseological units (PUs) containing somatic components (splanchnonyms) from the perspectives of semantics and linguoculturology. The study identifies key features of the lexical composition of PUs, employing definitional analysis to reveal dominant metaphorical patterns in Korean somatic phraseology. It establishes the influence of Chinese culture and explores the specificity of the Korean worldview where physicality reflects spirituality.

Key words: Korean language; idiom; somatism; splanchnonym; semantic area; metaphorical pattern.

Среди национально-специфических компонентов культуры фразеологический фонд языка занимает особое место. Связь между языком и культурой порождает огромное количество выражений, которые представляют возможность для наименования познанных человеком сторон действительности. Значимую роль в образовании фразеологических единиц (ФЕ) в разных языках играют соматизмы: «Тело в целом и отдельные его части могут рассматриваться как первичная основа концептуализации мира (как внешнего для человека, так и внутреннего). Рефлексия над собственным телом, его границами, строением служит источником как восприятия и описания пространства <...>, так и универсальных метафор» [1, с. 72]. А. А. Занковец дает следующее определение соматизму: «Соматизмы – это названия элементов устройства тела человека, т.е. собственно частей тела (*рука, нога, спина*), внутренних органов (*желудок, легкие, печень*) и органов чувств (*глаз, нос, кожа*), названия костей (*череп, скула, позвоночник*), волос (*брови, ресницы, волосы*), продуктов жизнедеятельности человека (*пот, слюна, слеза*)» [2, с. 26].

Соматические фразеологизмы выступают объектом исследования многих работ. Предметом одних является описательная характеристика соматической фразеологии одного языка [3; 4], других – сопоставительная характеристика двух (русский и белорусский [2], русский и польский [5], русский и турецкий [6], английский и китайский [7]). Внимание уделяется их функционированию в речи (например, публицистике [8], художественном тексте [9]).

Спланхнонимы представляют собой одну из групп соматической лексики. К этой группе слов относятся наименования внутренних органов в целом и названия пищеварительных, дыхательных и мочеполовых органов в частности. Исследования, посвященные анализу фразеологизмов, в состав которых входят наименования пищеварительных, дыхательных и мочеполовых органов, малочисленны (например, [10]). Именно фразеологизмы с компонентом спланхнонимом, обнаруженные во фразеологической системе корейского языка, послужили объектом исследования в нашей работе. Однако учитывая, что термин *спланхноним* не получил широкого распространения в научной литературе, далее мы будем пользоваться общепринятым термином *соматизм*.

Основой для выборки практического материала послужили корейскоязычные эквиваленты таких номинаций, как *кишечник (кишка)*, *желудок*, *печень*, *почки*, *селезенка*, *желчный пузырь*, *легкие*, а также культурно-специфические номинации, подразумевающие вышеуказанные органы.

Цель проводимого исследования заключается в определении семантических и лингвокультурных особенностей соматических ФЕ и устойчивых выражений. Методом исследования является дефиниционный анализ.

Материал для исследования отбирался методом сплошной выборки из словаря корейской фразеологии [11], а также из корейско-английских онлайн-словарей [12; 13]. Всего было выделено 79 фразеологических единиц.

ниц, где соматизм *간* ‘печень’ участвует в образовании 24 фразеологизмов, *복* ‘желудок’ – 21, *Off* ‘печень и кишки’ – 6, и *간장* ‘печень и кишки’ – 9, *간담* ‘печень и желчный пузырь’ – 3, *쓸개* ‘желчный пузырь’ – 4, *오장* ‘пять главных органов: печень и кишки, сердце, селезенка, легкие и почки’ – 4, *소파* ‘легкие’ – 2, *폐부* ‘легкие’ – 2 и *육부* ‘шесть кишечников: желудок, толстая кишка, тонкая кишка, желчный пузырь, сан джако’ – 1.

Наиболее многочисленными оказались фразеологизмы, в состав которых входит лексема *간* ‘печень’ (30 % от общего количества ФЕ). Далее следует *복* ‘желудок’ (26 % от общего количества ФЕ). Лексемы, обозначающие одновременно и печень, и кишки, делят третье место по распространенности – *Off* и *간장* (22, 5 % от общего количества ФЕ).

Отметим, что специфика лексем в корейском языке проявляется в том, что до введения корейского алфавита использовались китайские иероглифы, что привело к значительному количеству лексических единиц китайского происхождения. В то же время в языке присутствуют исконно корейские наименования, которые сосуществуют с заимствованными. В результате для обозначения одного и того же органа могут использоваться несколько различных наименований.

Выделим основные семантические области, охватываемые корейскоязычными соматическими ФЕ.

I. *간* ‘печень’ ким.

(1) Смелость (12 ФЕ). Печень традиционно воспринимается как орган, который регулирует энергию в организме, поэтому она тесно связана с понятием «мужество» в корейской фразеологии [13]. Фразеологизмы, имеющие отношение к мужеству или его отсутвию, составляют половину от выявленных ФЕ с соматизмом *печень*: *간(Off) 크다* (букв. ‘иметь большую печень’, фиг. ‘быть смелым’); *간Off 뻂다* (букв. ‘иметь опухшую печень’, фиг. ‘быть слишком самоуверенным’). Дисфункция этого органа, согласно корейским представлениям, проявляет себя в качествах, противопоставленных смелости (беспокойство, страх): *간(을) 졸Off다* (букв. ‘сводить печень’, фиг. ‘быть очень обеспокоенным’); *간(Off) 떨리다/조마조마하다* (букв. ‘печень тряется / трепещет’, фиг. ‘трястись от страха’); *간(Off) 마르다* (букв. ‘тонкая печень’, фиг. ‘быть взволнованным’).

(2) Благоразумие (6 ФЕ). Еще одно значение, в котором реализуется лексема *간* ‘печень’, это благоразумие: *간 빼먹을 세상Off다* (букв. ‘мир, из которого достали печень’, фиг. ‘мир, в котором царит жестокость’); *간Off 바람(Off) 들다* (букв. ‘иметь ветер в печени’, фиг. ‘быть несерьезным, лишенным благородства, не внушать доверия’).

(3) Ценность, ценное (5 ФЕ). Печень также служит своеобразным обозначением ценности, которая есть у человека: *转折의 뿐 줄 듯이/转折의 줄 듯이* (букв. ‘как если бы быть готовым предложить свою печень за чужую’, фиг. ‘как если бы быть готовым пожертвовать чем-либо ради другого человека’) и *벼룩의 간을 빼 먹다/벼룩이 간을 냄 먹는다* (букв. ‘достать печень блохи’, фиг. ‘забрать последнее у человека, у которого и так ничего нет’).

(4) Чувство насыщения (1 ФЕ). Также существует фразеологический оборот, в котором лексема *печень* обозначает орган пищеварительной системы: *转折의 기별도 안 같다* (букв. ‘сообщение не дойдет даже до печени’, фиг. ‘порции слишком маленькие, чтобы утолить голод’). В таком случае мы наблюдаем меньшую степень идиоматичности ФЕ, чем в рубриках (1) – (3).

II. 배 ‘желудок’

(1) Наполненность желудка, соотносимая с наличием желаемого (8 ФЕ). Лексема *배* ‘желудок’ в выявленных ФЕ рассматривается в контексте чувства голода и сытости. ФЕ *밥(을) 먹지/ 않아도 배부르다* (букв. ‘желудок полон даже без приема пищи’, фиг. ‘быть счастливым’) подразумевает, что счастье не всегда зависит от материальных благ. В корейской культуре ценится духовное богатство и внутреннее состояние человека, что подчеркивает важность эмоционального благополучия. ФЕ *배(가) 부르다* (букв. ‘иметь полный желудок’, фиг. ‘вести роскошный образ жизни’) отражает стремление к материальному благополучию и роскоши, особенно в современных условиях, когда успех часто измеряется финансовым состоянием. ФЕ *배(를) 불리다/채우다* (букв. ‘наполнить чей-то желудок’, фиг. ‘удовлетворить чужие нужды для материальной выгоды’) может указывать на прагматичный подход к отношениям, где взаимовыгодные связи играют важную роль. В корейской культуре часто наблюдается акцент на коллективизме и взаимопомощи, но также и на коммерческом подходе к взаимодействию.

(2) Желудок также воспринимается как орган, чувствительный к благосостоянию другого, находящегося в лучшем положении (6 ФЕ): *배(가) 아프다* (букв. ‘болит желудок’, фиг. ‘завидовать успеху другого человека’), *사촌이 땅을 사면 배가 아프다/사돈이 논 사면 배가* (букв. ‘болит желудок, когда двоюродный брат покупает землю / сваты покупают рисовые поля’, фиг. ‘завидовать успеху другого человека’).

(3) Обратную ситуацию наблюдаем в фразеологизмах, где желудок показывается как орган, нечувствительный к бедствиям другого, находящегося в худшем положении (3 ФЕ): *내 배 부르면 종의 배 골는 줄*

모른다/내 배가 부르면 하인 고픈 것 모른다/내 배가 부르니 일꾼 배고픈 것 모른다/내 배 부르니 종의 밥 짓지 말라 한다/상전이 배부르면 종보고 밥 짓지 못하게 한다/상전 배부르니 종 배고프지 모른다 (букв. ‘когда желудок (мастера) полон, (он не понимает) голода других людей/прислуги/рабочих, запрещая другим есть’, фиг. ‘не понимать обстоятельства других людей, когда у самого все хорошо’).

(4) Чувство насыщения (4 ФЕ). В следующих фразеологизмах наполненность желудка означает сытость его хозяина: 등 따시면 배부르다 (букв. ‘желудок будет полным, если спина прикрыта’, фиг. ‘если одежда теплая, это притупит голод’).

III. *おり* – исконно корейское слово для обозначения внутренних органов, в частности печени и кишок. Лексема *おり* в данных фразеологизмах обозначает ‘кишки’ или ‘сердце, желудок, легкие, кишки’ [14].

(1) Интенсивность признака (2 ФЕ). Семантика ряда ФЕ характеризуется наличием семы ‘очень’: *おり 떨어질 뻔하다* (букв. ‘чуть кишки не выпали’, фиг. ‘быть резко (сильно) напуганным’); *おり(가) 터져나다* (букв. ‘кишки взорвались’, фиг. ‘сильно злиться или быть сильно разочарованным’).

(2) Средоточие эмоций (6 ФЕ). Исконно корейская лексема несет в себе значение сосуда для эмоций: страх, злость, грусть и т.д – *おり를 태우다* (букв. ‘жечь кишки’, фиг. 1. ‘быть взволнованным’, 2. ‘заставить другого человека волноваться’); *애가 타다* (букв. ‘кишки горят’, фиг. ‘разочароваться или волноваться’).

(3) Сила (1 ФЕ). В отдельных случаях лексема *おり* ‘кишки’ или ‘сердце, желудок, легкие, кишки’ используется в значении ‘сила, усилие’: *おり(를) 쓰다* (букв. ‘использовать кишки’, фиг. ‘применять силу’).

IV. *간장* ‘печень и кишки’ кит.

Сфера эмоций и отношений (6 ФЕ). *간장* – китайский аналог лексемы *おり* ‘кишки’, который несет в себе также значение души человека и связанных с ней эмоций. Поэтому во фразеологических единицах кишки становятся синонимом внутренних мыслей и переживаний человека, его жизненной силой: *간장이 끊어져나다* (букв. ‘печень и кишки отрезаны’, фиг. ‘испытывать невыносимую душевную боль’) – фраза подразумевает, что душевные переживания воспринимаются так же остро, как физическая боль; *간장이 썩다* (букв. ‘печень и кишки сгнили’, фиг. ‘изводиться от переживаний’); *간장이 태어나다* (букв. ‘печень и кишки горят’, фиг. ‘чувствовать нетерпение’);

간장이 녹다 (букв. ‘печень и кишечник плавятся’, фиг. 1.‘принести больше эмоций, чем ожидалось’; 2. ‘волноваться’). Примечательно выражение 구곡간장 (букв. ‘изогнутые кишечники’, фиг. ‘то, что у человека на душе’), которое целиком пришло из китайского языка. Изогнутость кишечников символизирует запутанность и сложность человеческих эмоций. Это может указывать на то, что внутренние переживания могут быть трудными для понимания как самого человека, так и окружающих.

V. 간담 ‘печень и желчный пузырь’ ким.

(1) Мысли и чувства человека (1 ФЕ): 간담을 떠/祧/다/열어 놓다/털어놓다 (букв. ‘оставить открытыми / выкопать печень и желчный пузырь’, фиг. ‘говорить то, что на уме’).

(2) Мужество (3 ФЕ). Следующие фразеологизмы указывают на соотнесенность печени и желчного пузыря с количеством мужества, которое присутствует в характере человека, и когда печень и желчный пузырь отсутствуют или уменьшаются в размере, то и мужества в них становится меньше: 간담이 서늘하다/내려 앉다/떨어지다 (букв. ‘печень и желчный пузырь содрогнулись / присели / выпали’, фиг. ‘испугаться, быть в ужасе’), 간담이 한 웅큼 되다 (букв. ‘печени и желчного пузыря становится с горстку’; фиг. ‘сильно испугаться’).

VI. 쓸개 ‘желчный пузырь’

(1) Здравый смысл, уверенность и достоинство (3 ФЕ). В корейской фразеологии желчный пузырь одновременно соотносится с несколькими положительными качествами: 쓸개(가) 빠지다 (букв. ‘выпал желчный пузырь’, фиг. ‘быть лишенным достоинства и уверенности’); 쓸개(가) 없다 (букв. ‘отсутствует желчный пузырь’, фиг. ‘быть лишенным здравого смысла’).

(2) Мужество (3 ФЕ). Еще одно положительное качество, воплощаемое в желчном пузыре, – мужество: 쓸개자루가 크다 (букв. ‘иметь большой желчный пузырь’, фиг. ‘быть бесстрашным’).

И желчный пузырь, и печень ассоциируются в корейской фразеологии с мужеством, и в целях акцентирования в ФЕ могут фигурировать оба соматизма: 간도 쓸개도 없다 (букв. ‘не иметь ни печени, ни желчного пузыря’, фиг. ‘недоставать уверенности; быть запуганным’).

VII. 오장 – термин, обозначающий печень вместе с кишечником, сердце, селезенку, легкие и почки в совокупности.

(1) Гармония, баланс (3 ФЕ). Пришедшее из китайского языка обозначение для пяти основных органов человека в очередной раз подчеркивает связь между физическим и эмоциональным состоянием. В корейской, а также в китайской и японской медицине существует концепция взаимосвязи между

физическим и эмоциональным состоянием человека. Пять органов также соотносятся с концепцией Инь и Ян и пятью элементами (дерево, огонь, земля, металл, вода), что является важной частью восточной философии [14, р. 55]. Свое отражение данные концепции находят во фразеологизмах.

Чесать или вывернуть органы (**오장** (**육부(를)**) **긁다/두/집다**) означает ‘испортить кому-то настроение’. Испорченное настроение может восприниматься как дисгармоничное внутреннее состояние, что отражает корейскую концепцию единства тела и духа. Раздражение может также заставить органы вывернуться: **오장이 두/집/긁다** (букв. ‘заставить пять главных органов вывернуться’, фиг. ‘раздражаться’). Проявление раздражения ассоциируется с физической реакцией организма, где дисгармония может быть столь сильной, что «выворачивает» внутренние органы.

(2) Единственная пословица (1 ФЕ) с данной лексемой относит нас к гендерным стереотипам общества, которые до сих пор играют большую роль в корейском самосознании: **처녀 오장은 깊어야 좋고 총각 오장은 얕아야 좋다** (букв. ‘пять главных органов одинокой девушки должны быть глубокими, а одинокого парня – мелкими’, фиг. ‘девушка должна быть умной, а парню достаточно быть веселым’). Ум и глубина ассоциируются с женской природой, в то время как легкость и поверхностность – с мужской, что подчеркивает культурные ожидания относительно ролей мужчин и женщин в обществе.

VIII. **육부** ‘шесть кишечников’ *кит.* – шесть органов брюшной полости.

Гармония, баланс (1 ФЕ). Слово **육부** в корейском языке понимается как «шесть кишечников» и включает в себя такие органы, как желудок, тонкий и толстый кишечник, желчный пузырь и сан джао (**三焦**, *San Jiao*). Это слово раскрывает глубокие аспекты традиционной восточной медицины и философии, в которых здоровье рассматривается как баланс между различными системами организма. Каждый из этих органов ассоциируется с определенными функциями и состояниями здоровья. Сан джао не соответствует какому-либо конкретному органу, а представляет собой систему, регулирующую энергетические процессы в организме [15, р. 23].

Данная лексема была обнаружена только в одной фразеологической единице, которая является расширенным и семантически более сильным вариантом ФЕ с соматизмом **오장** ‘пять главных органов: печень и кишки, сердце, селезенка, легкие и почки’ – **오장** (**육부(를)**) **긁다/두/집다** (букв. ‘чесать или вывернуть не только пять главных органов, но и шесть кишечников’, фиг. ‘испортить кому-то настроение’).

IX. ᄀ/파 ‘легкие’

Свобода, в том числе эмоциональная, социальная (2 ФЕ). Исконно корейское обозначение для легких, используемое в двух фразеологизмах: ᄀ/파에 바람(O) 들파 (букв. ‘ветер дует в легких’, фиг. ‘сильно смеяться’; ‘быть в хорошем расположении духа’) и ᄀ/파에 수순 놔 (букв. ‘человек, отдыхающий в легких’, фиг. ‘бездумный человек, не обращающий внимания на окружающих’).

Буквальное значение первого фразеологизма относит нас к образу свежего воздуха, который наполняет легкие, что ассоциируется с дыханием и жизненной силой. Здесь легкие символизируют не только физическое состояние, но и эмоциональное. В корейской культуре хорошее настроение часто связывается с легкостью дыхания и свободой, что подчеркивает важность эмоционального комфорта для общего самочувствия человека [13].

‘Человек, отдыхающий в легких’ – это выражение напрямую указывает на человека, который не обращает внимания на окружающих, т.е. злоупотребляет свободой. Оно может отражать культурные нормы, где осознанность и внимание к окружающим считаются важными качествами. Легкость, ассоциированная с легкими, здесь противопоставляется серьезности и ответственности.

X. 폐부 ‘легкие’ кит.

Глубинные мысли (2 ФЕ). Эта лексема китайского происхождения, обозначающая легкие, также несет в себе значение глубинных мыслей человека. С ней было найдено всего 2 ФЕ: 폐부를 찌르다 (букв. ‘проткнуть легкие’, фиг. ‘оставить глубокое впечатление’) и 폐부에 새기다 (букв. ‘быть отпечатанным в легких’, фиг. ‘остаться глубоко в памяти’). Легкие также могут символизировать пространство, где хранятся воспоминания и переживания. В этом контексте ‘отпечаток’ в легких может означать, что определенные события или чувства оставляют глубокий след в нашем сознании.

На основе представленного материала можно сделать выводы лингвистического и лингвокультурологического характера.

Лингвистические выводы.

1. Соматизмы как ключевые компоненты корейского фразеологического фонда. Соматизмы являются высокопродуктивной базой для образования фразеологизмов в корейском языке, что подтверждается их количеством (79 ФЕ) и разнообразием семантики.

2. Продуктивность. С точки зрения продуктивности соматизмов компонентов ФЕ лексемы 肝 ‘печень’ (24 ФЕ, 30 %) и 胃 ‘желудок’ (21 ФЕ, 26 %) доминируют в соматической фразеологии. Лексемы, обозначающие комплекс органов (臟, 간장 ‘печень и кишки’), занимают следующую ступень.

3. Специфика лексического состава:

- в корейском языке наличествуют соматизмы, предполагающие понимание нескольких органов как неделимого целого, что контрастирует с современными взглядами на анатомию человека;
- корейская соматическая фразеология характеризуется дублированием терминологии для одних и тех же органов: исконно корейские слова существуют с заимствованиями из китайского. В отдельных случаях это создает синонимические ряды и влияет на стилистику и степень абстракции ФЕ (ФЕ с исконными номинациями менее абстрактны и философичны, чем китаизмы).

4. Степень идиоматичности. Соматические ФЕ демонстрируют разную степень семантической трансформации. Отдельные ФЕ сохраняют связь с физиологической функцией органа, но большинство подвергаются полной метафоризации.

5. Метафорические модели. Основные метафорические модели, выявленные в соматической фразеологии: 1) орган это средоточие эмоций / состояний; 2) орган это источник качеств; 3) физическое состояние органа это эмоциональное / психическое состояние; 4) орган это ценность; 5) орган(ы) это жизненная сила / душа.

Лингвокультурологические выводы.

1. Отражение культурных ценностей и установок во фразеологическом фонде:

- ценность смелости и достоинства. Многочисленность и разнообразие соматических ФЕ, посвященных мужеству, уверенности, достоинству и их отсутствию, указывает на высокую значимость этих качеств в корейской культуре;
- противоречивое восприятие дихотомии «духовное / материальное». Ряд ФЕ отражают традиционное (конфуцианско-буддийское) восприятие духовного как более значимого по сравнению с материальным, хотя отдельные ФЕ демонстрируют и прагматизм;
- коллективизм и зависть. Отдельные ФЕ иллюстрируют внимание к успехам ближнего круга (характерное для коллективистских обществ) и связанную с этим потенциальную зависть;
- наличие гендерных стереотипов. Пословица *չ/Ն/ օյայ ջիայա չուայ* (букв. ‘пять главных органов одинокой девушки должны быть глубокими, а одинокого парня – мелкими’, фиг. ‘девушка должна быть умной, а парень просто веселым’ кодирует традиционные ожидания общества относительно женских и мужских ролей).

2. Концептуализация эмоций через тело. Корейский язык демонстрирует ярко выраженную соматизацию эмоций и психических состояний. Эмоции концептуализируются не как абстракции, а как конкретные физиологические процессы внутри тела.

3. Влияние китайской культуры. Значительный пласт соматической фразеологии основан на китайской лексике и связанных с ней философских концепциях, что свидетельствует о глубоком историко-культурном влиянии.

Таким образом, анализ корейской соматической фразеологии подтверждает тезис о языке как зеркале культуры. Уникальность корейской фразеологии обусловлена историей этноса, его жизненным укладом и культурными связями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 285 с.
2. Занковец, А. А. Особенности и закономерности словообразования соматизмов русского и белорусского языков / А. А. Занковец // Русский язык: система и функционирование : сб. материалов IV Междунар. науч. конф., 5–6 мая 2009 г., г. Минск : в 2 ч. – Минск : РИВШ, 2009. – Ч. 2. – С. 26–29.
3. Лиджиева, А. С. Функционирование соматических фразеологизмов в русском языке / А. С. Лиджиева, Д. А. Сузеева // Вестник Калм. ун-та. – 2012. – № 4. – С. 71–74.
4. Скнарёв, Д. С. Фразеологизмы русского языка с компонентами-соматизмами: проблемы семантики и pragматики: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Скнарёв Дмитрий Сергеевич ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2006. – 24 с.
5. Соколова, Е. Н. Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентом-соматизмом в русском и польском языках / Е. Н. Соколова // Вестник Южно-Урал. гос. гуманит.-пед. ун-та. – 2015. – № 2. – С. 274–281.
6. Меметов, И. А. Использование соматических единиц во фразеологизмах турецкого и русского языков / И. А. Меметов, Р. И. Ряпов // Научный вестник Крыма. – 2017. – № 3. – С. 1–8.
7. Гэ, Цзиньшэн. Сравнительные структурные и семантические характеристики фразеологизмов-соматизмов в современных английском и китайском языках / Цзиньшэн Гэ // Вопросы журналистики., педагогики, языкоznания. – 2017. – № 7. – С. 47–53.
8. Скнарёв, Д. С. Функционирование фразеологизмов с компонентами-соматизмами в публицистическом дискурсе (на материале устной речи телерадиожурналистов / Д. С. Скнарёв // Вестник Челяб. гос. ун-та. – 2007. – № 4. – С. 109–112.
9. Сулимова, М. Г. Соматические фразеологизмы в художественном тексте / М. Г. Сулимова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 56–58.

10. Сподина, В. И. Соматический код традиционной культуры: пищеварительная и выделительная системы / В. И. Сподина // Вестник угреведения. – 2014. – № 4 (19). – С. 124–130.
11. 박규병, 마이클 엘리엇. Dictionary of Korean Idioms. – Seoul : Munyerim, 2013. – 639 p.
12. Korean-English Dictionary. – URL: <https://korean.dict.naver.com/koendict/#/main> (date of access : 12.06.2026).
13. Korean-English Learners' Dictionary. – URL: <https://krdict.korean.go.kr/eng/mainAction> (date of access : 12.06.2026).
14. Ni, M. The Tao of nutrition / M. Ni, C. McNease. – Los Angeles, CA : Shrine of the Eternal Breath of Tao, College of Tao & Traditional Chinese Healing, 1987. – 244 p.
15. Kaptchuk, T. J. The web that has no weaver / T. J. Kaptchuk. – New York : Contemporary books, 2000. – 526 p.

Поступила в редакцию 25.06.2025

Гаева Анна Михайловна

магистр филологических наук,
преподаватель кафедры
английского языка № 1
Белорусский национальный
технический университет
г. Минск, Беларусь

Hanna Hayeva

MA in Philology,
Lecturer of the Department
of English Language № 1
Belarusian National
Technical University
Minsk, Belarus
annagaeva2019@mail.com

ПЕРСОНАЖИ СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ

FAIRY-TALE DISCOURSE CHARACTERS: NATIONAL AND CULTURAL FEATURES OF THE NOMINATION

Статья посвящена исследованию номинации персонажей в русско- и англоязычном сказочном дискурсе. Выявлены семантические особенности номинации персонажей – наименований лица, функционирующих в русскоязычных и англоязычных сказочных текстах, и установлены их системные связи. На основании сопоставительного анализа сделаны выводы о национально-культурных особенностях наименований лица в русско- и англоязычном сказочном дискурсе.

Ключевые слова: *дискурс; сказочный дискурс; номинация персонажа; наименования лица; национально-культурные особенности; лексико-семантическая группа.*

The article is devoted to the study of the nomination of characters in Russian and English fairy tale discourse. The semantic features of the nomination of characters – names of persons functioning in Russian- and English-language fairy tale texts are identified, and their systemic connections are established. Based on a comparative analysis, conclusions are drawn about the national and cultural features of the names of persons in Russian and English fairy tale discourse.

К e y w o r d s : *discourse; fairy-tale discourse; character nomination; names of persons; national and cultural characteristics; lexical-semantic group.*

Дискурс – сложное и многогранное явление, которое изучается в лингвистике, философии, социологии, литературоведении и в других областях. Научный интерес к дискурсу обусловлен его способностью отражать взаимодействие языка и социальных, культурных, когнитивных процессов. В этом смысле дискурс определяется как текст в его динамическом аспекте, тесно связанный с коммуникативной ситуацией, с отношениями между участниками общения, их целями и коммуникативными стратегиями [1].

Сказочный дискурс характеризуется устойчивой жанровой структурой, наличием архетипических персонажей и событий, а также особым набором тематических и стилистических элементов, связанных с народной и литературной традицией сказки.

Сказка – один из древнейших жанров народного творчества, который несет в себе отпечаток культуры, породившей его. Сказки не только развлекают, но и передают мировоззрение, ценности и нормы общества. Рассмотрение сказок как культурного феномена позволяет глубже понять особенности исторического времени, традиций и менталитета народа.

В современном мире возрастает важность выявления и сохранения национально-культурной самобытности, что делает необходимым исследование специфики языковой картины мира через призму номинации персонажей в сказочных текстах. Под номинацией персонажей понимается обозначение реальных лиц и человекоподобных существ. Наименования реальных лиц и человекоподобных существ в сказках служат маркерами социальных ролей (*царь, крестьянин, купец*), гендерных стереотипов (*добрый молодец, красна девица*) и морально-оценочных категорий (*дурак, хитрец*); отражают культурные коды и мифопоэтические представления [2].

Сказки, являясь носителями глубинных культурных архетипов, отражают представления о мире и человеке через систему языковых средств, среди которых наименования реальных лиц и человекоподобных существ играют ключевую роль в создании образов персонажей. Сравнительный анализ наименований персонажей русского и английского сказочного дискурса способствует более глубокому пониманию культурных различий и универсалий в языковой номинации.

Один из основоположников структурного подхода к изучению сказок В. Я. Пропп в своей работе «Морфология волшебной сказки» предложил классификацию персонажей, основанную на их функциональной роли в сюжете: герой, антагонист (вредитель), даритель, помощник, царевна (цель героя) и ее отец, отправитель, ложный герой [3, с. 73]. В любой волшебной сказке персонажи выполняют определенные функции, которые повторяются независимо от конкретного сюжета. Сказка начинается с описания начальной ситуации и ухода одного из членов семьи. Затем герой нарушает установленный запрет, что приводит к беде, появляется вредитель и обманывает героя. Герой отправляется в путь, встречает дарителя, получает волшебное средство. Далее следует борьба между героем и вредителем. Герой устраниет беду, но на обратном пути его преследуют, а дома ложный герой присваивает его заслуги. После испытания ложного героя разоблачают, а настоящий герой женится на царевне [3].

Если структура сказок во многом однотипна, то наименования персонажей различаются в зависимости от языка и культуры. Это делает интересным не только анализ самих номинаций, но и их сопоставление в сказочных традициях разных народов. Такой сравнительный подход позволяет выявить как универсальные, так и уникальные черты наименований лица в сказочном дискурсе разных лингвокультур.

Цель данного исследования – выявление и описание национально-культурных особенностей наименований лица в русско- и англоязычном сказочном дискурсе. Для анализа было отобрано 122 наименования лиц из

48 русских народных сказок из сборника «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева и 127 наименований лиц, встречающихся в 48 английских народных сказках из сборников «English Fairy Tales» Flora Annie Steel и «English Fairy Tales» Joseph Jacobs [4; 5; 6]. Наименования лица были систематизированы в лексико-семантические группы (ЛСГ) на основе семантического анализа.

В системной организации исследуемой лексики ключевую роль играет теория полевого строения. Семантическое поле представляет собой абстрактную концептуальную структуру, внутри которой слова и фразы объединяются на основе их семантических связей и тематической принадлежности. Этот подход к организации лексики позволяет более эффективно анализировать структуру и семантику языка, выделять группы слов, обладающих общими смысловыми характеристиками, и изучать их внутренние связи и взаимодействия [7, с. 20].

Полевая организация русских наименований лиц включает в себя 9 ЛСГ: «Протагонисты» (35 наименований лиц), «Анtagонисты» (25 наименований лиц), «Родственные отношения» (19 наименований лиц), «Помощники» (13 наименований лиц), «Волшебные и мифические существа» (11 наименований лиц), «Имена собственные» (31 наименования лиц), «Второстепенные персонажи» (25 наименование лиц), «Титулы» (8 наименований лиц), «Профессии» (10 наименований лиц).

Из 48 русских народных сказок в 32 сказках ($\approx 67\%$) протагонистом выступает мужской персонаж: *Иван-царевич, младший сын, молодец*. Мужчины чаще представлены в роли активных искателей приключений, защитников или героев-богатырей, а женщины – в роли добрых и зачастую зависимых от мужской защиты персонажей, но в тоже время мудрых и находчивых, помогающих главному герою советом или волшебством: *Василиса-царевна, Елена Премудрая, Василиса прекрасная*. Но не всегда женщины – это положительные героини. Такие персонажи, как *жена, мачеха, старуха, царица, дочки мачехи*, в русских сказках часто выступают в роли отрицательных персонажей.

Главными героями в сказках преимущественно являются молодые люди, что подчеркивается использованием таких наименований, как *младший сын, дочка, девочка, царевич, королевич*.

Анtagонистами в русских сказках чаще всего выступают женщины и нечистые силы: *колдунья, ведьма, царица, мачеха, жена, старуха, Баба-яга, нечистый (черт), леший, черти, сатана*.

Среди персонажей, которые помогают протагонисту, встречаются как люди (*старичок, мамки-няньки, родная тетка, кузнец, Василиса-царевна*), так и сверхъестественные существа (*Баба-яга, Леший, нечистый дух, Идолище*). Несмотря на то что *Баба-яга* и *Леший* традиционно являются отрицательными персонажами, нередко они также выступают в качестве помощников. Эти персонажи помогают герою, давая ценные советы или предоставляя магические предметы, если он проходит их испытания.

Имена в русских сказках обладают важным символическим и культурным значением. Имя Иван является самым распространенным именем для главного героя в русских сказках («*Иван-царевич и Серый Волк*», «*Иван-царевич и Марфа-царевна*», «*Ивашко и ведьма Царевна-лягушка*»). Это имя олицетворяет «простого человека», народного героя, и потому так часто используется в сказках.

Одной из характерных особенностей русских сказок является частое употребление эпитетов в именах собственных. Эпитеты выполняют важную художественную функцию, не только украшая текст, но и передавая важные характеристики персонажей. Эпитеты часто несут в себе эмоционально-оценочную окраску, позволяя читателю или слушателю сразу отнести персонажа к положительным или отрицательным героям. Они помогают создать яркий образ героя, обозначить его роль в сказке и подчеркнуть наиболее значимые черты, например, *Иван-царевич*, *Иван-дурак*, *Елена Прекрасная*, *Елена Премудрая*, *Крошечка-Хаврошечка*, *Егорушко Залёт*, *Заморышек*.

При исследовании наименований лица английских народных сказок были выявлены следующие национально-культурные характеристики.

Полевая организация английских наименований лиц включает в себя 9 ЛСГ: «Протагонисты» (32 наименований лиц), «Анtagонисты» (25 наименований лиц), «Родственные отношения» (16 наименований лиц), «Помощники» (17 наименований лиц), «Волшебные и мифические существа» (13 наименований лиц), «Имена собственные» (29 наименований лиц), «Второстепенные персонажи» (26 наименований лиц), «Титулы» (11 наименований лиц), «Профессии» (21 наименований лиц).

Среди протагонистов английских народных сказок представлены как мужские образы (*St. George*, *knight* ‘рыцарь’, *Jack*, *younger son* ‘младший сын’, *young Lord* ‘молодой лорд’), так и женские (*daughter* ‘дочь’, *girl* ‘девочка’, *princess* ‘принцесса’, *Molly Whuppie*, *Tattercoats*). Однако довольно часто именно женские персонажи становятся главными в английских сказках. Из 48 английских сказок женский персонаж является протагонистом в 27 сказках ($\approx 56\%$).

Так же, как и в русских сказках, распространенным является наличие младшего ребенка как главного героя, который, несмотря на свое положение, достигает успеха благодаря положительным качествам: *younger son* ‘младший сын’, *younger sister* ‘младшая сестра’, *the youngest daughter* ‘младшая дочь’.

Среди антагонистов английских сказок можно выделить людей, наделенных магическими способностями: *the fell enchantress* ‘падшая чародейка’, *magician* ‘волшебник’, *necromancer* ‘некромант’, *witch-woman* ‘женщина- ведьма’; мифических и волшебных существ: *ogre* ‘великан-людоед’, *the King of Elfland* ‘король Эльфландии’, *the Red Ettin*, *the Double-Faced Giant* ‘двуликий гигант’; а также людей, представляющих социальную власть и семейные связи: *Emperor* ‘император’, *old lord* ‘старый лорд’, *queen* ‘королева’, *baron* ‘барон’, *elder sister* ‘старшая сестра’, *stepmother* ‘мачеха’, *brother* ‘брать’, *uncle* ‘дядя’.

Помощники в английских сказках могут быть как обычными людьми, так и обладателями особых знаний или магических способностей. Например, *Merlin the Magician* ‘волшебник Мерлин’, *wizard* ‘колдун’, *fairy* ‘фея’ – это помощники, которые связаны с миром магии. Мудрецами и наставниками выступают такие персонажи, как *old man* ‘старик’, *old woman* ‘старуха’, *old nurse* ‘старая няня’. Также помощниками могут быть представителями простого народа: *gooseherd* ‘гусиный пастух’, *gardener’s boy* ‘мальчик-садовник’, *shepherd* ‘пастух’, *fisherman* ‘рыбак’, *carpenter* ‘плотник’ – обычные люди, которые часто оказываются ключевыми фигурами благодаря своему здравомыслию, трудолюбию и наблюдательности.

Имена собственные в английских сказках так же, как и в русских, не просто выполняют номинативную функцию, но и характеризуют персонажей: *Tattercoats* ‘рваное пальто’, *Caporushes* ‘шапочка из камышей’. В именах собственных часто используется прием аллитерации: *Tom-Tit-Tot*, *Nix Naught Nothing*. Использование этого приема делает персонажей более яркими и запоминающимися.

Таким образом, проведенный сравнительно-сопоставительный семантический анализ наименований лиц в русских и английских народных сказках позволил установить общие и специфические характеристики. Общим для двух языков является наличие 9 ЛСГ: «Протагонисты», «Анtagонисты», «Родственные отношения», «Помощники», «Волшебные и мифические существа», «Имена собственные», «Второстепенные персонажи», «Титулы», «Профессии». Самой многочисленной ЛСГ в русском и в английском языках является ЛСГ «Протагонисты» (в русском языке 35 наименований лиц, в английском – 32 наименований лиц). Главные герои, как правило, молодые люди: *младший сын*, *дочка*, *девочка*, *younger son* ‘младший сын’, *younger sister* ‘младшая сестра’, *the youngest daughter* ‘младшая дочь’. Помощниками и советчиками часто выступают персонажи старшего поколения (*старик*, *тетка*, *old man* ‘старик’, *old woman* ‘старуха’, *old nurse* ‘старая нянька’). Как в русских, так и в английских народных сказках присутствуют повторяющиеся архетипические персонажи, например, главный герой (*Иван*, *Jack*), антагонист (*Баба-Яга*, *giant* ‘гигант’), помощник (*старичок*, *fairy* ‘фея’).

Различным представляется гендерная репрезентация протагонистов: в русских сказках преобладают мужские герои ($\approx 67\%$), в английских сказках – женские ($\approx 56\%$). Различия наблюдаются в часто используемых мифических образах, что объясняется культурно-историческими особенностями. Так, в русских сказках частыми мифическими персонажами являются *Баба-Яга*, *Леший*, *Кошечка Бессмертный*, в английских – *ogre* ‘огр’, *elf* ‘эльф’ и *fairy* ‘фея’. В русских сказках широко распространено использование характеризующих эпитетов в именах собственных, которые подчеркивают статус, внешность и качества героя: *Иван-царевич*, *Иван-дурак*, *Елена Прекрасная*, *Крошечка-Хаврошечка*. В английском фольклоре чаще встречается аллитерация и игра слов, что создает ритмичность и запоминающийся образ: *Tom-Tit-Tot*, *Nix Naught Nothing*, *Caporushes*, *Tattercoats*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь.* – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.
2. *Языковая номинация: виды наименований / А. А. Уфимцева, Э. С. Азнурова, В. Н. Телия [и др.] ; АН СССР, Ин-т языкоznания ; отв. ред.: Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1977. – 358 с.*
3. *Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп ; науч. ред. текстов, comment. И. В. Пешкова. – М. : Лабиринт, 2001. – 192 с.*
4. *Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М. : Наука, 1984–1985. – 3 т. – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Народные_русские_сказки_\(Афанасьев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Народные_русские_сказки_(Афанасьев)) (дата обращения: 05.10.2024).*
5. *Steel, F. A. W. English fairy tales / F. A. W. Steel. – London : Macmillan and Co., 1918. – 362 p.*
6. *English fairy tales / collected by J. Jacobs // Project Gutenberg. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/7439/7439-h/7439-h.htm> (date of access: 21.10.2024).*
7. *Романовская, А. А. Системная организация лексики: взаимодействие де- скрипции и оценки / А. А Романовская. – Минск : МГЛУ, 2013. – 132 с.*

Поступила в редакцию 07.10.2025

Казловская Людмила Павловна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики и грамматики
французского языка
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Lioudmila Kazlouskaya
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Phonetics and Grammar of the French
Language
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
ludmilak17@mail.ru

Быкова Валентина Вячеславовна
выпускница
Белорусский государственный университет
иностранных языков.
г. Минск, Беларусь

Valiantsina Bykava
Graduate
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
valya.bykova2003@mail.ru

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНТАМИНАНТОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

STRUCTURAL, GRAMMATICAL AND FUNCTIONAL FEATURES OF CONTAMINATED UNITS IN FRENCH AND RUSSIAN

Статья посвящена сопоставительному исследованию контаминации как продуктивному способу словообразования в современных французском и русском языках. Исследуется структура контаминированных образований в двух языках. Выявлены и описаны основные структурные типы и словообразовательные модели контаминаントов в зависимости от участия исходных слов или их фрагментов в словообразовательном процессе, обозначены функциональные особенности контаминированных образований в исследуемых языках.

Ключевые слова: *сопоставление; словообразование; контаминация; контаминаант; часть речи; структурный тип; словообразовательная модель; французский язык; русский язык.*

The article is devoted to a comparative study of contamination as a productive word-formation process in contemporary French and Russian. The structure of contaminated formations in both languages is examined. The main structural types and word-formation models of contaminants are identified and described depending on the involvement of the original words or their fragments in the word-formation process. The functional features of contaminated formations in the studied languages are outlined.

Ключевые слова: *comparison; word formation; contamination; contaminated units; part of speech; structural type; word formation model; French; Russian.*

Контаминация как способ образования новых слов, отражающий современные лингвистические тенденции к экономии речевых усилий, активно изучается на материале различных языков. Однако неоднозначность данного способа словообразования, специфика самого термина, а также широкое распространение контаминантов во всех сферах жизни требуют дополнительного научного осмыслиения.

В современном языкоznании контаминацией называют разные виды взаимодействия близких по значению и / или структуре языковых единиц или их частей, которое приводит к их изменению, а также к образованию на их базе нового слова или выражения, называемого контаминантом [1, с. 200]. Наряду с термином *контаминация* для определения данного способа образования новых слов существуют термины *телескопия*, *блэндинг*, *словослияние*, *амальгамация*, *гибридизация*, *словосмешение*, *стяжение*, причем российские лингвисты отдают предпочтение термину *контаминация*; в свою очередь зарубежные лингвисты чаще используют термины *blending* ‘блэндинг’ – для английского языка и *télescopage* ‘телескопия’ – для французского [2, с. 5]. Лексические единицы, образованные с помощью данного способа словообразования, в английской терминологии называются *portmanteau words* ‘слова-чемоданы’, *amalgam words* ‘амальгамные слова’, *amalgam forms* ‘амальгамные формы’, *hybrids* ‘гибриды’; в свою очередь французские лингвисты называют их *mots-valises* (калька с английского), *mots-emboîtés* ‘слова-вставки’, *mots-centaures* ‘слова-кентавры’, *amalgame* ‘амальгама’, *mots-gigognes* ‘слова-матрешки’, *mots-sandwiches* ‘слова-бутерброды’ [3, с. 132], а русские ученые используют термины *контаминанты*, *слова-спайки*, *слова-слитки*, *телескопы* и *телескопные слова*, *сложносокращенные слова*, *слова-амальгамы*, *свертки*, *слова-гибриды* и др. [2, с. 5]. Мы отаем предпочтение терминам *контаминация*, *контаминант* и *контаминированная единица*.

Особенностью данного типа словообразования является тот факт, что основной строительной единицей может быть как все слово или его основа, так и его произвольная часть (фрагмент), которая появляется только в момент создания контаминанта [4, с. 182]. Ввиду этой особенности контаминированных образований некоторые лингвисты отрицают возможность полноценного грамматико-морфологического, семантического и структурного анализа данных лексических единиц [5, с.10]. Однако при четком выделении критериев для классификации новых слов представляется возможным провести сопоставительное структурно-грамматическое исследование контаминации как способа словообразования на материале нескольких языков и выявить основные тенденции в образовании контаминантов, характерные для разных языковых групп.

В центре нашего внимания структурно-грамматические особенности языковых единиц, созданных в результате взаимодействия нескольких слов, а также функциональная значимость полученных лексических образований в языковых системах двух неродственных языков – французского и русского.

Материалом для данного исследования послужили 533 контамированных единицы (268 французских и 265 русских), отобранные методом сплошной выборки из различных интернет-ресурсов, печатных и электронных СМИ, двуязычных и одноязычных словарей, а также художественных текстов на французском и русском языках. Контамированные единицы, отобранные для анализа, принадлежат одному языковому уровню – это лексические образования, значение которых уже закрепилось в словарях или значения которых можно полностью или частично вывести из значений образующих их структурных компонентов.

С точки зрения количества исходных слов французские и русские контамианты представляют собой в основном двухкомпонентные образования (526 ед., или 98,69 % от общего количества исследуемых единиц). Ср.: *pantacourt* = *pantalon* + *court* ‘короткие брюки, капри’ (фр.), *élevache* = *élevage* + *vache* ‘разведение коров’ (фр.); *викиальность* = *Википедия* + *реальность* (рус.), *бракобесие* = *брак* + *мракобесие* (рус.). Трехкомпонентные единицы составляют относительно небольшую часть контамированной лексики в сравниваемых языках (6 ед., или 1,12 %), например: *tourloutonner* = *tourner* + *tourlourou* + *moutonner* ‘движение облаков на горизонте’ = ‘крутить/вращать + солдатик + становится похожим на овец’ (фр.); *bégueularder* = *bégueule* + *gueulard* + *gueuler* ‘манерничать, кривить душой’ = ‘недотрога + горлопан + горлопанить’ (фр.); *апофигей* = *апофеоз* + *фиг* + *апогей* (рус.); *брехлама* = *реклама* + *брехня* + *хлам* (рус.). В русском языке встречаются также четырехкомпонентные контамианты: *фильтрикультикамтор* = *фильм* + *мультик* + *культура* + *мультипликатор*, что отражено в табл. 1.

Таблица 1

Типы контамированных образований
в зависимости от количества исходных единиц

№ п/п	Тип контамированной единицы	Французский язык		Русский язык		Общее количество	
		ед.	%	ед.	%	ед.	%
1	Двухкомпонентные контамианты	265	98,9	261	98,5	526	98,7
2	Трехкомпонентные контамианты	3	1,1	3	1,1	6	1,1
3	Четырехкомпонентные контамианты	–	–	1	0,4	1	0,2
Всего		268	100	265	100	533	100

Важной структурной характеристикой контамиантов является способ взаимодействия компонентов исходных единиц в контамированной единице. Этот параметр отличает контамианты от других многокомпонентных единиц языка и речи и находится в тесной связи со всеми другими его

свойствами [6, с. 17]. Последовательный анализ способов взаимодействия фрагментов исходных единиц или их фрагментов в построении новой лексической единицы по системе Т. А. Золотаревой [7, с. 93–94] позволил выделить во французском и русском языках три общих типа контаминированных единиц:

- *полные* контаминанты – единицы, где все слова, задействованные в образовании новой лексемы, имеют усеченную форму (225 ед., или 42,2 % от общего количества анализируемых единиц): *odorama* = *od(eur)* + *(pan)orama* ‘одорама/цветная схема типов запахов’ (фр.), *cruffin* = *croissant* + *muffin* ‘слойка из теста для круассана в форме маффина’ (фр.); *бульмини*=буль(он) + (пель)мени (рус.), *инфодемия* = *инфо(рмация)* + *(пан)демия* (рус.), *мафрупция* = *маф(ия)* + *(кор)рупция* (рус.);
- *частичные* контаминанты – единицы, у которых хотя бы один исходный компонент сохраняет свою полную форму (160 ед., или 30 % в двух языках): *Webinaire* = *Web* + *(sém)inaire* ‘семинар, проводимый онлайн’ (фр.), *publipostage* = *publi(cité)* + *postage* ‘рассылка по почте рекламных проспектов’ (фр.); *бультерьер* = *буль(дог)* + *терьер* (рус.), *инфопауза* = *инфо(рмация)* + *пауза* (рус.);
- *гаплологические* контаминанты – единицы, которые образованы путем наложения отдельных букв/звуков в месте соединения компонентов или целых слов и графически/фонетически содержат оба исходных слова: (148 ед., или 27,8 % от общих 533 ед.): *Hannoël* = *Han(ouka)* + *Noël* ‘нечто среднее между Ханукой и Рождеством’ (фр.), *pourriel* = *pou(belle)* + *(c)ourriel* ‘спам’; *бредактор* = *б(ред)+ редактор* (рус.), *безумительно* = *безум(но) + (и)зумительно* (рус.).

Соотношение разных структурных типов контаминантов в сравниваемых языках в зависимости от участия производящих основ или их фрагментов в образовании новой лексической единицы представлены в табл. 2.

Таблица 2

Структурные типы контаминированных образований
во французском и русском языках

№ п/п	Тип контаминированной единицы	Французский язык		Русский язык		Общее количество	
		ед.	%	ед.	%	ед.	%
1	Полные контаминанты	111	41,4	114	43	225	42,2
2	Частичные контаминанты	91	34	69	26	160	30
3	Гаплологические контаминанты	66	24,6	82	31	148	27,8
Всего		268	100	265	100	533	100

Статистические данные указывают на преобладание в сравниваемых языках полных контаминаントов (41,4 % во французском и 43 % в русском) и позволяют сделать вывод о том, что наиболее продуктивным типом образования контаминаントов в исследуемых языках является способ, где в образовании нового контаминированного слова участвуют усеченные основы или фрагменты двух и более слов без каких-либо дополнительных изменений.

Вторая позиция во французском языке отводится частичным контаминантам – 34 %. В русском языке этот структурный тип менее значим и составляет 26 % от анализируемых контаминаントов. Причем усеченные элементы, образующие контаминированные единицы, как правило, самостоятельно не употребляются. Однако тенденция использовать «усеченные осколки» в создании ряда новых лексических единиц, отмеченная Т. А. Золотаревой в английском языке [7, с. 93], фиксируется также в исследуемых языках. Например, осколочный элемент *-mentaire* во французском языке, будучи частью существительного *documentaire* ‘документальный фильм’, входит в состав контаминаントов, связанных с кино и медиапространством. Контаминированные образования с компонентом *-umentaire* указывают на жанры документальных фильмов: *mockumentaire* ‘псевдодокументальный фильм’ (*un faux-documentaire*), *rockumentaire* ‘документальный фильм о рок-музыке и рок-музыкантах’, *shockumentaire* ‘тип документального или псевдодокументального фильма со сценами насилия’. Используется также первый фрагмент от *documentaire docu-* в лексических единицах типа *docufiction* = *documentaire* + *fiction* ‘документальная драма’, *documenteur* = *documentaire* + *menteur* ‘псевдодокументальный фильм’. В русском языке осколочный элемент *лайк-*, заимствованный из английского языка, также стал началом целой серии контаминированных единиц, активно используемых в социальных сетях: *лайкбище* = *лайк* + *кладбище* (обозначение большого количества лайков), *лайкодром* = *лайк* + *аэродром* (шутливое название места с множеством лайков), *лайкомет* = *лайк* + *пулемет* (условный «аппарат для лайков»), *лайкодромец* = *лайкомет* + *аэродромец* (усложненное смешанное слово), *лайкдорфин* = *лайк* + *эндорфин* (используется для обозначения гормона счастья, который условно связывают с ощущением удовольствия и счастья, возникающего при получении большого количества лайков в социальных сетях). Эти неологизмы носят шуточный или иронический характер.

Необходимо также отметить большую продуктивность гаплологических контаминаントов в русском языке по сравнению с французским: 82 ед, или 31 %, в русском языке и 66 ед., или 24,6 %, – во французском. Русский язык, обладая сложной словообразовательной системой с обилием суффиксов и префиксов, создает более благоприятные условия для гаплологического

наложения и образования контаминаントов с этим свойством. Гаплоги-ческие контаминанты ввиду слияния повторяющихся частей слова менее громоздки, легче и естественнее произносятся, а также проще воспринимаются на слух и быстрее запоминаются. Ср., например: *ломастер* = *лома(ть)* + *мастер*, *отканомика* = *отка(m)+(э)кономика*, *стипенсия* = *степен(дия)* + *пенсия*, *АиФоризмы* = *АиФ* + *(а)форизмы*, *чудетство* = *чуде(сный)+дество*.

Категориальная принадлежность контаминанта определяется, как правило, по грамматическим признакам последнего компонента лексической единицы [8, с. 58]. Например, французский контаминант *naturespecter* = *nature* + *respecter* ‘уважать природу’ относится к глаголам 1-й группы, *bistronomie* = *bistro* + *gastronomie* ‘бистрономия (совокупность высокой кухни и способа подачи блюд, цен и меню обычного бистро)’ представляет собой имя существительное ж.р., ед.ч., *vertigénial* = *vertigineux* + *génial* ‘головокружительно гениальный’ – имя прилагательное м.р., ед.ч., а русский контаминант *убожественно* = *убого* + *убийственно* имеет отношение к классу наречий.

Частеречный анализ контаминаントов позволил выделить среди исследуемых контаминированных единиц четыре самостоятельные части речи: имена существительные, имена прилагательные, глаголы и наречия, причем доминируют в сравниваемых языках имена существительные: 80,6 % всех единиц во французском языке и 87,6 % в русском. Именно имена существительные наиболее приспособлены для называния новых предметов и явлений реальной действительности. Кроме того, они легче воспринимаются и интегрируются в процессе коммуникации, а их морфологические и семантические особенности позволяют свободно образовывать новые слова за счет сочетания разных корней и суффиксов, имеющих устойчивое значение.

Необходимо также отметить, что в современном французском языке по сравнению с русским зафиксировано более активное образование контаминированных глаголов – соответственно 37 французских ед., или 13,8 %, и 8 русских, или 3 %: *fricasser* = *frire* + *casser* ‘жарить, тушить ломтики мяса’ (фр.), *bavardîner* = *bavarder* + *dîner* ‘вести беседу за ужином’, *amourir* = *amour* + *mourir* ‘умирать от любви’ (фр.), *хрюкотать* = *хрюкать* + *хохотать* (рус.). В русском языке второй по количественной значимости оказывается группа контаминированных прилагательных (6,8 % против 5,6 % во французском языке): *тихойный* = *тихий* + *спокойный*, *смеселый* = *смелый* + *веселый*. Кроме того, в русском языке зафиксированы наречия, образованные с помощью контаминации: *кинеально* = *кино* + *гениально*, *космографично* = *космос* + *графично*, *спортуально* = *спорт* + *актуально*, что на данный момент не было выявлено во французском языке.

Количественное соотношение контаминаントов с учетом их частеречной принадлежности представлено в табл. 3.

Таблица 3

Соотношение контаминированных единиц
по частеречной принадлежности

№	Часть речи	Французский язык		Русский язык		Общее количество	
		ед.	%	ед.	%	ед.	%
1	Существительное	216	80,6	232	87,6	448	84,1
2	Глагол	37	13,8	8	3	45	8,4
3	Прилагательное	15	5,6	18	6,8	33	6,2
4	Наречие	–	–	7	2,6	7	1,3
Всего		268	100	265	265	533	100

В зависимости от принадлежности компонентов, участвующих в процессе словообразования, к определенной части речи нам удалось выделить 13 структурных моделей, 10 из которых являются общими для французского и русского языков. В процессе создания новой части речи могут участвовать как значимые морфемы, так и произвольные части слов, достаточно, чтобы этот фрагмент слова напоминал говорящему исходное слово [3, с.134], т.е. кроме усечения хотя бы одного слова «с возможным наложением и вставками морфов» в месте соединения, наблюдается также сохранение «акцентно-слоговой структуры одного из исходных слов, которое рассматривается в качестве морфологического образца» [9, с. 5].

В исследуемых языках преобладают контаминированные единицы, словообразовательная цепочка которых состоит из имен существительных – структурная модель *имя существительное + имя существительное* $N_1 + N_2 = N_3$: 163 ед., или 60,82 %, во французском и 194 ед., или 73,2 %, – в русском. Ср.: *clavardage* ‘общение по интернету, чат’ = *clavier* + *bavardage* ‘клавиатура + болтовня’ (фр.); *grattédos* = *gratter* + *dos* ‘скрести/царапать + спина’ = ‘хвастун’ (фр.), *télérendum* ‘телереферендум’ = *télévision* + *référendum* ‘телевидение + референдум’ (фр.), *умозлоключение* = *умозаключение + злоключение* (рус.); *человейник* = *человек* + *муравейник* (рус.), *драконат* = *дракон* + *деканат* (рус.). Контаминированные имена существительные особенно удобны для номинации сложных понятий, поскольку они, с одной стороны, менее громоздки и позволяют экономить речевые усилия, с другой – добавляют к семантике исходных компонентов экспрессивную и/или оценочную окраску. Эти существительные используются также для именования сложных лингвокультурных концептов, значение которых вытекает из слияния составляющих элементов. Так, например, контаминаант *хрущоба* = *Хрущёв* + *трущоба* ‘квартира в пятиэтажном блочном доме, построенном во времена Хрущева’

имеет более широкий смысл и передает идею советских реформ («от трущоб к хрущёбам»). Такая особенность контаминированных образований делает их эффективным средством передачи широкого/многомерного смысла и эмоционального отношения к реальности.

Следующая словообразовательная модель, активно используемая в сравниваемых языках, сочетает *имя прилагательное* и *имя существительное* (структурные модели $Adj + N_1 = N_2$ и $N_1 + Adj = N_2$ или $N + Adj_1 = Adj_2$). Ср., например, французские контаминаты-существительные *abracadabricot* = *abracadabrant* + *abricot* ‘невероятикос’ = ‘невероятный + абрикос’; *cubitainer* = *cubique* + *containeur* ‘пластмассовый контейнер для перевозки жидкостей’ = ‘кубический + контейнер’; *anfreluche* = *fanfrelue* + *freluche* ‘безвкусное украшение, побрякушка’ = ‘безумный + безделушка / дешевое украшение’ и русские контаминаты-существительные *молекуринария* = *молекулярная (кухня)* + *кулинария*; *переводинки* = *переводные* + *картинки*; *зелюк* = *зелёный* + *индюк*; *смеланхолик* = *смелый* + *меланхолик*. Причем обе структурные модели с прилагательным в пре- или постпозиции более продуктивны и значимы в количественном плане во французском языке и составляют 46 ед., или 17,2 %, против 28 ед., или 10,6 %, – в русском. Кроме того, все французские контаминаты, образованные по модели $N + Adj$, несмотря на то, что последнее слово является прилагательным, относятся к именам существительным, что вполне закономерно, учитывая, что во французском языке большинство прилагательных стоит после существительного, которое они определяют: *enniversel (n, m)* = *ennui* + *universel* ‘вселенская скука’ = ‘скука/тоска + всеобщий/всемирный’, *tradismatique* = *tradition* + *charismatique* ‘молодой католик, который хочет действовать в общине на любом уровне’ = ‘традиция/обычай/порядок + богодухновенный’. Русские контаминаты, образованные по этой же модели $N + Adj$, представляют собой класс имен прилагательных: *взыскательный* = *взыскание* + *исключительный* (рус.), *льготический* = *льготы* + *экзотический* (рус.), *пересельский* = *переселенцы* + *сельский* (рус.). Новообразования в обоих языках позволяют соединить в одной лексической единице разные значения и, в случае необходимости, добавить к ним дополнительную оценочную коннотацию.

Достаточно часто в сравниваемых языках встречается модель *прилагательное* + *прилагательное* $Adj_1 + Adj_2 = Adj_3$, которая закономерно приводит к созданию контаминированных прилагательных (4,5 % во французском языке и 4,2 % в русском). Новая лексическая единица дает возможность, описывая предметы и/или явления, соединять в единое целое как абсолютно разные по значению слова, так и синонимы: Ср., французские прилагательные: *délivicieux=délicieux + vicieux* ‘сладостный + порочный’, *vertigénal=vertigéneux+génial* ‘головокружительный + гениальный’, *rurbain* ‘относящийся к деревням, превращающимся в пригороды’ = *rural* + *urbain* ‘сельский + городской’, *épouffroyable = épouvantable + effroyable* ‘страшный/ужасный + отвратительный’ и контаминированные прилагательные в русском языке:

тихойный = тихий + спокойный, хлипкий = хлипкий + ловкий, грязючий = грязный + вонючий, стремустный = стремительный + шустрой. Таким образом, контаминант передает сложное понятие одним словом, позволяя говорящему избежать использования штампов в речи.

Помимо прилагательных и существительных в образовании новых лексических единиц, могут участвовать также и глаголы. В обоих языках наблюдаются контаминанты, образованные путем соединения имени существительного и глагола, двух глаголов, а также наречия или прилагательного и глагола. В результате соединения разных частей речи образуются как контаминированные существительные, так и контаминированные глаголы. Ср. во французском и русском языках следующие модели:

- имя существительное + глагол ($N_1 + V = N_2$ или $N + V_1 = V_2$): *ambrassade* = *ambassade* + *embrasser* ‘объятия или ответные поцелуи’ = ‘посольство + обнимать / целовать’ (фр), *téléguider* = *télévision* + *guider* ‘управлять на расстоянии’ = ‘телевидение + вести / указывать дорогу’ (фр.); *дармарака* = *дарить* + *ярмарка* (рус.); *прихватизация* = *приватизация* + *хватать* (рус.);
- глагол + имя существительное ($V + N_1 = N_2$): *placottoir* = *placoter* + *trottoir* ‘место на тротуаре для отдыха и общения, особенно распространенное в Квебеке’ = ‘болтать + тротуар’ (фр.), *гульвар* = *гулять* + *бульвар* (рус.);
- глагол + глагол ($V_1 + V_2 = V_3$): *bavricaner* = *baver* + *ricaner* ‘брьзгать слюною + ухмыляться / зубоскалить / насмехаться’ (фр.); *divulgâcher* = *divulguer* + *gâcher* ‘спойлерить; преждевременно оглашать важную информацию, которая может испортить впечатление от истории, фильма или игры’ = ‘разглашать + портить’ (фр.); *рющать* = *хлюкать* + *верещать, кругтеться* = *крутиться + вертеться*;
- прилагательное + глагол ($Adj + V_1 = V_2$ или $V_1 + Adj = V_2$): *beautifier* = *beau* + *pontifier* ‘говорить напыщенно’ = ‘красиво + вешать’ (фр.), *углупиться* = *углубиться* + *глупый* ‘поглупеть, углубившись во что-либо’ (рус.).

Для русского языка большую функциональную значимость имеет модель имя существительное в пре- или постпозиции + наречие ($N + Adv_1 = Adv_2 / Adv_1 + N = Adv_2$): *вафлительно* = *вафли* + *восхитительно*, *вчера* + *ералаш*, *гдество* = *где* + *дество*. Во французском языке в результате взаимодействия указанных частей речи появился контаминант-существительное – тип $Adv + N_1 = N_2$: *sûrementeuse* = *sûrement* + *menteuse* ‘однозначно лгунья’. Подобные наречия и прилагательные привлекают внимание, усиливают эмоциональное воздействие и создают комический эффект.

Наименее продуктивной оказалась в обоих языках словообразовательная модель наречие + глагол ($Adv + V_1 = V_2$): *bienvenir* = *bien* + *venir* ‘благополучно приехать/прибыть’; *грустеть* = *грустно* + *хрустеть* (рус.).

Сводные результаты сопоставительного количественного анализа французских и русских контаминированных единиц на основе частеречной принадлежности их производных компонентов представлены в табл. 4.

Таблица 4

Структурные модели французских и русских контаминаントов в зависимости от частеречной принадлежности исходных компонентов

№ п/п	Структурный тип контаминанта	Французский язык		Русский язык	
		ед.	%	ед.	%
1	N + N	163	60,8	194	73,2
2	Adj + N	26	9,7	23	8,9
3	N + Adj	20	7,5	6	2,3
4	V + V	17	6,3	4	1,5
5	Adj + Adj	12	4,5	11	4,2
6	N + V	15	5,6	1	0,4
7	V + N	10	3,7	12	4,5
8	Adj + V	3	1,1	1	0,4
9	Adv + N	1	0,4	4	1,5
10	N + Adv		-	5	1,9
11	Adv + Adj		-	1	0,4
12	Adv + Adv		-	2	0,8
13	Adv + V	1	0,4	1	0,4
Всего		268	100	265	100

Необходимо заметить, что контаминированные образования, благодаря оценочному и шутливому характеру, получают широкое распространение в публицистическом и рекламном дискурсах, среди слов сленга, в произведениях, предназначенных для детей, однако, за исключением контаминаントов-терминов, «практически не фиксируются словарями общеупотребительной лексики, в которых они составляют не более 1-2 %» [10].

Проведенный сопоставительный анализ контаминированных образований французского и русского языков, показал, что:

- 1) контаминированные единицы в сравниваемых языках имеют схожую структуру и состоят в основном из двух компонентов;
- 2) разделение на фрагменты исходных единиц при контаминации может не соответствовать их делению на морфемы в слове, исходные элементы могут свободно комбинироваться, создавая новые конструкции;
- 3) в зависимости от участия исходных слов или их фрагментов в словообразовательном процессе в исследуемых языках выделяют полные, частичные и гаплологические контаминанты с преобладанием полных контаминаントов;

4) контаминация затрагивает все основные знаменательные части речи, однако наиболее распространена в рамках существительных и прилагательных, что соответствует номинативной функции существительных и описательной функции прилагательных, обусловливая смысловую и функциональную значимость новых слов;

5) в зависимости от частеречной принадлежности исходных слов во французском языке выявлены 10 моделей образований контаминантов, в русском – 13, в обоих языках доминирует модель $N_1+N_2=N_3$. Во французском языке, по сравнению с русским, наблюдается также более высокая продуктивность глагольных моделей, в русском языке вторую позицию занимают контаминанты-прилагательные;

6) значение контаминанта вытекает из значений исходных компонентов, при этом, будучи короче по звучанию, он передает больше информации;

7) контаминанты выступают как эффективный способ экономии речевых усилий, позволяя выражать сложные понятия одной лексической единицей;

8) контаминанты могут обладать яркой экспрессивной окраской, которая помогает выразить эмоциональное или оценочное отношение говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. Энцикл., 1966. – 608 с.
2. Лаврова, Н. А. Структурно-семантические и функциональные аспекты контаминации (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Лаврова Наталья Александровна ; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2007. – 17 с.
3. Эрстлинг, Л. В. Телескопные слова во французском языке / Л. В. Эрстлинг // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, Сер. III, Филология.– М. : Изд-во ПСТГУ, 2010. – Вып. 4 (22). – С. 132–142.
4. Астафурова, Т. Н. Телескопия: новый способ словообразования? / Т. Н. Астафурова, О. Н. Сухорукова // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2, Языкоzнание. – 2006. – № 5. – С. 182–185.
5. Мурзаков А. А. Функционально-прагматические аспекты слияния в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Мурзаков Александр Александрович ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб, 2013. – 24 с
6. Ефанова, Л. Г. Контаминация (материалы к словарю лингвистических терминов). Ч. 1. Широкое и узкое понимание термина «контаминация» / Л. Г. Ефанова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2015. – №2 (34). – С. 14–22.

7. *Золотарева, Т. А. Структурный анализ телескопных новообразований в современном английском языке / Т. А. Золотарева // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2011. – № 2 (56). – С. 91–94.*
8. *Лаврова, Н. А. Структурно-семантические разновидности контаминаントов современного английского языка / Н. А. Лаврова // Вестн. НГУ. История, филология. – 2009. – Т. 8, вып. 3. – С. 56–61.*
9. *Шевелева, А. Н. Структура и семантика телескопических производных с точки зрения когнитивной лингвистики (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Шевелева Анна Николаевна ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2003. – 17 с.*
10. *Лаврова, Н. А. Особенности контаминации и контаминаントов / Н. А. Лаврова. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kontaminatsii-i-kontaminantov.pdf> (дата обращения : 24.02.2025).*

Поступила в редакцию 30.10.2025

Коваленя Алеся Валерьевна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры речеведения

и теории коммуникации

Белорусский государственный университет

иностранных языков

г. Минск, Беларусь

Alecia Kovalenia

PhD in Philology, Associate Professor

of the Department of Speechology

and Communication Theory

Belarusian State University

of Foreign Languages

Minsk, Belarus

alesya.ovalenya@yandex.by

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АВТОРСКИХ СРАВНЕНИЙ И
МЕТАФОР В ОПИСАНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА**
(на материале русского и английского языков)

**PECULIARITIES OF USING AUTHOR'S COMPARISONS AND
METAPHORS IN DESCRIBING THE EMOTIONAL STATE OF A PERSON**
(Based on the Material of Russian and English)

Статья посвящена выявлению особенностей использования образов в авторских сравнениях и метафорах русского и английского языков в описании эмоционального состояния человека. В результате проведенного исследования было выявлено 13 видов эмоционального состояния человека, описываемых при помощи указанных фигур речи в русском языке и культуре и 6 в английском. Результаты исследования позволили идентифицировать основные группы образов, которые используются для экспликации эмоционального состояния человека в исследуемых языках. Кроме того, была установлена национально-культурная специфика употребления отдельных тематических категорий.

Ключевые слова: *авторское сравнение; метафора; образ; качество; культура.*

The article focuses on identifying the features of using imagery in author's comparisons and metaphors in Russian and English when describing a person's emotional state. As a result of the study, 13 types of emotional states described using these figures of speech were identified in the Russian language and culture, compared to 6 in English. The findings allowed to identify the key groups of images used to express a person's emotional state in the languages under study. Additionally, the national and cultural specificity of certain thematic categories was established.

К e y w o r d s: *author's comparison; metaphor; image; quality; culture.*

В описании качеств человека или предметов использование метафор и авторских сравнений играет особую роль. Так, в каждом языке и культуре есть свой набор образов, с которым у представителей определенного лингво-культурного сообщества возникает ряд ассоциаций. Например, в русском языке и культуре сила ассоциируется с медведем, богатырем, вихрем, конем, быком [1]. В английском языке и культуре это же качество ассоциируется с совершенно другими образами (бульвол, супермен, Самсон, титан, гладиатор [2]). Таким образом, изучение в сопоставительном аспекте авторских

сравнений и метафор различных языков и культур позволяет выявить тематические категории используемых образов для экспликации того или иного качества и описать национально-культурную специфику их употребления.

Под авторским сравнением понимается художественное сопоставление одного предмета с другим, придающим описанию изобразительность [3, с. 140]. В отличие от паремических сравнений авторские сравнения обладают образностью и экспрессивностью. Паремические сравнения характеризуются некоторой устойчивостью и фиксированностью используемых компонентов сравнений. Именно поэтому особый интерес для исследования представляют авторские сравнения. И. В. Арнольд говорит о том, что «для интерпретации намерений автора необходимо знать литературную, культурную, социальную и политическую обстановку эпохи» [4, с. 29]. Каждый автор имеет свои источники, из которых он черпает материал для образов. Источниками образов могут быть природа, искусство, война, бытовые предметы, сказки и мифы, наука и многое другое [5, с. 73].

Метафора представляет собой троп или механизм речи, заключающийся в употреблении слова в непрямом значении [6, с. 29]. Э. Маккормак рассматривает метафору как результат когнитивного процесса. Он пишет: «расматриваемые изнутри, метафоры функционируют как когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши представления о мире и создаем новые гипотезы. Рассматриваемые извне, они функционируют в качестве посредников между человеческим разумом и культурой. Новые метафоры изменяют повседневный язык, которым мы пользуемся, и одновременно меняют способы нашего восприятия и постижения мира» [7, с. 358]. Таким образом, исследователь говорит о том, что порождаемые метафоры представляют собой непосредственное отражение культурных реалий и то, как представитель определенной нации членит и воспринимает мир. Э. Маккормак полагает, что «метафора строится как на сходных, так и несходных свойствах референтов, на которых основывается аналогия или семантическая аномалия. Аналогия соответствует сходным свойствам референтов, аномалия – несходным» [7, с. 362].

Согласно древнегреческому мыслителю Аристотелю, эмоциональное состояние человека связано с его переживаниями. Например, мысли человека, ненависть или любовь [8].

В языковом плане психоэмоциональное состояние человека может описываться при помощи наречий (*тоскливо, уныло, радостно, грустно*), прилагательных (*подавленный, тревожный, счастливый*) [9; 10], фразеологизмов (*кошки скребут на душе, доводить до белого каления*) [11].

Особый интерес представляет изучение особенностей экспликации психоэмоционального состояния человека при помощи авторских сравнений и метафор русского и английского языков.

Итак, целью исследования является выявление, описание в сопоставительном аспекте особенностей использования авторских сравнений и метафор в экспликации эмоционального состояния человека в русском и английском языках. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) выделить основные образы, используемые в авторских сравнениях и метафорах описания эмоционального состояния человека;
- 2) выявить и описать набор качеств, которые эксплицируются при помощи сравнений и метафор в описании эмоционального состояния человека;
- 3) идентифицировать национально-культурную специфику образов, используемых в сравнениях и метафорах описания эмоционального состояния человека.

Материалом для проведения анализа послужила выборка из национальных корпусов русского и английского языков (основной подкорпус). Общий объем проанализированного материала составляет 485 авторских сравнений и 315 метафор в русском языке и 412 авторских сравнений и 315 метафор в английском.

Рассмотрим основные результаты исследования. В ходе анализа было выделено 13 групп качеств, которые описывают эмоциональное состояние человека в русском языке и культуре. Группы и частотность их использования в языке представлены в таблице 1.

Таблица 1

Группы качеств описания эмоционального состояния человека
в русском языке и культуре

Описываемое качество	Частотность использования	
	Авторские сравнения	Метафоры
1. Взволнованность	4 %	2 %
2. Тревожность	2 %	6 %
3. Отчаяние	2 %	4 %
4. Радость	8 %	8 %
5. Счастье	16 %	14 %
6. Злость	30 %	28 %
7. Печаль	24 %	22 %
8. Пренебрежение	1 %	1 %
9. Безразличие	2 %	2 %
10. Влюбленность	1 %	1 %
11. Одиночество	2 %	2 %
12. Стыд	6 %	8 %
13. Тоска	2 %	2 %

Согласно полученным данным, в русском языке и культуре при помощи авторских сравнений и метафор в первую очередь описываются три группы: злость (30 % и 28 %), печаль (24 % и 22 %) и счастье (16 % и 14 %). Результаты исследования позволяют говорить о том, что для данной культуры характерна экспликация негативных эмоциональных состояний в целом. Такие положительные эмоции, как счастье, радость и влюбленность в общей сложности занимают приблизительно $\frac{1}{4}$ часть от общего количества.

Рассмотрим примеры использования авторских сравнений и метафор в каждой группе.

- Взволнованность:** *взволнованный, как пожилой нацистский хирург перед встречей со своим бывшим пациентом из Освенцима* [1].
- Тревожность:** *Тревожный свист осатаневшей стужи в груди моей* [1].
- Отчаяние:** *Роковая закваска смерти уже бродит во мне* [1].
- Радость:** *Не обращайте внимания на то, что я вас целую, потому что у меня на душе, как на Пасху* [1].
- Счастье:** *Внутри меня танец; внутри меня звучала музыка; вечером, счастливый, как жених я возвращался домой* [1].
- Злость:** *Он сидел на террасе с бутылкой пива, явно злой как черт; злая, как овчарка, моя юная жена; я же злой, как комар, сидел в погребе* [1].
- Печаль:** *Он сегодня печальный, как целое кладбище; на душе как в горшке из-под кислого молока* [1].
- Пренебрежение:** *Внутри меня разливается чёрная желчь, когда я вижу на экране какие-нибудь «Войны жуков-гигантов»* [1].
- Безразличие:** *Может, кого-то ждет или любуется природой. А внутри меня – сквозняк* [1].
- Влюблённость:** *Я поняла, что я люблю, я поняла. Как будто бьют внутри меня колокола* [1].
- Одиночество:** *Здесь одинокий, как орех в пустыне* [1].
- Стыд:** *Меня съедает дыра. Почему-то происходящее со мной очень стыдно* [1].
- Тоска:** *Как волк в зоопарке тоскует* [1].

Наконец, в ходе исследования в каждой группе качеств описания эмоционального состояния человека были выделены ключевые образы, которые используются в авторских сравнениях и метафорах. Образы представлены в таблице 2.

Таблица 2

Ключевые образы описания эмоционального состояния человека
в русском языке и культуре

Эмоциональное состояние	Используемые образы в авторских сравнениях и метафорах
1. Взволнованность	Хирург, школьник, влюбленный
2. Тревожность	Свист стужи, тревожный холодок, вой сирены
3. Отчаяние	Смерть, кровь, волна, море
4. Радость	Ребенок, песня, танец, невеста, жених, март, утро, весна, младенец, калмык, степь, Пасха, орел
5. Счастье	Музыка, песня, танец, невеста, жених, всплеск, буря
6. Злость	Черт, дьявол, комар, медведь, хорек, любая порода крупной собаки или просто собака, волк, крыса, зверь, ночь, питерское лето, огненный шар, чайник, кабан
7. Печаль	Старая собака, кладбище, шум осенней листвы на ветру, выжженное дупло, кислое молоко, вечная зима, снег
8. Пренебрежение	Желчь, холод
9. Безразличие	Пустота, сквозняк
10. Влюблённость	Звон колокола, весна
11. Одиночество	Собака, озеро, дуб, орех
12. Стыд	Дыра, подросток, невеста перед брачной ночью
13. Тоска	Волк или любое другое животное вне естественной среды своего обитания

Самая большая группа образов из категории «Злость» в 40 % случаев от общего числа метафор и авторских сравнений представлена образами черта, дьявола и сатаны (*Он сидел на террасе с бутылкой пива злой, как черт* [1]). На втором месте (30 %) по частотности использования находится образ медведя (*Раздосадованный и злой, как медведь, от которого ускользнула добыча* [1]). Третья по частотности использования образов категория принадлежит образу собаки (*Он был злой, как собака, у которой отобрали кость* [1]).

Особый интерес представляют образы, при помощи которых эксплицируются радость и счастье. Так, в русском языке и культуре радостное состояние человека ассоциируется с пением калмыка (*Внутри меня калмык, он хочет петь, что в целом мире есть одна лишь степь* [1]). Калмыки – это монгольский народ ойратской группы, проживающий на территории Российской Федерации. Кроме того, состояние счастья и радости транслируется через эмоции, которые чувствуют жених или невеста (*как невеста, впервые испытавшая любовь и сладостный стыд* [1]).

Рассмотрим результаты исследования, полученные в ходе анализа английских авторских сравнений и метафор, которые описывают эмоциональное состояние человека. В ходе анализа было выделено 6 групп качеств. Группы и частотность их использования в языке представлены в таблице 3.

Таблица 3

Группы качеств описания эмоционального состояния человека
в английском языке и культуре

Эмоциональное состояние	Используемые образы в авторских сравнениях и метафорах	
	Авторские сравнения	Метафоры
1. Счастье	30 %	24 %
2. Злость	36 %	28 %
3. Печаль	12 %	18 %
4. Надежда	4 %	2 %
5. Душевная боль	16 %	22 %
6. Депрессия	16 %	6 %

Полученные в ходе исследования данные позволяют говорить о том, что при помощи авторских сравнений и метафор в английском языке и культуре эксплицируются преимущественно отрицательные эмоциональные переживания человека (злость, печаль, душевная боль). В количественном соотношении это составляет около 65 %. Положительные эмоции описываются в 35 % случаев. Как в русском языке, так и в английском на первом месте в количественном плане превалирует описание злости (36 % и 28 %).

Рассмотрим примеры использования авторских сравнений и метафор в каждой группе.

1. Счастье: *Happy like a couple who live in a cosy house overlooking the sea in the posh Los Angeles suburb* ‘Счастливы, как пара, живущая в уютном доме с видом на море в шикарном пригороде Лос-Анджелеса’ [2].

2. Злость: *Angry as a bee that has sat on its own sting* ‘Злой, как пчела, севшая на собственное жало’ [2].

3. Печаль: *Sad as a devil or death* ‘печален, как дьявол или смерть’ [2].

4. Надежда: *I feel a lively lump inside of me and a need to keep it vital* ‘Я чувствую внутри себя живой комок и необходимость поддерживать его жизнеспособность’ [2].

5. Душевная боль: *Pain inside of me is like a beast* ‘боль внутри меня, словно зверь’ [2].

6. Депрессия: *Depressed as a teenager* ‘депрессивный, как подросток’ [2].

По аналогии с русским языком и культурой, в английском были выделены ключевые образы, которые используются в авторских сравнениях и метафорах. Образы представлены в таблице 4.

Таблица 4

Ключевые образы описания эмоционального состояния человека в английском языке и культуре

Эмоциональное состояние	Используемые образы в авторских сравнениях и метафорах
1. Счастье	Жизнь в пригороде Лос-Анджелеса, опьянение, детство, молодость, ребенок, котенок или щенок в руках
2. Злость	Гусь, пчела, дьявол, черт, смерть
3. Печаль	Дьявол, смерть, звуки дождя
4. Надежда	Комок жизни, жизнь, энергия
5. Душевная боль	Ад, смерть, дождь, пустыня, иголки
6. Депрессия	Ад, алкоголик, подросток, дьявол

Таким образом, в английском языке и культуре счастливый человек ассоциируется с тем, кто живет в пригороде или находится в стадии опьянения (*I feel like a drunk person feels. It's a feeling of carefree happiness* ‘Я чувствую себя так, как чувствует себя пьяный человек. Это чувство беззаботного счастья’ [2]). Кроме того, еще одной особенностью описания счастливого человека является сравнение его чувств с тем, кто держит в руках щенка или котенка (*Happiness is a puppy in my hands. I can feel it* ‘Счастье – это щенок в моих руках. Я могу чувствовать это’ [2]). В русском языке и культуре счастье ассоциируется с всплеском, бурей, музыкой, песней, танцем.

В описании злости в сравнениях и метафорах двух языков и культур превалирует использование образов черта и дьявола (*От ее слов он стал злой, как черт и He has become angry like a devil* ‘Он стал злой, как дьявол’ [2]). Следует отметить, что в русском языке набор образов для описания эмоционального состояния человека в количественном плане представлен больше, чем в английском (5 в английском языке и 14 в русском).

Еще одной особенностью описания негативных эмоциональных переживаний человека в английском языке и культуре является то, что они все ассоциируются со смертью, дьяволом и адом (*inside me everything is torn apart by mental pain as if I am in hell* ‘внутри меня все разрывается от душевной боли, будто я в аду’ [2]).

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов.

1. При помощи авторских сравнений и метафор в русском языке и культуре эксплицируется 13 видов эмоционального состояния человека (взволнованность, тревожность, отчаяние, радость, счастье, злость, печаль, пренебрежение, безразличие, влюбленность, одиночество, стыд, тоска).

2. При помощи авторских сравнений и метафор в английском языке и культуре эксплицируется 6 видов эмоционального состояния человека (счастье, злость, печаль, надежда, душевная боль, депрессия).

3. В описании эмоционального состояния человека при помощи авторских сравнений и метафор в двух языках и культурах превалируют негативные эмоции (злость, печаль, душевная боль, тоска).

4. Выявлены уникальные образы, которые используются в описании эмоционального состояния человека при помощи сравнений и метафор в русском языке и культуре: калмык, степь, питерское лето, звон колокола, дуб, нацистский хирург.

5. Описаны уникальные образы, которые используются в описании эмоционального состояния человека при помощи сравнений и метафор в английском языке и культуре: жизнь в пригороде Лос-Анджелеса, котенок или щенок в руках, гусь.

6. Как в русском, так и в английском языке в описании глубокого эмоционального переживания человека используются образы ада, черта, дьявола и сатаны, которые терзают человека изнутри.

7. Еще одной отличительной особенностью описания эмоционального состояния человека в русском языке и культуре является использование в метафорах и сравнениях образов, которые связаны с холодом: выюга, холод, сквозняк, стужа, осенний ветер, вечная зима, холодное питерское лето.

8. В английском языке и культуре есть тенденция в противопоставлении переживаемых эмоций человеком с жизнью и смертью. Все хорошее, что чувствует человек, связано с жизнью и энергией. Негативные эмоции ассоциируются со смертью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 20.07.2025).
2. British National Corpus (BNC). – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (date of access: 01.08.2025).
3. Вержбицкая, А. Сравнение – градация – метафора / А. Вержбицкая // Теория метафоры : сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. – М., 1990. – С. 133–153.
4. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов / И. В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
5. Томашевский, Б. В. Стилистика и стихосложение : курс лекций / Б. В. Томашевский. – Ленинград : Учпедгиз, 1959. – 537 с.

6. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. – М., 1990. – С. 5–32.
7. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры : сб. ст. / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. – М., 1990. – С. 358–387.
8. Аристотель. Метафизика / Аристотель ; пер. с греч. П. Д. Первова и В. В. Розанова. – М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 232 с.
9. Виноградов, В. В. Лексикология и лексикография : избр. тр. / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 317 с.
10. Шрамм, А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных: на материале соврем. рус. яз. / А. Н. Шрамм. – Ленинград : ЛГУ, 1979. – 134 с.
11. Васильев, А. И. Фразеологический словарь языка И. А. Бунина / А. И. Васильев. – Елец : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2011. – 400 с.

Поступила в редакцию 14.02.2025

Манкевич Анна Андреевна
аспирант кафедры теории и практики
китайского языка
Белорусский государственный университет
иностранных языков
преподаватель кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации
Полесский государственный университет
г. Пинск, Беларусь

Hanna Mankevich
PhD Student of the Department
of Theory and Practice of Chinese Language
Belarusian State University
of Foreign Languages
Lecturer of the Department of Linguistics
and Professional Communication
Polessky State University
Pinsk, Belarus
mankevich.a@polessu.by

К ВОПРОСУ О МОРФЕМНОЙ КОНТРАКЦИИ И УНИВЕРБИЗАЦИИ ON THE ISSUE OF MORPHEMIC CONTRACTION AND UNIVERBIZATION

В статье затрагивается тема морфемной контракции и универбизации. Особое внимание обращается автором на сокращение знаков в китайском языке, на закономерности, лежащие в основе процесса морфемной контракции, а также на историю универбизации. Приводится краткий разбор лексем, подвергшихся морфемной контракции, в рамках рекурсивного анализа ролевой структуры на *актуализатор* vs. *модификатор* в парадигме частей языка на тайгенов и ёгенов.

Ключевые слова: *морфемная контракция; универбизация; тайген; ёген; сложносокращенное слово; включение; стяжение; семантическая компрессия; семантическая свертка.*

The article touches upon the theme of morphemic contraction and univerbization. The author draws attention to the contraction of signs in the Chinese language, to the patterns underlying the process of morphemic contraction, as well as to the history of univerbization. A brief analysis of the lexemes that have undergone morphemic contraction is given within the framework of a recursive analysis of role structure of *the actualizator* vs. *modificator* of the parts of the language paradigm into taigens and yogens.

Key words: *morphemic contraction; univerbization; taigen; yogen; abbreviated word; inclusion; contraction; semantic compression; semantic convolution.*

Согласно исследованиям в области китаистики, доминирующей чертой эволюции лексики китайского языка за последние два тысячелетия является трансформация от односложных лексем к двусложным. Преобладающая часть двусложных слов сформировалась посредством объединения двух элементарных односложных слов и, как следствие, состоит из двух значимых морфем. Однако, начиная с последних десятилетий XIX века, в китайском языке стала активно формироваться и расширяться специализированная лексика, то есть термины. Этот процесс не ускользнул от внимания исследователей, и в настоящее время сочетания, включающие три и более морфемы, являются объектом исследования лингвистов. Вместе с тем, учитывая, что

двуморфемное слово считается нормой для китайского языка, параллельно с возникновением многоморфемных конструкций появилась и тенденция к их сокращению, как правило, до двух морфем [1, с. 95].

Начиная с 1976 года власти Китая инициировали политику открытости, предоставив китайским ученым доступ к результатам иностранных исследований и создав условия для совместной работы. После завершения культурной революции и по сей день наблюдается всплеск публикационной активности в области китайской лингвистики, и изучение морфемной контракции не осталось в стороне от этого процесса [2].

Новый знак рождается, как минимум, из двух других, находящихся в отношении определяющее – определяемое, например: человек, которого послали в другую страну с дипломатической целью – тайген «посланник». В этом случае «которого послали в другую страну с дипломатической целью» – модификатор, определяющий актуализатор, то есть определяемое, человек. (*Человек какой?* – которого послали в другую страну). Это яркий пример того, что при образовании нового знака происходит свертка в пользу модификатора, а актуализатор «затемняется», в данном случае, в суффикс «ник», который часто используется при образовании новых знаков, в которых актуализатор обозначает человека [3, с. 34].

С точки зрения семантики актуализатор выделяет из ряда других множеств одно (человек) и акцентирует на нем свое внимание, модификатор же указывает, чем элементы этого множества отличаются друг от друга.

В китайском языке доминирует безаффиксальное словообразование (корнесложение), дополняемое полуаффиксальным и, в очень ограниченном виде, аффиксальным. Частым способом образования слов также является морфемная контракция.

В китайском языке наблюдается явление морфемной контракции, когда в сложных словах или словосочетаниях происходит опущение определенных значимых частей – морфем [4, с. 33]. Этот термин был введен в русскоязычный научный оборот И. Д. Клениным. Морфемная контракция приводит к формированию сокращенных номинаций. Слова, появившиеся в результате этого процесса, именуются сложносокращенными.

Ранее И. Д. Кленин применял термин «слоговая контракция», однако, поскольку контракция – это процесс, прежде всего, семантический, а термин «слоговая контракция» акцентировал фонетическую сторону, в научной литературе закрепилось понятие «морфемная контракция».

В первую очередь, морфемная контракция ведет к созданию аббревиатур, которые не получили широкого распространения и являются контекстными сокращениями [5, с. 32]. Из-за своей природы как графических обозначений сложных слов и словосочетаний, они редко используются в устной речи самостоятельно. Их значение определяется лексическим окружением и контекстом, поэтому перед их использованием в тексте часто указывается полная форма соответствующего выражения. Например: 联合国大会 → 联大 [6, с. 105].

联合国大会于1948年12月10日通过的《世界人权宣言》，不仅把儿童的受教育权看作基本人权和生存权的一部分，而且规定“教育应以充分发展人格并加强对人权和基本自由的尊重为目的”。1959年11月20日第14届联大通过的联合国历史上的第一个关于儿童权利的国际性条约 —《儿童权利宣言》。

Lián héguó dàihuì yú 1948 nián 12 yuè 10 rì tōngguòde «shì jiè rén quán xuān yán», bùjǐn bǎ értóng de shòu jiàoyù quán kànzuo jīběn rénqúán hé shēngcún quándé yíbùfēn , érqiě guīdìng " jiàoyù yīng yǐ chōngfēn fāzhǎn rén gé bìng jiāqíáng duì rénqúán hé jīběn zìyóu de zūnzhòng wéi mùdì " . 1959 nián 11 yuè 20 rì dì 14 jiè **liándà** tōngguò de liánhéguó lìshǐ shàng de dìyī gè guānyú értóng quánlì de guójìxìng tiáoyuē — «ér tóng quán lì xuānyán» [7] ‘Согласно всеобщей декларации прав человека, принятой **Генеральной Ассамблей ООН** 10 декабря 1948 года, право детей на образование рассматривается наравне с правом на жизнь как одно из основных прав человека, также провозглашается принцип, согласно которому «образование должно всесторонне развивать личность и распространять права и основные свободы человека». А 20 ноября 1959 года на 14 съезде **ГА ООН** впервые за всю историю ООН была принята Декларация о правах ребенка’.

Похожее наблюдается и в русском языке: ‘Организация экономического сотрудничества и развития’ → ‘ОЭСР’.

Морфемная контракция обусловлена рядом закономерностей, касающихся структуры, значения и, в некоторой степени, звучания слов.

Тенденция структурной упорядоченности выражается в стремлении к формированию сложносокращенных лексем, идентичных по структуре уже существующим словам в языке и это часто сводится к их приведению к преобладающей двухморфемной модели.

Семантическая закономерность проявляется в отборе наиболее значимых смысловых элементов для образования аббревиатур. Данный принцип является определяющим.

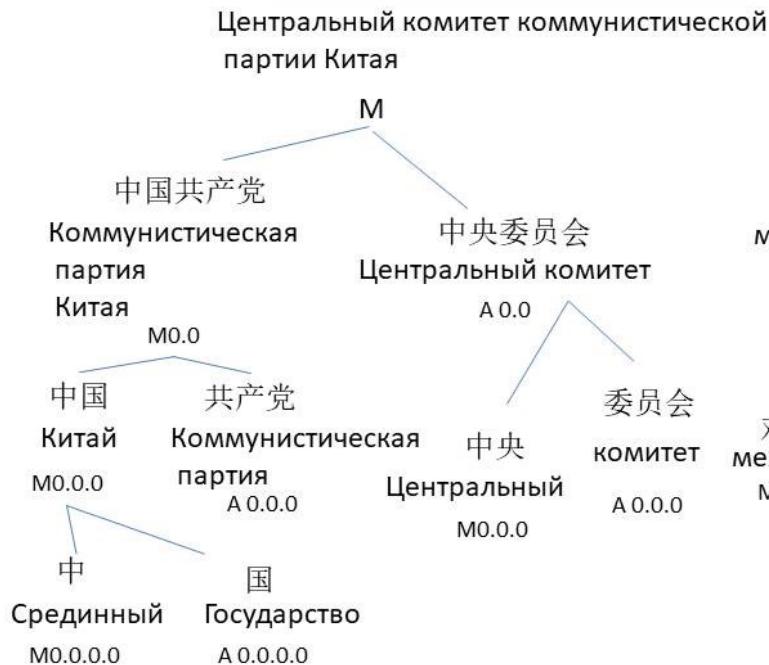
Фонологический аспект приобретает особое значение при адаптации заимствований из европейских языков. Это связано с тем, что длинные имена собственные, характерные для этих языков, могут противоречить фонетическим нормам китайского языка.

Сложносокращенные знаки обладают всеми признаками знаменательных слов. Они семантически целостны и синтаксически оформлены, а также синтаксически сочетаются с другими лексическими единицами.

Рассмотрим для примера сокращенную лексическую единицу из предметной области «дипломатия»:

中国共产党中央委员会对外联络部 ‘Отдел международных связей Центрального комитета коммунистической партии Китая’ - 中联部 ‘Отдел международных связей ЦК КПК’.

中国共产党中央委员会

对外联络部

Рекурсивный анализ знака «中国共产党中央委员会对外联络部»

Знак 中国共产党中央委员会对外联络部 ‘Отдел международных связей Центрального комитета коммунистической партии Китая’ состоит из модификатора 中国共产党中央委员会 ‘Центральный комитет коммунистической партии Китая’ и актуализатора 对外联络部 ‘Отдел международных связей’.

Модификатор 中国共产党中央委员会 ‘Центральный комитет коммунистической партии Китая’ – системный тайген, в данном случае выступающий в роли ёгена. Состоит из актуализатора второго уровня рекурсии 中央委员会 ‘Центральный комитет’ и модификатора второго уровня рекурсии 中国共产党 ‘Коммунистическая партия Китая’. Модификатор второго уровня рекурсии 中国共产党 ‘Коммунистическая партия Китая’ состоит из модификатора третьего уровня рекурсии 中国 ‘Китай’ и актуализатора третьего уровня рекурсии 共产党 ‘Коммунистическая партия’. Модификатор третьего уровня рекурсии 中国 ‘Китай’ состоит из модификатора четвертого уровня рекурсии 中 ‘Срединная’ и актуализатора четвертого уровня рекурсии 国 ‘страна’. Свертка происходит в пользу модификатора 中 ‘срединная’. При свертке в пользу модификатора происходит образование нового знака, а не видоизменение существующего, следовательно, аббревиация сложная.

Актуализатор второго уровня рекурсии 中央委员会 ‘Центральный комитет’ состоит из модификатора третьего уровня рекурсии 中央 ‘центральный’ и актуализатора третьего уровня рекурсии 委员会 ‘комитет’.

Актуализатор 对外联络部 ‘отдел международных связей’ – тайген, состоящий из актуализатора второго уровня рекурсии 部 ‘отдел’ и модификатора второго уровня рекурсии 对外联络 ‘международных связей’. Модификатор второго уровня рекурсии 对外联络 ‘международных связей’ состоит из модификатора третьего уровня рекурсии 对外 ‘международный’ и актуализатора третьего уровня рекурсии 联络 ‘связи’. Актуализатор третьего уровня рекурсии 联络 ‘связи’ состоит из актуализатора четвертого уровня рекурсии 联 ‘союзный’ и модификатора четвертого уровня рекурсии 络 ‘сеть’.

Свертка происходит в пользу актуализатора 联 ‘союзный’. Поскольку свертка происходит в пользу актуализатора, то в данном случае происходит видоизменение знака, следовательно, аббревиация простая.

中联部人士说，中国共产党开展对外交往的另一个特点是党的领导人直接参加涉外活动。Zhōng lián bù rénshì shuō, zhōngguó gònghǎndǎng kāizhǎn duìwài jiāowǎng de lìng yīgè tèdiǎn shì dǎng de lǐngdǎo rén zhíjīē cānjiā shèwài huódòng [7] ‘Представитель Отдела международных связей ЦК КПК сообщил, что еще одной характерной чертой зарубежных обменов КПК является непосредственное участие партийных лидеров в зарубежной деятельности’. В данном случае знак 中联部人 является ёгеном.

来自中国国际问题研究所、中联部、中国现代国际关系研究院的学者及沪上专家各抒己见，对“中俄关系的发展及其展望”、“中亚局势与俄罗斯及其他大国的中亚战略”、“俄罗斯外交与大国关系”、“普京外交战略的评估”等议题展开讨论。Láizì zhōngguó guójì wèntí yánjiū suǒ, zhōng lián bù, zhōngguó xiàndài guójì guānxì yán jiù yuàn de xuézhě jí hù shàng zhuānjiā gèshūjǐjiàn, duì “zhōng é guānxì de fǎ zhǎn jí qí zhǎnwàng”, “zhōng yà júshì yǔ èluósī jí qítā dàguó de zhōng yà zhànlüè”, “èluósī wàijiāo yǔ dàguó guānxì”, “rǔjīng wàijiāo zhànlüè de pínggū” děng yìtí zhǎnkāi tǎolùn ‘Ученые из Китайского института международных исследований, Отдела международных связей ЦК КПК, Китайского института современных международных отношений и эксперты в Шанхае высказали свои мнения и обсудили такие темы, как «Развитие и перспективы китайско-российских отношений», «Ситуация в Центральной Азии и центральноазиатские стратегии России и других крупных держав», «Российская дипломатия и отношения с крупными державами» и «Оценка дипломатической стратегии Путина」. В данном случае знак 中联部人 является тайгеном.

Морфемная контракция приводит к формированию слова с узнаваемой звуковой оболочкой, но при этом его структура словообразования становится менее прозрачной. Морфемы в таких словах используются не в своих обычных значениях, а представляют собой значения исходных слов или словосочетаний, которые они заменяют.

С 60-х годов XX в. в русском языке также укрепилась тенденция использования слов-универбов для замещения целых словосочетаний. Использование универбов получило распространение в других славянских языках, например, польском, чешском, словацком, болгарском и др.

Универбизация, происходящая от латинского *«unum verbum»* (досл. ‘одно слово’), представляет собой процесс формирования нового слова из целого словосочетания. Суть процесса заключается в том, что производное слово заимствует основу лишь одного компонента из исходного сочетания, сохраняя связь по смыслу со всем выражением. К примеру, тайгены типа «читалка», «кредитка», «маршрутка» мотивируются словосочетаниями «ёген+тайген»: «читальный зал», «кредитная карточка», «маршрутное такси». Обратившись к истории, мы увидим, что универбы имеют дальнюю историю использования в русском языке.

В среде петербургской интеллигенции еще в 40-х годах XX в. стали применяться универбы, представляющие собой имена собственные, такие как Мариишка (для обозначения Мариинского оперного театра) и Александришка (для Александрийского драматического театра). Изначально эти формы появились в разговорной речи, а позднее закрепились и в письменной форме.

Так, с XIX века универбы постепенно проникают в письменную речь. В качестве примера можно привести случай, когда в 1888 году А. П. Чехов использовал универб «кредитка», имея в виду общество взаимного кредита.

Начиная с 60-х годов XX в. в русской литературе все более заметным становится процесс замены устойчивых словосочетаний новыми, разговорными словами, образованными с помощью суффикса **-ка** (например, «столовка», «казенка»).

К концу XIX столетия универбы образовали значительную группу лексических единиц, охватывающих разнообразные тематические категории. Первоначально, универбы несли ярко выраженный экспрессивный оттенок, призванный обличать определенные негативные явления, как, например, слова «уравниловка» или «обезличка».

XX век ознаменовался всплеском в образовании универбов, что заслуживает отдельного внимания. В политической сфере возникли такие сокращения, как «партийка» (вместо «партийный билет») и «учредилка» (взамен «учредительное собрание»).

Дальнейшая судьба подобных образований различна: некоторые вышли из употребления вместе с исчезновением обозначаемых явлений. Примерами служат «охранка» (сокращение от «охранное отделение»), «конка» (вместо «конная железная дорога»), «чугунка» (взамен «чугунная железная дорога») и «реальное училище», сокращенно «реалка». Другие же, напротив, закрепились в языке, став основными названиями предметов и явлений, утратив разговорный оттенок и вытеснив полные, исходные словосочетания. Среди них можно выделить «кантоновку» (вместо «кантоновские яблоки») и «открытку» (взамен «открытое письмо»).

Как объект изучения, универбы впервые рассматриваются в работе Т. Д. Соколовской. В. В. Виноградов в середине XX века описывал это явление как синтетическое сжатие.

Популярность универбизации объясняется, с одной стороны, стремлением к упрощению языковых конструкций, своего рода «сжатием» смысла, а с другой – ускорившимся темпом жизни.

Активное пополнение словарного запаса универбами свидетельствует о динамичности языковой системы и ее адаптации к изменяющимся потребностям общества. Новые универбы возникают в различных сферах жизни, отражая новые явления, технологии и реалии.

В русской лингвистике существуют и другие термины для обозначения этого явления, такие как «включение», «стяжение», «семантическая компрессия» и «семантическая свертка».

В настоящее время накоплен значительный объем теоретических знаний в области универбизации, изучению которой посвящены работы многих известных лингвистов.

Несмотря на значительное количество работ в сфере словообразования, интерес к универбам остается стабильным, поскольку процесс их возникновения является постоянным и требует непрерывного анализа и подробной фиксации новых возникающих форм.

Таким образом, возникновение сокращенных лексем обусловлено потребностью в экономии времени, желанием передать максимум информации с использованием минимального количества языковых средств, то есть семантической конденсацией. Все это достигается морфемной контракцией или, в некоторых случаях, универбизацией.

Функционирование универбов и сокращенных слов в речи обусловлено их способностью к более быстрой и эффективной передаче информации. Они позволяют избежать громоздких и многословных описаний, заменяя их компактными и легко узнаваемыми лексическими единицами. Универбизация и морфемная контракция, как продуктивные способы словообразования, отражают тенденцию языка к оптимизации и упрощению коммуникации. Эти процессы демонстрируют стремление говорящих к экономии языковых средств и времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринберг, Дж. Антропологическая лингвистика: вводный курс / Дж. Гринберг. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.
2. Гордей, А. Н. Парадигма частей языка / А. Н. Гордей // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : материалы VIII Междунар. науч. конф., Гродно, 15–16 апр. 2003 г. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: С. А. Емельянова [и др.]. – Гродно, 2003. – С. 173–179.

3. *Гордей, А. Н. Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : сб. науч. трудов по лексикографии. – Гродно : ГрГУ, 2005. – С. 32–35.*
4. *Кленин, И. Д. Морфемная контракция в системе словообразования китайского языка / И. Д. Кленин // Актуальные вопросы китайского языка : материалы 2-ой всесоюзной конференции китаеведов. – М. : ИДВ АН СССР, 1984. – С. 30–42.*
5. *Кленин, И. Д. Лексикология китайского языка / И. Д. Кленин, В. Ф. Щичко. – М. : Восточная книга, 2013. – 272 с.*
6. *Буров, В. Г. Китайско-русский словарь новых слов и выражений / В. Г. Буров, А. Л. Семенас. – М. : Восточная книга, 2007. – 736 с.*
7. Корпус текстов китайского языка. – URL: <http://ccl.pku.edu.cn> (дата обращения: 15.03.2025).

Поступила в редакцию 13.10.2025

Свистун Татьяна Ивановна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и практики
английского языка
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Tatiana Svistun

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Theory
and Practice of English
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
tess17@mail.ru

КОМПОНЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕДИАДИСКУРСЕ БЕЛАРУСИ

NATIONAL IDENTITY COMPONENTS IN MEDIA DISCOURSE OF BELARUS

В статье рассматриваются языковые средства выражения национальной идентичности в республиканской прессе. В результате выделяются компоненты национальной идентичности, транслируемые в медийном дискурсе. К ним относятся «Историческая память», «Сплоченность», «Труд», «Мирное сосуществование», «Экономическая стабильность и качество жизни», «Религия и христианские ценности». Наиболее репрезентативным компонентом выступает «Историческая память», выражаемая через упоминание событий Великой Отечественной войны, Чернобыльской трагедии, а также через описание заслуг значимых для становления и развития белорусского государства деятелей политики, науки, культуры, спорта.

Ключевые слова: идентичность; национальная идентичность; медиадискурс; языковые средства; средства массовой коммуникации.

The article explores language means served to express national identity in the republican press. As a result, the national identity components transmitted in media discourse. Among them are “History memory”, “Unity”, “Hard work”, “Peaceful coexistence”, “Economic stability and quality of life”, “Religion and Christian values”. The most representative component is “History memory” expressed by mentioning the events of Great Patriotic War, Chernobyl tragedy, and also by describing the achievements of prominent figures, which are significant in the formation and development of the Belarusian state, in politics, science, culture and sport and other spheres.

Ключевые слова: identity; national identity; media discourse; language means; mass media.

Вопросы национальной идентичности в последнее десятилетие все чаще привлекают внимание как общества в целом, так и представителей различных областей гуманитарного знания. Продолжающаяся глобализация и интеграция отдельных регионов, всеобщая цифровизация, тем не менее, не стерли национальные границы, а многие геополитические процессы и пандемия Covid, наоборот, позволили осознать ценность суверенитета, необходимость сохранения собственной самобытности. По мнению Т. Г. Степаненко, «в жизни современного человека осознание своей принадлежности к определенному народу, поиски его особенностей играют важную роль

и оказывают серьезное влияние на отношения между людьми (от межличностных до межгосударственных) [1, с. 5]. Значительную роль в поддержании национальной идентичности играют государственные средства массовой коммуникации. Обращение к медиатекстам белорусских изданий для определения структуры идентичности в медиадискурсе Беларуси отражает междисциплинарный подход, который представляет интерес как для лингвистов, так и для специалистов в области межкультурной коммуникации и коммуникативистики в целом.

В ХХ–ХХI вв. понятие «идентичность» активно рассматривается в социогуманитарных науках. Американский психолог Э. Эриксон полагал, что «с точки зрения психологии формирование идентичности предполагает процесс одновременного отражения и наблюдения, <...> посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждения о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него» [2, с. 31–32]. Российский этнопсихолог Т. Г. Стефаненко также обращает внимание на двойственный характер процесса идентификации, подчеркивая, что «через сравнение можно наиболее четко воспринять свою «русскость», «еврейство» и т. п. как нечто особое» [1, с. 5]. Российский философ М. В. Заковоротная трактует идентичность как «процесс становления человека на основе выбора и формирования жизненной модели в социальном взаимодействии во имя исторической самореализации». Она подчеркивает, что «идентичность не является раз и навсегда данной, она динамична и требует постоянных усилий по формированию» [3].

Последние десятилетия, тем не менее, обозначили новую тенденцию, связанную с «нарастающей междисциплинарностью использования понятия идентичности» [4, с. 6], что, несомненно, обусловлено меняющимися условиями человеческого существования и влечет изменения в процессе самоидентификации. Трансформация социальных условий, нелинейный характер идентификационных процессов, увеличение количества субъектов идентификации от индивидуумов, групп до организаций, брендов и территориальных объединений способствует этому. В результате особенности процесса идентификации рассматриваются и в социологии, и в этнопсихологии, антропологии, политологии, и в имиджелогии, коммуникативном менеджменте и многих других областях.

Учитывая, что процесс идентификации может проходить только в социуме, в зависимости от группы, с которой идентифицирует себя субъект, можно говорить о таких видах идентичности, как гендерная, национальная, профессиональная, территориальная и др. Во многих западных странах не утихают дискуссии по поводу видов гендерной идентичности. Активная миграция и проблемы адаптации мигрантов заставляют задуматься о важности культурной и национальной идентичности, а военные конфликты,

меняющие карту мира, влияют на понимание территориальной идентичности. Появление новых профессий и исчезновение старых приводит к пересмотру сути профессиональной идентичности. И в каждом из перечисленных случаев роль языка в процессе самоидентификации чрезвычайно важна. Так, появление в языке единиц *трансгендер, бинарная личность, афроамериканец, креол, самбо, промпт-инженер, сммщик* – это ответ на запрос общества в самоопределении его членов, исходя из тех социальных групп, в которые они входят. Поэтому исследование лингвистической составляющей процесса идентификации представляется необходимым и целесообразным. Некоторые попытки в этом направлении уже были сделаны. Так, в отдельных работах автора [5; 6] рассматривались языковые средства выражения идентичности на материале блогов мигрантов на русском и английском языках, а также интервью с представителями национальных меньшинств в Беларуси. В работе П. Г. Асташкиной, например, были выделены языковые маркеры идентичности на грамматическом, лексическом, концептуальном, оценочно концептуальном уровнях при сопоставлении русско- и немецкоязычных медиатекстов [7]. А в трудах И. В. Приваловой на основе комплексного анализа были выделены языковые феномены, которые эксплицируют национально-культурную специфику языкового сознания представителей русской и американской лингвокультур на материале лексикографических изданий, текстов различных жанров и результатов психолингвистического ассоциативного эксперимента [8].

Цель данной работы состоит в установлении компонентов национальной идентичности в современном медиапространстве Беларуси. Средства массовой информации давно и прочно заняли позицию, связанную с выполнением особой функции по формированию общественного мнения. Материалом исследования послужили тексты республиканской газеты «СБ. Беларусь сегодня» sb.by, наиболее авторитетного издания в Республике Беларусь, которое имеет наибольший тираж печатных экземпляров (более 50 000 единиц), а также онлайн-версию. Методология исследования включала отбор статей, в которых встречались ключевые слова *белорус, белорусский* и их производные для обозначения совокупности представителей сообщества. Примеры, содержащие этнонимы применительно к отдельным представителям, например, *Личная результативная серия белоруса [Нападающий «Динамо» Егор Бориков] составляет три игры (4+1)*, не вошли в корпус исследования. Временной период статей, рассматриваемых в ходе исследования, охватывает март–апрель 2025 г. Всего было проанализировано около 200 статей.

В ходе применения контент-анализа были выделены тематические группы языковых средств, описывающих черты характера, модели поведения и ценностные ориентиры, которые в статьях ассоциируются с белорусами и, следовательно, формируют национальную идентичность. В работе эти группы мы называем компонентами национальной идентичности.

В корпусе исследования наиболее представленным компонентом национальной идентичности выступает «Историческая память», включающая информацию о значимых событиях и персонажах, игравших важную роль в становлении и развитии Республики Беларусь (в 23 % статей). За исследуемый период чаще упоминались два события: Великая Отечественная война и Чернобыльская авария, что с одной стороны может быть связано с их судьбоносностью, а с другой стороны – с близостью праздника День Победы и Дня памяти Чернобыльской трагедии к периоду времени отбора материала исследования. Приведем примеры из статей.

В медиатекстах Великая Отечественная война в первую очередь представляется как масштабная трагедия: *боль и страдания каждой семьи, каждого белоруса; каждый третий белорус погиб в годы Великой Отечественной; как дорого обошлась белорусам свобода – ведь за годы немецкой оккупации...; загубленных жизней белорусов, которых унесла война*. Важность Дня Победы, ставшего днем окончания этой войны, и эмоции белорусов в этой связи также описываются в прессе: *все-таки для нас, белорусов, это очень тяжелая тема; символизирует радость всех поколений белорусов; является величайшим праздником; гордость за подвиг белорусов; 90 % белорусов считают Великую Отечественную войну одним из самых важных событий в истории страны, а День Победы будет всегда особенно значим для большинства граждан, оставаясь главным всенародным праздником*. Часто упоминаются мероприятия, посвященные сохранению исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны в Беларуси, особенно среди молодежи: *белорусы прикладывают героические усилия по восстановлению исторической правды; долг каждого белоруса – чтить память погибших*.

Чернобыльская катастрофа как компонент национальной идентичности, связанный с исторической памятью, тоже занимает определенное место в медиадискурсе Беларуси, упоминается ущерб, который она нанесла: *оставила неизгладимый след в памяти белорусов, нанесла серьезный урон нашей земле. Только с карты Хойникского района исчезли 24 деревни*. Однако по сравнению с количеством статей о роли Великой Отечественной войны в формировании национальной идентичности Чернобыль играет незначительную роль.

Тем не менее, не только исторические события являются частью исторической памяти белорусов. Так, упоминаются и конкретные исторические личности, которые навсегда вписали свои имена в историю Беларуси, например, Герои Беларуси: В. Карват, М. Высоцкий, М. Савицкий, митрополит Филарет, Д. Домрачева, М. Василевская и др. В медиатекстах указывается, что эти имена *нужно знать каждому белорусу*.

Следующим по репрезентативности компонентом национальной идентичности стала «Сплоченность» (в 11 % статей), что проявляется в констатации в медиадискурсе консолидированности белорусского общества как на уровне небольших сообществ, так целой нации: *и это всё делаем*

мы, белорусы; мы, белорусы, были как одна семья; белорусы сохранили себя как нация; ведь мы, белорусы, всегда привыкли быть вместе; в ее реализацию вовлекаются все белорусы. При этом в фокусе внимания также находятся конкретные мероприятия, в рамках которых белорусы проявили единение: *белорусы на выборах продемонстрировали сплоченность; белорусы выходят на субботник целыми коллективами.*

Следующим по значимости компонентом национальной идентичности стал «Труд» (в 10 % статей). Фрагменты-цитаты из медиатекстов отражают готовность белорусов трудиться, много статей об участии белорусов в субботниках: *пока белорусы трудились на субботнике; работать толокой заложено у белорусов на генетическом уровне.* Кроме того, подчеркивается отношение к продуктам труда: *какую красоту мы, белорусы, можем сотворить своими руками; благодаря заботливым рукам белорусов, он остается ухоженным и аккуратным.*

«Мирное сосуществование» как компонент национальной идентичности представлено неоднократными упоминаниями важности мира и спокойствия на территории Республики Беларусь, необходимости стремления к мирной жизни, ее обеспечение. Проиллюстрируем данное наблюдение с помощью следующих цитат: *охраняя мирный труд и покой белорусов; будет напоминанием новым поколениям белорусов о ценности мира и созидания* (в 7 % статей).

В 7 % статей также уделяется внимание такому компоненту национальной идентичности, как «Экономическая стабильность, качество жизни», что подтверждается следующими цитатами: *направленных на улучшение качества жизни белорусов; реальные денежные доходы белорусов в январе – феврале выросли; белорусы бронировали дорогие отели и туры.*

Обращение к компоненту национальной идентичности «Религия, христианские ценности» было также зафиксировано в медиадискурсе Беларуси на нашем материале (в 6 % статей). В качестве примеров можно привести следующие фрагменты-цитаты из медиатекстов, в которых подчеркивается мирное сосуществование представителей различных конфессий в стране: *об уникальной белорусской модели межконфессионального мира; прекрасной Родины, хранимой Всевышним и любимой каждым белорусом, будь то православный или католик.* В медиатекстах часто упоминаются праздники Пасхи и Радуницы, отмечаемые католиками и православными, и соответствующие для них мероприятия: *этот день [Пасха] важен для белорусов; все необходимое для будней и праздников белорусов есть; в следующие выходные большинство белорусов отправляются на кладбища, где почтят...*

Важно отметить, что в некоторых случаях в медиатекстах могут присутствовать языковые средства, которые можно отнести одновременно к нескольким компонентам. Например, во фрагментах-цитатах нет *религиозной вражды или недопонимания, белорусам присуще единство, а не разделение и ...объединяет белорусов вне зависимости от вероисповедания*

идет отсылка и к компоненту «Религия, христианские ценности» и «Сплоченность». А в высказывании *белорусы дружно* приняли участие в республиканском субботнике можно проследить комбинацию компонентов «Труд» и «Сплоченность».

Было бы целесообразно указать, что в незначительном количестве статей идет апелляция к музыкальным талантам белорусов, заботе об экологии, к порядку и чистоте, политической грамотности. Но мы не посчитали возможным выделить подобные компоненты национальной идентичности, поскольку количество статей не является репрезентативным.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что компонентами национальной идентичности белорусов, транслируемыми в медиадискурсе Беларуси, выступают в порядке убывания: «Историческая память», «Сплоченность», «Труд», «Мирное сосуществование», «Экономическая стабильность и качество жизни», «Религия и христианские ценности». Наиболее репрезентативным компонентом стал компонент «Историческая память», реализуемый через упоминание событий Великой Отечественной войны, Чернобыльской трагедии, а также через описание достижений видных представителей Беларуси в политической, научной, культурной, спортивной и других сферах.

Следует отметить, что доминирование компонента «Историческая память», а также присутствие компонентов «Труд», «Религия, христианские ценности» может быть связано в том числе и с отмечаемыми весной праздниками Пасхи, Радуницы, Дня Победы, а также с проведением субботников. Поэтому комбинация выделенных компонентов, наверное, находится в определенной зависимости от периода года, который был выбран для отбора материала, а именно март–апрель 2025 г. В этой связи представляется перспективным сравнить комбинацию компонентов национальной идентичности в медиадискурсе Беларуси и в другие периоды.

В заключение следует констатировать, что средства массовой коммуникации, безусловно, играют значительную роль в формировании ценностных ориентаций общества, которые в дальнейшем влияют на идентификационные процессы как индивидов, так и всего общества в целом. Через использование тех или иных языковых средств в медиатекстах они создают портрет представителя нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стефаненко, Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии / Т. Г. Стефаненко // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2009. – № 2. – С. 3–17.
2. Эриксон, Э. Идентичность : юность и кризис : учеб. пособие / Э. Эриксон ; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – 2-е изд. – М. : Флинта : МПСИ : Прогресс, 2006. – 352 с.
3. Заковоротная, М. В. Идентичность человека: социально-философские

- аспекты / М. В. Заковоротная. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000729/in-dex.shtml> (дата обращения: 08.08.2025).
4. *Белинская, Е. П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности / Е. П. Белинская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. – 2018. – Т. 8. – Вып. 1. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>.*
 5. *Свистун, Т. И. Культурная идентичность: модели и языковые средства / Т. И. Свистун // Медиалингвистика. Вып. 11. Язык в координатах массмедиа : материалы VIII междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 26–29 июня 2024 г. / науч. ред.: Л. Р. Дускаева, отв. ред.: А. Малышев. – СПб., 2024. – С. 472–475.*
 6. *Свистун, Т. И. Экспликация стратегий аккультурации в массмедиа / Т. И. Свистун // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 15–16 апреля 2021 г. : в 5 ч. / МГЛУ ; отв. ред. Е. Н. Лаптева. – Минск, 2021. – Ч. 2. – С. 33–35.*
 7. *Асташкина, П. Г. Речевая презентация национальной идентичности в медиа: сопоставительный аспект / П. Г. Асташкина // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – № 3 (7). – 2016. – URL: <https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1241348> (дата обращения 15.08.2025).*
 8. *Привалова, И. В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность: теоретико-экспериментальное исследование : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Привалова Ирина Владимировна ; Ин-т языкознания РАН. – М., 2006. – 486 л.*

Поступила в редакцию 26.09.2025

Сюэ Бин

аспирант кафедры
языкознания и лингводидактики
Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка
г. Минск, Беларусь

Xue Bing

PhD Student of the Department
of Linguistics and Linguodidactics
Belarusian State
Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus

**СЕМАНТИЗАЦИИ МЕСТОИМЕНИЙ Я – ТЫ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ**
(на материале русского и китайского языков)

**SEMANTIZATIONS OF THE PRONOUNS I – YOU
IN LITERARY DISCOURSE**

(Based on the Material of the Russian and Chinese Languages)

В статье рассматриваются местоименные конструкции *я – ты* в русском и китайском художественном дискурсе. Определяются семантические оппозиции, выявляемые в группах субстантивов со значением человека, мифических существ, животных и птиц, минералов и драгоценных камней, транспортных средств, растений, а также временных границ и интервалов. Особое внимание уделяется соотношениям *я – ты*, основанным на ассоциативности, чувственно-наглядных представлениях и образах. Характеризуются двух-, трех- и многокомпонентные местоименно-субстантивные структуры. Выявляются общие для русского и китайского языков, а также специфические особенности местоименно-субстантивных конструкций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: личное местоимение; субстантив; синтаксическая конструкция; сравнение; антонимические отношения; многочленные структуры; русский язык; китайский язык.

The pronominal constructions *I – you* in Russian and Chinese literary discourse are examined. Semantic oppositions, revealed in groups of substantives denoting humans, mythical creatures, animals and birds, minerals and precious stones, vehicles, plants, as well as time limits and intervals, are identified. Particular attention is paid to the correlation between *I* and *you*, based on associativity, sensory-visual representations and images. Two-, three-, and multi-component pronominal-substantive structures are characterized. Common features of pronominal-substantive constructions in Russian and Chinese, as well as specific features, are identified.

К e y w o r d s: personal pronoun; substantive; syntactic construction; comparison, antonymic relations; polynomial structures; the Russian language; the Chinese language.

В линейном ряду русских и китайских текстов часто используется несколько местоимений (*я + ты, ты + я, я + он (она), я + вы, я + они*), которые образуют своеобразные комплексы с антонимическими, причинно-

следственными, амбивалентными гипонимическими и другими смысловыми отношениями. Среди таких комплексов рельефно выделяются конструкции, включающие в свой состав личные местоимения *я – ты*, которые в конкретных контекстовых ситуациях выходят за пределы дейктического континуума и семантизируются за счет субстантивных заместителей.

Соотношение между *я – ты* укладывается в обобщенную инвариантную модель *я – субстантив, ты – субстантив* (между двумя частями возможно использование союза *а*), которую можно назвать формулой жизненного пути человека, демонстрирующей не только собственное мировидение и миропонимание, но и различные виды отношений с другими людьми. Личное местоимение в таких конструкциях выступает в качестве субъекта (обычно это подлежащее, своеобразная тема высказывания), а субстантив – в качестве предиката (это конкретизатор личного местоимения, его заместитель, распространитель, экспликатор, предикативный центр, рема высказывания, ядерный компонент смысловой структуры, носитель наиболее важной информации).

Исследование процессов семантизации личных местоимений является актуальным по причине их широкого использования в художественном дискурсе и выполнения в различных контекстуальных ситуациях особых прагмалингвистических функций. Актуальность также связана с отсутствием детального и системного описания местоименно-субстантивных конструкций в разносистемных языках. В русском и белорусском языкоznании этой теме посвящены отдельные работы Е. В. Кисель [1], С. Б. Кураша [2, с. 191–198], В. Д. Стариченка [3, с. 194–199]. Китайские местоимения первого лица рассматриваются в статье Чжу Чжунси [4].

Между структурными компонентами местоименно-субстантивных конструкций чаще всего устанавливаются антонимические отношения, которые выявляются в пределах конкретных тематических групп.

Выражение контраста в текстах с местоимениями *я – ты* чаще всего наблюдается в группе номинаций человека с актуализацией его типичных черт, внешнего вида, профессиональных качеств, умственных способностей, национальности, религиозной принадлежности и др. Амбивалентное содержание в такой группе представлено следующими характеризующими признаками:

1. Выполняемые служебные обязанности, работа: *Ты – ученик, я – учитель, мы не должны забывать этого* (А. Батюто); *Ты артистка, я режиссер. Я не учу тебя петь, ты не лезь в режиссуру* (В. Катанян); 于杰板下脸, “我是老师, 你是学生, 记住你的身份!” (古灵) – Ю Цзе поморщился: «*Я учитель, а ты ученик. Запомни свой статус!*» (Гу Лин).

В русском дискурсе активно функционирует распространённая форма внутрисоциальных отношений в виде своеобразного афоризма «*я начальник – ты дурак*» («*ты начальник – я дурак*»): *Ведь до сих пор многие действуют по схеме: я начальник – ты дурак, вот и делай, как тебе говорят* (И. Муравьева); *А есть люди, крепко усвоившие кондовый аэрофлотский принцип: «ты начальник – я дурак; я начальник – ты дурак»* (В. Ершов).

Это выражение не следует воспринимать в его буквальном антонимическом смысле. В его содержании заключен принцип «прав тот, кто имеет власть, занимает более высокую должность» (его решения или мнения считаются верными или обязательными даже в случаях, когда они являются неправильными или неоправданными). Такое выражение часто носит язвительный, саркастический характер и может использоваться с иронией или критикой по отношению к авторитарным или несправедливым методам управления или принятия решений. Русское выражение в трансформированном виде *начальник всегда прав* активно используется в китайском и многих других языках: кит. 老板永远是对的, англ. *Boss is always right*, франц. *Le patron a toujours raison*, исп. *El jefe siempre tiene la razón*, нем. *Der Chef hat immer recht*.

2. Родственные и семейные отношения: *Мы с тобой как двойня. Я сестра, ты мой братик* (В. Личутин); 你是老子我是儿子, 我有做得不对的地方, 你可以打可以骂, 可以管教。(刘玉民) – *Ты отец, а я сын. Если я сделаю что-то не так, ты можешь меня бить, ругать и наказывать* (Лю Юймин).

3. Умственные способности: *Я гений, ты никто!* – воскликнул *Сила Грязнов* (Л. Петрушевская); *Я этого и не заслуживаю, – я дура, ты умный, а кто же уму тебя научил?* (К. Чуковский); 胡铁花道: “你是聪明人, 我是呆子。”(古龙) – *Xу Техуа* сказал: «*Ты умный человек, я дурак*» (Гу Лун).

4. Материальное состояние: *Я – богатый, ты – бедный! Несправедливо!* (Э. Володарский); *Я нищий, ты богач!* И мы каждый день сходились у фонтана оплакивать нашу горькую долю (В. Дорошевич); *Ну, угощай от избытка, ты – богатый, я – бедный!* (М. Горький); 我是穷人, 可是不羡慕你们富人。(杨绛) – *Я беден, но я не завидую вам, богатым людям* (Ян Цзян).

5. Национальность и религия: *Знаю... Я – русская, ты – немец...* (П. Краснов); *Ты уруска, я лезгинка...* (Л. Чарская); 罗小虎放下碗来, 对乌都奈说道: “我是汉人, 你是回人...” (聂云嵒) – *Ло Сяоху поставил чашу и сказал Удунаю: «Я ханец, а ты мусульманин...»* (Не Юньлань).

6. Пол, гендерные различия: *А это не всегда удобно: я – женщина, ты – мужчина* (А. Островский); *Ты – Дама, я – Рыцарь* (Г. Артемьева); 此刻我是个男人, 你是个女孩子, 我不能让你一个人去涉险。(司马紫烟) – *В данный момент я мужчина, а ты девушка, и я не могу отпустить тебя одну навстречу опасности* (Сыма Цзыян).

В качестве заместителей местоимений я - ты могут выступать названия животных: *Ты сам осел, А я порядочный козёл* (С. Маршак); «*Нет, я миленький барашек, а ты – симпатичная рыбка*», – *упрямо произнесла я сквозь дрему* (М. Гиголашвили); 我是孤寂的狼, 而你是一只自以为是的狗。(俞敏洪) – *Я одинокий волк, а ты – самодовольная собака* (Юй Миньхун).

В оппозиционный контекст могут включаться субстантивы других тематических групп:

а) мифические существа: *Я – леший, ты – домовой, мы, согласно табеля о рангах, ровня, нечисть сугубо мелкотравчатая* (Н. Дежнев); 我是个天使, 而你是个魔鬼, 我们不可能有结果的。 (岳盈) – *Я ангел, а ты дьявол. У нас ничего не получится* (Юэ Их);

б) транспортные средства: 你是一艘张满风帆劈波斩浪的大船, 而我只不过是在海浪中上下颠簸的一叶小舟。 (张晓春) – *Ты – большой корабль с полными парусами, рассекающий волны, а я – всего лишь маленькая лодка, качающаяся вверх и вниз по волнам* (Чжан Сяочунь);

в) драгоценные металлы, камни: *Ты – серебро, я – золото* (С. Рыженков); 我是完整无暇的“玉”, 而你只是玩劣脆弱的“石”。 (无极) – *Я безупречный «нефрит», а ты всего лишь хрупкий «камень»* (У Цзи).

г) растения: *Я – дерево! Я-тополь, во мне кипит смола, А ты, берёза, плачешь...* (К. Куклин).

В русском и китайском языках местоименно-субстантивную оппозицию могут составлять темпоральные номинации. Чаще всего актуализируются понятия, связанные с днем, ночью, недельным промежутком, возрастом человека: *Я ночь, а ты, дитя, денница луч рассветный* (С. Дуров); *Уходи, старик! Ты – прошлое. Я – настоящее* (К. Станюкович); 我是黑夜你是白天, 白天不懂夜的黑。 (BCC) – *Я – ночь, а ты – день. День не понимает темноты ночи* (BCC).

Эксплицитному выражению оппозиционных отношений содействуют употребленные в речевых контекстах антонимические прилагательные, выражающие:

- материальное состояние человека (*бедный и богатый*): 樵夫惊奇地说: “我是一个穷樵夫, 你是一个阔小姐, 我想你是认错了人啦。” (冰心) – *Дровосек удивленно сказал: «Я – бедный дровосек, а вы – богатая дама, думаю, вы меня с кем-то путаете»* (Бин Синь);

- возраст (*старший и младший*): *Ведь мы же братья: я – старший, ты – младший* (В. Авенариус); 我是哥你是妹, 所以注定为你遮风挡住雨 (BCC) – *Я старший брат, а ты младшая сестра, поэтому мне суждено защитить тебя от ветра и дождя* (BCC);

- коннотативные качества человека (*плохой и хороший*): 你是一个好女孩, 我却是个坏男人, 这样说你明白了吗? (冬儿) – *Ты хорошая девушка, но я плохой мужчина, ты понимаешь?* (Дунэр).

- движение (*неподвижный и падающий, тихий и дрейфующий*): 我是恒星而你是流星, 你注定要走。 (BCC) – *Я неподвижная звезда, а ты падающая звезда, тебе суждено уйти* (BCC); 我在多么疲惫中遇到你, 你是一湾静静的海湾, 我是叶飘零的小舟。 (可军) – *Я встретил тебя в таком уставшем состоянии. Ты тихая бухта, а я дрейфующая лодка* (Кэцзюнь).

Амбивалентность синтаксических конструкций в ряде случаев носит не строго антонимический, а ассоциативный характер, в силу чего представленные в текстах местоименные замещения соотносятся с пространственной,

временной, гипонимической, синекдохической смежностью. Так, упоминание субстантива *рыба* ассоциируется с водой (рыба водится в воде), птица ассоциируется с деревом (птицы гнездятся на деревьях), дорога – с городом, мелодия – с его исполнителем (певцом), растение – с его листьями и цветами и др. Приведем некоторые примеры такого рода эквивалентной оппозиции в китайском языке:

鱼和水 (рыба и вода): 我是鱼你是水, 所以我离不开你。 (ВСС) – Я – *рыба*, а ты – *вода*, поэтому я не могу от тебя уйти (ВСС);

鸟和树 (птица и дерево): 我是一只鸟不知飞何处, 你是一棵树恋恋依故土。 (吴淡如) – Я – *птица*, которая не знает, куда лететь, ты – *дерево*, влюбленное в свою родную землю (У Даньжу);

歌曲和歌手 (мелодия и певец): 你是一支曲子, 我是歌唱的; 你是河流我是条船, 一片小白帆。 (徐志摩, 林徽因) – Ты мелодия, а я певец; ты река, а я лодка, маленький белый парус (Сюй Чжимо, Линь Хуэйинь).

路和城 (дорога и город): 你是一条路, 我是一座城。”“路贯穿着城, 城包围着路。 (ВСС) – Ты дорога, а я город, дорога проходит через город, а город окружает дорогу (ВСС);

病人和护士 (пациент и медсестра): 现在你是病人, 我是护士听我的。 (张应银) – Теперь ты пациент, а я медсестра. Послушай меня (Чжан Иньинь).

荷花和荷叶(花朵) (лотос и его лист (цветок)) : 我是莲叶, 你是荷花, 我愿意陪你晨起迎朝阳, 日暮送夕照 (ВСС) – Я – лист лотоса, ты – цветок лотоса, утром я хотел бы сопровождать тебя, чтобы приветствовать восход солнца, вечером – чтобы провожать закат (ВСС); 你是荷叶, 我是红莲。心中的雨点来了, 除了你, 谁是我在无遮拦天空下的荫蔽? (冰心) – Ты – лист лотоса, а я – красный лотос. Когда дождь в моем сердце идет, кроме тебя, кто будет моим убежищем под бескрайним небом? (Бин Синь);

茉莉和蝴蝶 (жасмин и бабочка): 你就有如那夜晚的茉莉般散发出诱人的幽香; 我就有如那闻香而至的蝴蝶。 (小渝) – Ты ночной жасмин, источающий манящий аромат; а я бабочка, которая прилетает, почувствовав аромат (Сяоюй);

蜘蛛网和飞蛾 (паутина и мотылек): 你是个好大的蜘蛛网, 而我是个小小的飞蛾, 我扑向了你, 结果是扑向了死亡。 (琼瑶) – Ты был большой паутиной, а я – маленьkim мотыльком. Я набросилась на тебя, в результате устремилась к смерти (Цюн Яо);

猫和老鼠 (кошка и мышка): 我是在说我自己像瞎猫……那么, 是“瞎猫捉到活老鼠”, 好不好? 我是瞎猫, 你是活老鼠! (琼瑶) – Я говорю, что я как слепая кошка. ... Ну, это «слепая кошка ловит живую мышь», хорошо? Я – слепая кошка, ты – живая мышь! (Цюн Яо).

В русском художественном дискурсе такого рода противопоставления представлены номинациями человека:

- Хозяин и гость: *Здесь – я гость, ты – хозяин, и это твой дом, Дом шумящий, зеленый, в громадах аллей* (В. Луговской);
- Пленник и освободитель: *Я пленник – Ты мой освободитель* (В. Пришвина);
- Продавец и покупатель: *Ты продавец, я покупатель, – без того нельзя, чтобы не угоститься... я тебя угощаю...* (П. Мельников-Печерский);
- Автор и персонаж: *Всей душой... Ты – персонаж, я – автор. Ты – моя причуда.* (С. Довлатов);
- В отдельных случаях контексты представлены субстантивами со значением частей тела человека: *Я сказал: «Ты голова, я руки. Ты подумай, – я исполню»* (В. Дорошевич).

В структуру контекстов часто включаются субстантивы, которые не носят собственно асимметрического характера. В них противопоставляются объекты, предметы, понятия, не имеющие в языке оснований для сравнения в силу отсутствия каких-либо показателей антонимичности, противоположности. В таких конструкциях отражается специфика авторского мышления, жизненный опыт писателя, его умение находить явные и скрытые различия и подобия предметов объективной реальности, выстраивать их в одном или нескольких местоименно-субстантивных блоках. Так, в китайском языке противопоставление наблюдается в контекстах со следующими субстантивами:

贼和骗子 (вор и лжец): 香姑道: “我是贼、你是个骗子。咱们俩扯平了、好了。” (令狐庸) – Сянгу сказала: «Я вор, а ты лжец. Давайте сравняем счет» (Линху Юн).

博士和工人 (доктор и рабочий): 现在我是不如你了, 你是个博士, 我是个工人, 不过我倒觉得我活得比你痛快。 (王瑞芸) – Сейчас я не так хороши, как ты. Ты доктор, а я рабочий, но я чувствую, что живу счастливее, чем ты (Ван Жуйюнь).

磐石和蒲草 (скала и камыш): 你磐石, 我是蒲草, 我将坚韧如丝, 但求你永不转移! (琼瑶) – Ты скала, я камыш, я буду крепок, как шелк, но попрошу – никогда не изменяйся! (Цюн Яо).

萝卜和白菜 (репка и капуста): 我是萝卜, 你是白菜, 萝卜白菜人人爱。 (BCC) – Я – репка, ты – капуста, репку и капусту любят все (BCC).

В русском языке в контекстовых ситуациях противопоставление осуществляется за счет привлечения других лексических единиц:

Туча и башня: *Так вот я туча – а вы вот башня, и вся из камня* (С. Кирсанов);

Небо и земля (море): *Представь, что я – земля, ты – небо* (Г. Ариткулова); *Ты – небо ясное в светилах, Я – море темное* (Г. Иванов);

Сын земли и лучезарное виденье: *Не призываи и не сули Душе былого вдохновенья. Я – одинокий сын земли, Ты – лучезарное виденье* (А. Блок);

В местоименно-субстантивных конструкциях особое место занимают имена собственные, которые в силу отсутствия их четкого лексического значения выражают не столько семантическое противопоставление, сколько

оппозицию с нечетко выраженной коннотацией: *Пусть каждый будет собой: я – Фраткин, ты – Соломаха* (К. Букша); *Ты Сергей, я Таня, остальное не имеет значения* (Л. Улицкая); 这么说，我是石中英，你是夏子清了？(东方玉) – *Итак, я Ши Чжунин, а ты Ся Цзыцин?* (Дунфан Юй).

В русском и китайском художественном дискурсе наблюдаются случаи сопоставления местоименных заместителей по нескольким основаниям, в результате чего создается широкая панорамная картина разновекторных оппозиций, отражающих многомерность и многогибкость амбивалентного континуума, его различительные грани. Многочленные синтаксические конструкции представлены сложными предложениями, а также многопредикативными структурами (часто парцеллированными), где каждый смысловой центр является самостоятельным предложением. В зависимости от количественного состава оппозиционных центров выделяются двух-, трех-, четырех- и многокомпонентные конструкции:

1. Двухкомпонентные конструкции: *Я – дневный труд, она – вампир ночей, Я – долг исполненный, она – мечта о мщенье* (Н. Минский); 你和我是两个世界的人，你是贵族，我是乞丐，你是王子，我就是流浪汉。*(昕语) – Мы с тобой из двух разных миров. Ты дворянин, я нищий, ты принц, а я бродяга* (Синь Юй).

2. Трехкомпонентные конструкции *Я – разум, ты – интуиция. Я – кора, ты – подкорка. Я – взрослый, ты – ребенок* (М. Галина).

3. Четырехкомпонентные конструкции: *Ты гармония – я лира, Ты улыбка – я уста, Ты цветок – я дух зефира, Я любовь – ты красота* (Д. Марголин); 你是滚滚的长江，我是湖中的水珠；你是天上的云朵，我是地上的石头；你是森林的大树，我是树丛的小草；你是高大的楼房，我是矮小的小屋。*(BCC) – Ты – катящаяся река Янцзы, а я – капля воды в озере; Ты – облако в небе, а я – камень на земле; Ты – большое дерево в лесу, а я – трава в кусте; Ты – высокое здание, а я – низкая хижина* (BCC).

4. Многокомпонентные конструкции (включают более четырех амбивалентных центров): *Мне верится в тебя, как в миф. Я – рыба, ты – вода. Я – скрипка, ты – Страдивари. Я – книга, ты – наука, ты – доктор от истории. Я – интерес, ты – диалектика. Я – атом, ты – Демокрит* (В. Варзакий).

Реже сопоставление предстает в виде сложноподчиненного предложения с придаточной сопоставительной частью. Такие сопоставления в поэтическом дискурсе носят нетрадиционный, окказионально-авторский характер: *Если ты – провода, я – троллейбус. Ухватись за провода руками долгими, буду жить всегда-всегда твоими токами* (Р. Рождественский); *И если я – судак, то ты подобна вилке, При помощи которой судака едят* (Н. Олейников); 如果我是条风雨中的小船，你准是那个舵手。*(琼瑶) – Если бы я была лодкой в бурях, ты был бы рулевым* (Цюн Яо); 如果你是天上的月，我愿是伴在月边的寒星。*(兰玫) – Если бы ты был луной на небе, я была бы звездой у луны* (Лан Мэй).

Противопоставление может носить нулевой характер в случаях, когда оба личных местоимения отождествляются с одинаковыми по семантике субстантивами: *Ты – албанец, я – албанец. Я и отвез Марицу в дом к албанцу* (В. Дорошевич); *Я камень, ты камень* (М. Цветаева); 你是人, 我也是人, 我有必要对你低声下气吗? (林晓筠) – *Ты человек, и я тоже человек, должен ли я покориться тебе?* (Линь Сяоюнь); 我是水, 你也是水, 水和水在一起, 还是水, 只能是水, 永远是水。 (百合) – *Я – вода, и ты – тоже вода, вода с водой – только вода, и может быть только водой, и всегда будет водой* (Бай Хэ).

Иногда контекст осложняется локативными и временными маркерами: *Ты казак с Днепра, а я казак с Дону, то есть почти не казак!* (Г. Данилевский); *Я теперь ничья. Ты теперь ничей. Я – лесной ручей, Ты – в лугах ручей* (С. Лобач); 徐老说: “我是你一日之师, 你是我终身之师。” (张家丰) – *Господин Сюй сказал: «Я твой учитель на один день, а ты мой учитель на всю жизнь»* (Чжан Цзяфэн).

Отношения семантического тождества наблюдаются и в конструкциях, где *я* и *ты* взаимозаменяются и в совокупности образуют единую слитность с глубинными связями и отношениями: *Вот мой покойный брат! Ты – я, я – ты. Ты вошел в меня после смерти* (А. Беляев); 她停了一会, 便说: “我就是你, 你就是我, 你我就是万物。” (CCL) – *После паузы она сказала: «Я – это ты, ты – это я, ты и я – это весь мир».*

Гораздо чаще *я* и *ты* функционируют как расчлененные сущности, как две обособленные самостоятельные субстанции, существующие автономно и дистантно, каждая сама по себе. Семантика таких конструкций не сводится к сочетаниям типа *я (мы) с тобой* [4, с. 120]. Приведем некоторые примеры: 我是我, 你是你, 毫不相关的两个个体。 (严沁) – *Я – это я, а ты – это ты, два совершенно не связанных друг с другом человека* (Янь Цинь).

Таким образом, конструкции с личными местоимениями *я – ты* в определенных контекстовых ситуациях наполняются амбивалентным содержанием за счет использования субстантивных заместителей контрастивного характера. Чаще всего семантические оппозиции *я – ты* выявляются в группе наименований человека, где актуализируются различные аспекты его жизнедеятельности (служебные обязанности, родственные и семейные отношения, ментальные способности, материальное состояние, национальная и религиозная принадлежность, гендерная представленность). В оппозиционный контекст *я – ты* также включаются субстантивы со значением мифических существ, животных и птиц, минералов и драгоценных камней, транспортных средств, растений, а также временных границ и интервалов. Общими для русского и китайского языков являются персонализированные конструкции с экспликацией родственных и семейных отношений, выполняемых обязанностей, материального состояния, национальных, религиозных и гендерных

различий. В китайском языке более широко представлены конструкции с названиями драгоценных камней и транспортных средств, в русском языке – структуры с номинациями растений.

Усилинию амбивалентных отношений способствуют антонимические прилагательные, использующиеся при местоименных заместителях (*плохой – хороший, богатый – бедный, старший – младший*).

Характер сочетаемости конструкций с местоимениями *я – ты* не всегда носит строго антонимический характер. В ряде случаев отношения между группами *я – ты* основаны на ассоциативности, чувственно-наглядных представлениях и образах предметов и явлений объективной реальности. Противопоставленность лексических единиц выявляется на уровне причинно-следственных, пространственных, гипонимических, метонимических отношений. Поэтому в одном ряду могут использоваться субстантивы *рыба* и *вода*, *птица* и *дерево*, *мелодия* и *певец*, *продавец* и *покупатель*, *пленник* и *освободитель*, *кошка* и *мышь*.

К ассоциативным местоименным конструкциям близки индивидуально-авторские структуры, в которых полностью отсутствует маркер антонимичности. Характер сочетаемости субстантивов обусловлен индивидуально-авторской интерпретацией конкретной речевой ситуации, необычностью семантики сравниваемых слов, умением авторов актуализировать скрытые подтексты, невидимые для широкого круга семантические сходства и различия между различными лексическими единицами: рус. *туча* и *башня*, *небо* и *море*; кит. *贼和骗子* (вор и лжец), *博士和工人* (доктор и рабочий), *磐石和蒲草* (скала и камыш), *萝卜和白菜* (репка и капуста).

В качестве расшифровщиков местоимений *я – ты* могут выступать имена собственные, которые представляют не столько известных и заслуженных деятелей и именитых фигур, сколько обычных, рядовых людей, известных в узких кругах писателей, поэтов, друзей.

В русских и китайских текстах наблюдаются случаи функционирования в пределах сложных синтаксических структур нескольких местоименно-субстантивных центров, в которых представлены различные и многоаспектные формы семантизации местоимений. Выделяются двухкомпонентные, трехкомпонентные, четырехкомпонентные и многокомпонентные структуры, в которых демонстрируются многоголикие образно-выразительные «фокусы» различных ассоциаций, отождествлений, сравнений, контрастов, воображений и разновекторных оппозиций.

В некоторых случаях контрастивность в местоименно-субстантивных конструкциях *я – ты* доходит до нуля, и обе структурные части выражаются одинаковыми по семантике субстантивами. Разновидностью модели *я – ты* являются структуры со взаимозаменяемыми элементами (*я – это ты, ты – это я; я – это я, а ты – это ты*). В первом случае наблюдается тесная глубинная связь между двумя смысловыми центрами, их взаимное влияние, заменяемость, интенциональность. Во втором случае представлены различные проекции двух смысловых центров, их автономность и дистантность.

Литература

1. *Кисель, Е. В.* Функциональная семантизация/характеризация личных местоимений как средство создания художественного образа в поэтическом тексте (на материале творчества русских и белорусских авторов XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.02 / Елена Владимиrowна Кисель; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2011. – 23 с.
2. *Кураш, С. Б.* Метафорика русской и белорусской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020. – 322 с.
3. *Стариченок, В. Д.* Образ человека в белорусском языковом континууме : монография / В. Д. Стариченок. – Минск : Колорград, 2018. – 292 с.
4. 祝中熹, 先秦第一人称代词初探, 兰州大学学报, 1986, (02), 110-116 页. Чжу Чжунси. Предварительное исследование местоимений первого лица в доциньский период / Чжунси Чжу // Вестн. Ланьчжоуского ун-та, 1986, (02). – С. 110–116.

Поступила в редакцию 24.09.2024

Цюцянькоў Максім Сяргеевіч
аспірант кафедры перыядычнага друку
і вэб-журналістыкі
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Maksim Tsiutsiankou
PhD Student of the Department
of Periodicals and Web Journalism
Belarusian State University
Minsk, Belarus
TsiutsiankovMS@bsu.by

КАМУНІКАТЫЎНАЯ ПРЫРОДА ПАРТЫЦЫПАТЫЎНАЙ ЖУРНАЛІСТЫКІ

THE COMMUNICATIVE NATURE OF PARTICIPATORY JOURNALISM

Партыцыпатыўная журналістыка – журналістыка саўдзелу – прыводзіць да пераходу масавай аўдыторыі з пазіцыі пасіўных спажыўцоў у актыўных удзельнікаў: з развіццём і распаўсюджаннем лічбавай эпохі спажывец інфармацыі становіцца аўтарам за кошт медыйных практык – каментарыяў, пастоў, стварэння рознага тыпу кантэнту – графічнага, візуальнага, інтэрактыўнага і інш. Лідары меркавання – калумністы і блогеры – шукаюць новыя формы падачы медыякантэнту, што стварае перлакутыўны эфект прыцягнення ўвагі рэцыпентаў. Даецца аналіз уздзеяння СМІ і блогераў на масавую аўдыторыю ў сітуацыі інтэнсіўнага развіцця сацыяльных, інфармацыйных, кагнітыўных тэхналогій і іх узаемнага ўплыву.

Ключавыя слова: *партыцыпация; немедыйныя рэсурсы; мультымедыйныя кангламераты; медыйныя практыкі; блогасфера; прафесійная журналістыка.*

Participatory journalism – journalism of participation – leads to the transition of a mass audience from the position of passive consumers to active participants: with the development and spread of the digital age, the consumer of information becomes an author through media practices – comments, posts, the creation of various types of content – graphic, visual, interactive, etc. Opinion leaders – columnists and bloggers – are looking for new forms of media content, which creates a perlocutionary effect of attracting the attention of recipients. The article analyzes the impact of mass media and bloggers on the mass audience in a situation of intensive development of social, information, and cognitive technologies and their mutual influence.

Ключавыя слова: *participation; non-media resources; multimedia conglomerates; media practices; blogosphere; professional journalism.*

У новых умовах інфармацыйнай перагрузкі традыцыйныя каналы камунікацыі перажываюць сур'ёзныя змены: у сучасным лічбавым свеце ўвага аўдыторыі становіцца адным з самых каштоўных рэсурсаў. Гэты феномен выкліканы інтэнсіўным нарастаннем трансмедыйнасці ў масавым інфармацыйным працэсе. Заўважым, што традыцыйныя фарматы журналістыкі ў тэхналагічнай арганізацыі кантэнту таксама кардынальна памяняліся (канвергентнасць, дыстрыбуцыя, новая «арганізацыя вытворчага кантэнту: стварэнне, апрацоўка і захоўванне кантэнту» [1, с. 20]), у змястоўнай частцы журналістыка развіваецца сінхронна ў адпаведнасці з інфармацыйна-камунікацыйнымі запытамі соцыуму.

Эпоха лічбавых тэхналогій адзначылася пераходам да медыяканвергенцыі, пад гэтым разумеем тып перадачы інфармацыі, асаблівасцю якога з'яўляеца прадстаўленне кантэнту на розных каналах медыя на любых платформах і любых носьбітах. Даследчыкамі не аднойчы адзначалася, што ў наступныя гады будзе адбывацца пераход друкаваных выданняў у мультымедыйныя кантэны і кантэны [2]. Актыўна развіваецца мабільная журналістыка, гэта ў значнай ступені адбіваецца на паводзінах медыяспажыўцу на фоне інтэнсіўнага развіцця аўтарскай журналістыкі (журналістыкі прафесійнага ўзроўню) і масавай.

Беларускія рэдакцыі ў эфірную сетку вяшчання, на палосы друкаваных выданняў і вэб-старонкі запрашаюць спікераў з выразнай грамадзянскай патрыятычнай пазіцыяй. Пры гэтым назіраеца тэндэнцыя да самавыражэння асобы не толькі ў сваім акаўнце, але і на прафесійных (афіцыйных) медыйных пляцоўках.

Па меры развіцця розных формаў інтэрнэт-журналістыкі, зніжэння цікавасці чытачоў да традыцыйных СМІ і імкнення карыстальнікаў знайсці адэкатныя шляхі самавыражэння ў анлайне, электронныя медыя трансфармуюцца і набываюць часам самыя дзіўныя фарматы. У апошнія гады ўсё большую папулярнасць набывае феномен, які ў англійскай мове атрымаў назыву «citizen journalism», «we media» ці журналістыкі саўдзелу («participatory journalism»), – працэс напісання медыятексту, у ходзе якога прадукт ствараеца не прафесійнымі журналістамі, а звычайнымі людзьмі. Такім чынам фарміруеца партыцыпатыўная журналістыка, якая разлічана на суб'ект-суб'ектнае ўзаемадзеянне паміж аўтарам і спажыўцом інфармацыі, што можа сведчыць пра дыялогавую камунікатыўную прыроду такіх зносін.

Партыцыпация ўкаранілася ў медыядаследаванні і набыла вядомасць яшчэ ў 2000-я, у першую чаргу дзякуючы Генры Джэнкенсу – амерыканскому філосафу і культуролагу, заснавальніку канцэпцыі «культуры саўдзелу» ў дачыненні да соцыуму і СМІ, сутнасць якой зводзіцца да пераходу масавай аўдыторыі з пазіцыі пасіўных спажыўцуў у актыўных удзельнікаў: з развіццём і распаўсюджаннем лічбавага свету кожны карыстальнік становіцца аўтарам за кошт медыйных практык – каментарыяў, пастоў, стварэння рознага тыпу кантэнту – графічнага, візуальнага, інтэрактыўнага і інш. [3].

Вывучэнне праблемы партыцыпации і «барацьбы» за ўтрыманне ўвагі мэтавай аўдыторыі выклікала сур'ёзнымі зменамі ў інфармацыйнай прасторы, што звязана з актыўным павелічэннем колькасці лідараў меркаванняў і іх ўплывам на падсвядомасць грамадства праз публікацыі ў сацыяльных сетках, відэахостынгах, медыя, уздзеянне якіх на сёння можна параўнаны з рэурсамі традыцыйных медыя. Аднак, у параўнанні з класічнымі прадстаўнікамі вэб-рэдакцый, група блогераў больш мабільная, не

мае пэўных фармальных абмежаванняў, фарміруе паліту новых падыходаў (мультымедыйнасці, трансмедыйнасці і г. д.) і адпавядае ў поўнай ступені выклікам грамадства. У наш час адбываецца найбольш актыўная прафесіяналізацыя блогерства ва ўспрыманні аўдыторыі, блогер спалучае ў сабе вобразы трэндсэтара, грамадскага актыўіста і нават бізнесмена, пры тым, што моц яго пераканаўчасці залежыць ад індывидуальных здольнасцей, таленту, артыстычнасці, умення знаходзіць дакладныя стылістычныя і кантэнтныя рашэнні.

Паказальнымі, на наш погляд, з'яўляюцца два моманты пры вызначэнні дэфініцыі «масавая (грамадзянская) журналістыка». У навуковым асяроддзі існуюць супярэчлівія паняцці: шэраг даследчыкаў пазначаюць тэрмін як дзейнасць непрафесійных аўтараў, якія ажыццяўляюць працу ў інтэрнэце – у блогах, сацыяльных сетках; іншыя ж трактуюць гэта як «прафесійную дзейнасць журналістаў, што дапамагае насельніцтву ўпłyваць на ўладу і палітыкаў, а палітыкам пазнаваць сапраўдныя інтарэсы грамадзян» [4, с. 29–30]. Беларускія медыяэксперты і кантэнт-крыэйтары шукаюць новыя формы ўзаемадзеяння з аўдыторыяй, каб максімальна эфектыўна дадесці свае ідэі і погляды.

Сучасны інфармацыйны рынак у Беларусі шырокі. Сённяшнія нацыянальныя каналы прадстаўляюць спектр разнастайных праграм, некаторыя з іх выступаюць прататыпам інтэрнэт-праектаў блогасферы. Стварэнне аўтарскіх онлайн-прадуктаў, у тым ліку і документальных фільмаў, дазваляе ім вылучыцца на фоне іншых платформенных каналоў, прапанаваць гледачам унікальны кантэнт і ўсталяваць больш цесную сувязь з аўдыторыяй.

Яскравым прыкладам выбудоўвання фатычнай (кантактаўстанаўляльной) функцыі выступае тэлеканал АНТ, які рэтранслюе кантэнт для сеткавых гледачоў, сярод якіх «Тварам да твару» і «Лікбез.ВУ». Калі першы праект датычыцца больш да жанра інтэрв'ю і адносіцца да сацыяльнай журналістыкі, то другі – набывае рысы тлумачальнай і аналітычнай, дзе вядучая праграмы Анастасія Маркова разглядае выключна палітычныя пытанні, аднак журналісцкая манера характарызуецца больш мяккай формай падачы інфармацыі. Так, у маўленчай манеры аўтаркі адсутнічае вербальная агрэсія, інвектыўныя (абсцэнныя) элементы, герметычная лексіка, аднак высокачастотна назіраецца экспрэсія, мадальнасць, эматыўнасць, што характэрна для аўтарскай журналістыкі. Так, журналістка выкарыстоўвае эўфемізм у дачыненні да экспрэсіўна афарбаванай у медыяполі сітуацыі, калі пасля інаўгурациі Прэзідэнта ЗША Дональда Трампа Ілан Маск паказаў жэст, які многім нагадаў нацысцкае прывітанне, аўтар праекта адзначыла: **«...але больш за ўсё здзівіў Ілан Маск з яго асаблівым прывітаннем.** Ну, папершае, ён моцна радаваўся, вельмі моцна.... Ды так, што не змог стрымаць эмоцый і, падобна, зігануў <...> але **давайце не будзем падазраваць кансерватара Маска ў нацызме»** (АНТ, 23.01.2025).

Маўленчая разняволенасць характэрна для шматлікіх аўтарскіх перадач, што засведчвае дэканструкцыю кастамараўскага прынцыпу суаднясенні стандарту і экспрэсіі пабудовы медыятэксту. Вельмі важнай адсюль з'яўляецца балансіроўка кніжнай і размоўнай лексікі ў медыямаўленні і захоўванне элементарных нормаў словаўжывання. Ад журналіста патрабуеца тонкае ўменне не сысці да вульгарызацыі сваёй праграмы, падмняючы аргументы экспрэсіівамі, а дасягнуць саўдзелу віртуальнай аўдыторыі за кошт выкарыстання «блізкай» ёй семантычна спрошчанай лексікі. Так, Ігар Тур у аўтарскай праграме «Прапаганда» выкарыстоўвае размоўную канструкцыю, якая відавочна выконвае фатычную функцыю: «...калі б яны на амерыканскі або еўрапейскім манер пачалі крытыкаваць уладу – значыць, яны крытыкуюць і сябе за тое, што не змаглі нешта зрабіць, будучы ва ўладзе. **А гэта па-дурному**, як ні круці» (АНТ, 27.01.2025).

Медыятэксты аўтараў нагадваюць інтэрнэтныя зносіны з аўдыторыяй, калі блогеры выкарыстоўваюць ацэначную, зніжаную лексіку – даступную і прывабную. У разгледжаных праграмах практыкуюцца мантажныя спец-эфекты – усплываючыя малюнкі, фотаздымкі герояў, пра якіх ідзе гаворка, інфаграфіка. Найчасцей сустракаюцца аўтарскія ілюстрацыі і папулярныя інтэрнэт-мемы. Такое інтэнсіўнае ўкараненне інструментаў візуалізацыі – дзейсны спосаб для СМІ зацікавіць і ўтрымаць карыстальнікаў.

Медыякантэнт блогераў, у адрозненне ад каналаў традыцыйных СМІ, характарызуецца большай персаналізацыяй праз уласны погляд на сітуацыю, асабісты вопыт, імгненнае рэагаванне на інфармацыйны парадак дня, што першапачаткова дазваляе прыцягнуць большую ўвагу аўдыторыі, аднак публікацыі немедыйных рэурсаў не заўсёды вызначаюцца дакладнай верыфікацыяй. Да традыцыйных – медыйнай, палітычнай, культурнай і іншых падсістэм – дадаецца сёння сеткавая. Неабходна акцэнтаваць ўвагу на тое, што блогеры і журналісты, нягледзячы на спробы інтэграваць гэтыя прафесіі ў адзіную медыяпалітру, маючы пры гэтым агульныя рысы ў апрацоўцы кантэнту, адыгрываюць розныя ролі ў медыяспажыванні.

Ва ўмовах развіцця сучаснага інфармацыйнага грамадства блогінг і журналістыка выступаюць у навуковым полі як розныя, але інтэгральныя формы медыясістэмы. Таму праблему аб'яднання розных платформенных медыяпарадыгмаў лепш разглядаць не з боку немедыйных рэурсаў як замену класічнай журналістыкі, а праз прызму блогінгу і сеткавых праектаў як зневажній практыкі суадносін журналістыкі і партыцыпациі, калі аўдыторыя СМІ мігруе ў сеткавыя праекты, набываючы пры гэтым новыя рысы і новыя мадэлі спажывання інфармацыі. Таму нарастанне ўплыву сеткавай грамадскай сістэмы – адзін з магістральных напрамкаў медыядаследаванняў у ХХІ ст. Вывучаецца перш за ўсё адаптацыя СМІ да новых умоў існавання – жанравая, тэхналагічная і арганізацыйная трансфармацыі [5]. Мноства прац прысвячана праблемам мультымедыятызацыі кантэнту і розным аспектам канвергенцыі [6; 7].

Натуральна, для сённяшніх журналістаў ужо недастаткова умэць пісаць і рэдагаваць тэксты, здымаць рэпартажы і запісваць інтэрв'ю: некаторыя кампетэнцыі, што раней датычыліся толькі блогераў, супрацоўнікаў немедыйных рэсурсаў (аналіз метрыкаў, уменне іх счытваць і аналізаваць; веданне інтэрфейса сацсетак і інш.) на сёння ўжо ўваходзяць у базавы пералік і для прафесійных кампетэнцый журналістаў. Так, А. В. Калеснічэнкам заўважаецца «перацяканне ў блогасферу адной з базавых функцый СМІ – адбору таго, што будзе паведамляцца масавай аўдыторыі» [8, с. 53]. Заўважаецца пэўная асаблівасць у тым, што раней журналісты фактычна з'яўляліся манапалістамі ў вытворчасці медыйныга кантэнту, сёння ж асноўную частку ў стварэнні інфармацыі бяруць на сябе карыстальнікі сацыяльных сетак, пры гэтым задача журналіста ў некаторай ступені цяпер заключаецца ў арганізацыі інфармацыі, яе верыфікацыі і стварэнні прасторы для дыялогу.

Перакрыжаванні СМІ і блогасферы становяцца ўсё больш прыкметнымі. Многія традыцыйныя рэдакцыі актыўна выкарыстоўваюць элементы блогінгу для прыцягнення аўдыторыі і павышэння інтэрактыўнасці на сваіх платформах. Гэта дасягаецца выкарыстаннем розных фарматаў падачы інфармацыі: класічных – артыкулы і рэпартажы, аналітычныя агляды, нататкі, і новых – відэаматэрыялы, падкасты, прамыя эфіры, інтэрактыўныя элементы (апытанні, галасаванні), мультымедыйныя лангрыды. Такі падыход дазваляе не толькі разнастайць кантэнт, але і павялічыць колькасць карыстальнікаў. На адным партале матэрыялы могуць быць створаны як блогерамі, палітолагамі, так і журналістамі.

Сёння гэта можна ўбачыць на рэспубліканскіх, сталічных вэб-парталах sb.by, mlyn.by, minsknews.by, некаторых раённых і абласных – zarya.by, nashkraj.by, gp.by, bobrlife.by і інш. Таму актуальнай выглядае задача выявіць найбольш папулярныя айчынныя акаўнты ў сацыяльных сетках на тэрыторыі Беларусі і метадам кантэнт-аналізу вызначыць запатрабавальны фармат падачы медыякантэнту. Для гэтых мэт у чатырох сацсетках былі адабраны па дзесяць беларуска- і рускамоўных акаўнтаў з найбольшай колькасцю падпісчыкаў; для чатырох сацсетак (ВКонтакте, Instagram, Telegram, TikTok) выкарыстоўваліся рэйтынгі кампаніі юајам па стане на верасень 2025 года.

Метад кантэнт-аналізу дазволіў сістэматызаваць публікацыі папулярных беларускіх блогаў і вызначыць 11 найбольш папулярных фарматаў дыстрыбуцыі кантэнту: 1) тэкст; 2) тэкст + фота; 3) тэкст + відэа; 4) тэкст + фота + відэа; 5) фота; 6) фота + загаловак ці подпіс; 7) фота + відэа; 8) відэа; 9) відэа + загаловак; 10) тэкст + падкаст; 11) тэкст + фота + падкаст, што прадстаўлена ў табліцы. Безумоўна, гэтая класіфікацыя можа паширацца і дапаўняцца новымі фарматамі падачы медыякантэнту ў дачыненні да прэ-, пост- і інтэрпазіцыі аднаго з элементаў.

Ступень частотнасці фарматаў кантэнту ў сацыяльных сетках

Фармат Сацсетка	Тэкст	Тэкст + фота	Тэкст + відэа	Тэкст + фота + відэа	фота	фота + загаловак ці подпіс	фота + відэа	відэа	відэа + загаловак	Тэкст + падкаст	Тэкст + фота + падкаст
Instagram	0	97	64	52	34	28	25	76	24	0	0
ВКонтакте	37	49	59	37	29	32	7	33	79	23	21
Telegram	38	89	41	76	41	58	9	13	32	2	1
TikTok	0	37	79	0	17	22	34	127	84	0	0
Сума	75	272	243	165	121	140	75	324	219	25	23

Сыходзячы з данных табліцы, можна заўважыць, што найбольш высокачастотным кантэнтам, характэрным для беларускай аўдыторыі, у сацыяльных медыя з'яўляецца відэа (324), на другім месцы – тэкст + фота (272), на трэцім – тэкст + відэа (243). Гэта азначае, што традыцыйныя каноны журналістыкі, дзе дамінуючым з'яўляецца тэкст, а дапаможным – фота і відэа – упłyваюць на дыstryбуцыю кантэнту ў сацыяльных сетках. Аднак заўважаецца пэўная розніца для кожнай сацыяльнай сеткі: калі ў Telegram дамінуючым з'яўляецца фармат кантэнту тэкст + фота, тады ў TikTok такі фармат займае апошніяе месца. І гэта не дзіўна. Аналіз паказвае, што тэксты ў сацсетках запатрабаваныя і актыўна публікуюцца, але пры гэтым доля тэкстовых і нетэкстовых публікацый супастаўляльная. Жанр падкастынгу, наадварот, мала прысутнічае ў сацыяльных сетках, бо яны не з'яўляюцца спецыялізаванымі і адаптыўнымі пад такі фармат.

У эфектыўных публікацыях часта спалучаюцца вербальныя і невербальныя элементы, чым ствараеца гарманічнае і прывабнае паведамленне. Калі тэксты, хэштэгі, подпісы, пабуджальныя выразы складаюць каля 34 % ад усіх публікацый, то графікі, замалёўкі, відэакантэнт, эмодзі – амаль 85 %. Такім чынам, правільнае фармаціраванне медыякантэнту ў спалучэнні з візуальнымі элементамі дапамагае палепшыць успрыванне інфармацыі і робіць публікацыю кампазіцый больш структураванай.

У ходзе аналізу публікацый у немедыйных рэсурсах мы засяродзіліся на адборы матэрыялаў, якія адпавядаюць крытэрыям, неабходным для публікацыі іх у афіцыйных каналах СМІ, парталах. Працэс фільтрацыі ўключаў ацэнку якасці, актуальнасці і адпаведнасці тэматыкі публікацый. Па выніках

аналізу намі выяўлена 54 публікацыі, якія адпавядаюць ўстаноўленым крытэрыям, што складае 13,4 % ад агульнага аб'ёму прааналізаваных матэрыялаў.

Безумоўна, на медыяпляцоўках, у сацыяльных сетках узнякае дэфіцыт аб'ектыўнасці, рэдакцыйных фільтраў, якія ў класічных рэдакцыях адсейваюць недакладную інфармацыю. І гэта невыпадкова – у канкурэнцыі журналіста і блогера ў праверцы фактаў супрацоўнікі класічных рэдакцый заўсёды будуць мець перавагу, аднак трэба разумець і тое, што блогеры прадаюць, перш за ўсё, не інфармацыю, а эмоцыі і светаадчуванне. Беларускі медыядаследчык У. Сцяпанаў адзначае, што блогасфера, «...з'яўляючыся перыферыйнай тэрыторыяй інфармацыйнай прасторы, здольная ўзбагаціць ядро новымі тэмамі, жанрамі, творчымі знаходкамі аўтараў, якія, як правіла, значна больш раскаваны, чым журналісты» [9, с. 59]. Продукт блогера больш персаналізаваны ў параўнанні з класічнымі медыя, магчымасці якіх будуць заўсёды абмежаваны структурай інстытута СМІ.

Натуральная, новы камунікатыўны асяродак прадугледжвае іншы падыход да структуравання кантэнту і кіравання інфармацыйна-сэнсавымі патокамі [10]. У сучасным свеце медыя становяцца паставшчыкамі шматфарматнага кантэнту – навінавыя стужкі, інтэрнэт-версіі газет, онлайн-трансляцыі, сеткае радыёвяшчанне і інш.

Варта адзначыць, што блогасфера не заменіць класічныя сродкі масавай інфармацыі як рэтранслятара актуальнай, сацыяльна значнай інфармацыі. Натуральная, блогасфера і журналістыка існуюць у розных плоскасцях, перасячэнні заўважаюцца выключна ў канкурэнцыі за аўдыторыю, яе увагу і рэкламу. Варта адзначыць, што ў тэматычным або жанравым плане кантэнт блогераў і журналістаў ў параўнанні з пачаткам ХХІ ст. адрозніваецца нязначна, назіраецца адаптацыя і інтэграванне кантэнтнага напаўнення інфармацыйнага прадукту як з боку новых медыяпляцовак, так і традыцыйных. Неабходна заўважыць і нязмушанасць форм падачы інфармацыі – як у СМІ, так і ў блогераў. У асноўным публікуецца тэкст + фота + відэа з пэўным тлумачэннем, часам зведзеным да загалоўка ці пашыранага подпісу. Найбольш высокачастотным у блогасферы з'яўляецца жанр навін, намі не выяўлена ніводнай публікацыі аналітычных жанраў (аналітычны артыкул, расследаванне, нарыс), што таксама паказвае на спрошчанасць блогасфери як пляцоўкі для трансляцыі журналісцкага адлюстравання рэчаіснасці.

ЛІТАРАТУРА

1. Зайцев, М. Л. Распространение контента современными медиа: тенденции и специфика / М. Л. Зайцев // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. – 2017. – № 2. – С. 19–23.

2. Шоломицкая, Т. Л. Трансформация бизнес-моделей в процессе перехода от традиционной редакции к мультимедийной / Т. Л. Шоломицкая // Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: Т. А. Пивоварчик (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2020. – С. 298–302.
3. Jenkins, H. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century / H. Jenkins [et al.]. – Cambridge : The MIT Press, 2009. – 145 с.
4. Дзялошинский, И. М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям / И. М. Дзялошинский. – М. : Престиж, 2006. – 104 с.
5. Интернет-СМИ: Теория и практика: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. М. Лукиной. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 346 с.
6. Шестеркина, Л. П. Традиционные и специфические основы формирования системы жанров универсальной журналистики / Л. П. Шестеркина, М. Н. Булаева // Гуманитарный вектор. – 2015. – № 4 (44). – С. 129–135.
7. Шоломицкая, Т. Л. Основные этапы производства мультимедийного продукта в редакции СМИ / Т. Л. Шоломицкая // Журналистика – медиалогия – наставничество : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Б. В. Стрельцова, Минск, 1 марта 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. Р. Хмель (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2023. – С. 266–271.
8. Колесниченко, А. В. Журналистика и блогосфера: жанрово-тематические пересечения / А. В. Колесниченко // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2021. – № 1. – С. 51–74.
9. Степанов, В. А. Социальные медиа : учеб.-метод. пособие / В. А. Степанов. – Минск : БГУ, 2020. – 115 с.
10. Пак, Е. М. Блоги в системе творческой деятельности журналиста // Е. М. Пак // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2011. – № 2. – С. 283–292.

Поступила в редакцию 03.11.2025

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111'373.46(045)

Артёмова Ольга Александровна
доктор филологических наук,
профессор кафедры фонетики
и практики английской речи
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Olga Artsiomava
Habilitated Doctor of Philology,
Professor of the Department
of Phonetics and Practice of English Speech,
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
olgaivanovaolga3@gmail.com

Швец Галина Геннадьевна
аспирант кафедры фонетики и практики
английской речи
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Halina Shvets
PhD Student of the Department
of Phonetics and Practice of English Speech,
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
lili-70@inbox.ru

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЖАНРА
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПАТЕНТА В СФЕРЕ ИНФОКОММУНИКАЦИЙTHE SEMANTIC AND PRAGMATIC ORGANIZATION
OF THE ENGLISH PATENT IN THE FIELD OF INFOCOMMUNICATIONS

В статье представляется семантико-прагматическая организация жанра англоязычного инфокоммуникационного патента, цель которого заключается в юридической фиксации исключительного права на интеллектуальную собственность. Репрезентируются его макро- и микроструктура, реализуемые лексическими, грамматическими и синтаксическими средствами.

Ключевые слова: *патент; жанр; интеллектуальная собственность; термин; макроструктура; микроструктура.*

The article presents the semantic and pragmatic organization of the genre of the English infocommunications patent, the purpose of which is to fix legally the exclusive right to intellectual property. Its macro- and microstructure implemented by lexical, grammatical and syntactic means, are represented.

Key words: *patent; genre; intellectual property; tautologism; macrostructure; microstructure.*

Глобальное развитие инфокоммуникационных систем, оборудования и технологий обусловливает постоянный рост количества выдаваемых в мире патентов, что предопределяет усиление интереса к данному жанру не только отраслевых инженеров-специалистов, но и лингвистов с целью последую-

щего устранения трудностей в ходе экспертизы заявки патента, а иногда и потенциального проигрыша в патентном споре, приводящего к потере репутации патентного поверенного.

Согласно определению Национального центра интеллектуальной собственности Республики Беларусь, патент – документ, удостоверяющий исключительное право физического или юридического лица на объект патентного права [1]: научно-техническое изобретение, полезную модель и промышленный образец.

Как технико-юридический документ патент совмещает в себе характеристики технического текста (с его информативностью, терминологичностью, логичностью, четкой связью основной идеи и деталей ее описания, и юридического документа, которому свойственны строгая композиция) наличие штампов, клише, канцеляризмов, юридических терминов.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных анализу патента в сопоставительном (М. А. Фёдорова [3], Е. С. Троянская [4]), переводческом (А. Я. Коваленко [5], Б. Н. Климзо [6], И. В. Гредина [7], Е. Д. Маленова, Л. А. Матвеева [8], Н. В. Шершукова [2]), лексико-семантическом (М. Д. Триноженко, Ю. Л. Гончарова [9], Н. В. Куркан [10]) и прикладном аспектах (G. Cascini, F. Neri [11], Т. К. Чарская [12]), семантико-прагматическая модель жанра англоязычного инфокоммуникационного патента с установлением его макро- и микроструктуры не были объектом внимания лингвистов, что обуславливает актуальность данного исследования. Фактическим материалом послужили девять англоязычных инфокоммуникационных патентов, содержащих информацию о средствах, методах или способах передачи данных с использованием коммутируемых и некоммутируемых каналов и линий связи [13], которые были проанализированы с учетом когнитивной модели дискурса Т. ван. Дейка [14; 15] и теории речевых жанров Т. В. Шмелевой [16].

Мы, вслед за зарубежными учеными (Дж. Суэйлз [17], Н. Гретц [18], Ф. Салагер-Мейер [19], М.В. Черкунова [20] и др.), рассматриваем *макроструктуру* как композиционную организацию построения текстов определенного дискурса [21]. Она достаточно устойчива и представляет собой последовательность 12 разделов, способствующих раскрытию темы и содержания патента и реализации цели – законного подтверждения прав интеллектуальной собственности на изобретение.

1. Заголовок патента и название изобретения (Title of the Invention) должны быть краткими, включать точные отраслевые термины и аббревиатурамы, если необходимо: *Methods and systems for adaptive and context aware internet of things (IOT) communication* ‘Методы и системы для адаптивной и контекстно-зависимой коммуникации в Интернете вещей (ИВ)’ [3]. Также данный раздел содержит номер патента, название государства, выдавшего патент, даты подачи заявки и выдачи патента, индексы Международной классификации изобретений (МКИ) и Национальной классификации изобретений (НКИ), фамилию владельца патента и его адрес, фамилию автора изобретения [А; Б; В; Г; Д; Ж; З; И].

2. Реферат (Abstract of the Disclosure) представляет краткую техническую информацию об изобретении, необходимую для понимания специалистами сущности объекта патентования.

3. Отсылки к родственным заявкам (Cross-References to Related Applications): *Continuation of application No. 16 / 396, 027, filed on Apr. 26, 2019, now Pat. No. 10,644,019* ‘Продолжение рассмотрения заявки № 16/396,027, поданной 26 апреля 2019 года, теперь патент № 10,644,019’ [Ж].

4. Предпосылки к созданию изобретения – это критерии его патентоспособности: новизна (отсутствие информации об изобретении в уровне техники до даты подачи заявки), изобретательский уровень (неочевидность технического решения для специалиста) и промышленная применимость (возможность использования изобретения в реальной деятельности).

4.1. Область изобретения (Field of the Invention), в которой применяется заявляемое изобретение: *The present disclosure relates generally to a user interface for a device, more specifically to a system and method for providing a user - controlled overlay for a user interface for a device that allows user to quickly access applications that are operating on the device* ‘Настоящее открытие в целом относится к пользовательскому интерфейсу для устройства, более конкретно к системе и способу обеспечения управляемого пользователем наложения для пользовательского интерфейса для устройства, которое позволяет пользователю быстро получать доступ к приложениям, которые работают на устройстве’ [Е].

4.2. Описание (обзор) известного уровня техники (Background of the Invention) является ключевым разделом патентной заявки, в котором подробно анализируются существующие технологии и разработки, близкие к заявляемому изобретению, для демонстрации его новизны и технического уровня в виде антитезы – противопоставления существующего и будущего состояния технической отрасли.

4.3. Критика прототипа (Criticism of the Prior Art) содержит описание известных аналогов изобретения или полезной модели или прототипа – аналога патентуемого изобретения, обладающего наиболее близкими характеристиками, – с указанием их недостатков. В качестве подтверждения приводятся ссылки на источник с информацией об аналоге: указание даты публикации, номер патента, библиографические данные книги или статьи, ссылка на интернет-страницу и т.п: *US 2020/0076896 A1 Mar. 5, 2020* [В]. Для точности изложения употребляются клише *A prior art (or known analog) is...* ‘известен (название аналога)’, *It is known that (analog name)...* (при этом *prior art* ‘предшествующий уровень техники’ чаще используется для обозначения всего набора существующих технических решений, а *known analog* ‘известный аналог’ – для ранее существовавшего аналога), помогающие настроить на восприятие именно этого документа [22]: *Prior art systems, however, do not consider the presence and intentions of recipients. As a result, the default assumption is that the data is rendered by the recipient in real time* ‘Однако системы, известные ранее, не учитывают присутствие и намерения получателей. В результате по умолчанию предполагается, что данные предоставляются получателем в режиме реального времени’ [Д].

4.4. Резюме изобретения (Summary of the Invention) содержит краткое изложение сущности изобретения, дает представление о его природе, назначении и преимуществах в понятной форме.

5. Краткое описание чертежа (-ей) (Brief Description of the Drawing (s)) представляет собой каталог всех графических материалов (чертежей, схем, диаграмм) с краткими описаниями содержимого каждой иллюстрации и объяснением, как она демонстрирует изобретение.

6. Описание предпочтительного варианта осуществления изобретения (Description of the Preferred Embodiment) включает информацию о возможном способе реализации изобретения или полезной модели, ссылки на соответствующие чертежи, конструктивные особенности изобретения в статическом состоянии и в процессе работы, последовательность режимов, операций и условий выполнения всех действий.

7. Подробное описание изобретения (Detailed Description) раскрывает техническое решение с такой полнотой, чтобы специалист в данной области мог его воспроизвести.

8. Формула изобретения (Claims) – самая главная часть патента, содержащая формулировку новизны данного изобретения, отличающего его от уже известных, сходных по содержанию изобретений. Патентная формула вводится формой глагола 1-го лица *I claim* ‘я заявляю’, *What we claim is* ‘Мы заявляем’. Пункт формулы должен укладываться в одно назывное предложение – тип односоставного предложения с одним главным членом – подлежащим, выраженным существительным или местоимением в именительном падеже, которое утверждает существование предмета или явления, сообщая о его наличии в настоящем времени. Это наиболее важный раздел патента, поскольку именно в этой части автор определяет объект, авторские права на который подлежат охране.

9. Технико-экономические результаты применения изобретения
(*Statement of the Advantages to be Gained by the Invention*) демонстрируют, какое конкретное техническое задание решает патентуемое изобретение и какие экономические преимущества оно приносит (уменьшение затрат, увеличение производительности, создание нового рынка или улучшение качества продукции), его применимость в промышленности, значимость для общества и бизнеса, что делает его основой для патентования и дальнейшего использования.

11. Вкладыш с сообщением об отказе от пункта формулы (Disclaimer) содержит объяснение, почему пункт формулы или патент в целом не может быть предоставлен (например, несоответствие условиям патентоспособности, неправильное оформление, нарушение законодательных требований).

12. Перечень замеченных опечаток (Certificate of Corrections) представляет собой список замеченных опечаток в патенте, который составляется заявителем или его представителем с указанием страницы, строки и самого текста опечатки, для последующего исправления патентообладателем.

Отметим, в англоязычных патентах в сфере инфокоммуникационных технологий не всегда присутствуют все описанные выше конституенты макроструктуры, иногда они объединяются, опускаются или приводятся в другом порядке.

Прагматическая организация жанра определяется

1) коммуникативной целью, которая заключается в установлении факта признания авторского права на патентуемый объект;

2) образами автора и адресата. Несмотря на то что, англоязычные патенты выдаются государственными службами по интеллектуальной собственности, адресант, помимо клише *Applicant* ‘заявитель’, *Author* ‘автор’, *Patent Holder* ‘Патентообладатель’, маркируется местоименными формами 1-го лица: *In the initial step 52, the Messages with Media (by which we mean portions of the time indexed media that belongs to this Message) ready to be transmitted between the sending and receiving pair in the current loop are ascertained* ‘На начальном этапе 52 определяются сообщения с медиаданными (под которыми **мы** подразумеваем части медиаданных с временной индексацией, принадлежащие данному сообщению), готовые к передаче между отправляющей и принимающей парой в текущем контуре’ [Д]. Эта особенность, по нашему мнению, указывает на связь патента с индивидуалистской направленностью англоязычной культуры: патент закрепляет исключительное право на изобретение, защищая интересы изобретателя – будь то отдельное лицо или коллектив, – чьи творческие усилия получают признание и вознаграждение. **Адресаты** – специалисты и пользователи – маркируются лексемой *the user* ‘пользователь’.

Отношения между адресантом и адресатом патента, регулируемые жанровыми, социально установленными предписаниями и/или их взаимными ожиданиями [23], обусловлены прежде всего наличием определенного уровня профессиональной компетенции у адресата, позволяющей ему адекватно воспринять технический документ, и адресанта, который заинтересован в аргументированном раскрытии новизны и преимуществах своего изобретения.

Интегральным компонентом макроструктуры патента является его *диктумное содержание* – непосредственное описание изобретения, полезной модели или промышленного образца. *Временная перспектива патента*

характеризуется непредставленностью факторов прошлого и будущего и актуализацией плана общего настоящего, реализуемого глагольными формами Present Simple: *AR involves projecting virtual information on top of a real physical environment, while VR involves displaying a representation of the physical system in a virtual digital environment* ‘AR предполагает проецирование виртуальной информации поверх реальной физической среды, в то время как VR предполагает отображение представления физической системы в виртуальной цифровой среде’ [И].

Микроструктура жанра патента организуется лексическими, грамматическими, синтаксическими маркерами.

Лексическая микроструктура патента реализуется архаизмами – сложными наречиями (*theretbetween* ‘между ними’, *whereby* ‘посредством чего’); канцеляризмами (*accompanying* ‘нажеследующий’), клише и штампами (*The ensuing description provides...* ‘Последующее описание предоставляет’ [24], аббревиатурами (*IVE – an immersive virtual environment* ‘иммерсивная среда’); терминами (*LAN network* ‘локальная сеть’), тавтологизмами – стилистическими ошибками, представляющими собой повторение в одном высказывании одинаковых или близких по значению и смыслу слов или выражений (*challenges / problems* ‘трудности/проблемы’).

Грамматическая микроструктура патента эсплицируется:

а) глагольными формами в пассивном залоге для смещения фокуса внимания с адресанта и адресатов на объект патентования (*It will be appreciated...* ‘Специалистам в данной области техники будет понятно...’) [Б];

б) причастными (*the user - controlled* ‘управляемый пользователем оверлей’) и герундиальными оборотами для лаконичного и точного описания объекта патентования (*method for providing* ‘способ предоставления’);

в) сравнительными конструкциями с целью выделения новизны и высокого качества патентуемого продукта по сравнению с существующими аналогами (*at a higher level* ‘на более высоком уровне’).

Синтаксическая микроструктура патента характеризуется наличием односоставных номинативных предложений, способствующих более емкому и точному описания изобретения: *Modular network interfaces with options for load balancing and network resiliency* ‘Модульные сетевые интерфейсы с возможностями балансировки нагрузки и обеспечения отказоустойчивости сети’ [Б].

Таким образом, семантико-прагматическая модель жанра патента в сфере инфокоммуникационных систем обеспечивает реализацию коммуникативной цели – законного подтверждения прав интеллектуальной собственности на изобретение с помощью устойчивой композиционной макроструктуры и информативной и емкой микроструктуры, актуализируемой лексическими, грамматическими и синтаксическими средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Патентование в Республике Беларусь. – URL: <https://www.ncip.by/promyshlennaya-sobstvennost/obekty/patentovanie-v-respublike-beloruss/> (дата обращения: 29.08.2025).
2. Шершукова, Н. В. Особенности перевода патентов / Н. В. Шершукова, В. А. Белова // Язык и мир изучаемого языка / Сарат. ин-т (филиал) ФГБОУ ВПО «Рос. гос. торгово-экономический ун-т». – 2016. – № 7. – С. 262–267.
3. Фёдорова, М. А. Жанровый подход к развитию научной культуры речи / М. А. Фёдорова // Омский науч. вестник. – 2014. – № 3. – С. 129.
4. Троянская, Е. С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы / Е.С. Троянская. – М. : Наука, 1982. – 312 с.
5. Коваленко, А. Я. Общий курс научно-технического перевода / А. Я. Коваленко – Киев : ИНКОС, 2003. – 320 с.
6. Климзо, Б. Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы / Б. Н. Климзо. – М. : Валент, 2006. – 508 с.
7. Гредина, И. В. Перевод в научно-технической деятельности : учеб. пособие / И. В. Гредина. – Томск : Изд-во Томского политехнич. ун-та, 2010. – 121 с.
8. Маленова, Е. Д. Перевод патентов США и Великобритании: от теории к практике : учеб. - метод. пособие / Е. Д. Маленова, Л. А. Матвеева. – Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2008. – С.144.
9. Триноженко, М. Д. Специфика перевода патентной литературы / М. Д. Триноженко, Ю. Л. Гончарова // Молодой исследователь Дона. – Ростов-н/Д., 2016. – Вып. 1 (1). – С. 1-6. – URL: <http://mid-journal.ru/upload/iblock/63f/63fb0dab8c82800b766fbe77bf47dbd2.pdf> (дата обращения: 29.08.2025).
10. Куркан, Н. В. Модель речевого жанра «патент» / Н. В. Куркан // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – №13. – Вып. 8. – DOI: 10.30853/filnauki.2020.8.24.
11. Cascini, G., Natural language processing for patents analysis and classification / G. Cascini, F. Neri / Università degli Studi di Firenze. – 2010. – 13 р.
12. Чарская, Т. К. Теоретические и прикладные аспекты изучения языка патентной документации / Т. К. Чарская // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – СПб., 2005. – Т. 5. – № 1. – С. 238–242.
13. Инфокоммуникационные сети и системы связи. – URL: <https://www.google.com/search?q/> (дата обращения: 30.08.2025).
14. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петров ; пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст.: Ю. Н. Караполов, В. В. Петров. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.
15. Дейк, Т. А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 153–211.

16. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи : сб. ст. / отв. ред. В. Е. Гольдин. – Саратов : Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 88 – 99.
17. Swales, J. M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings / J. M. Swales. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1990. – 262 p.
18. Graetz, N. Teaching EFL Students to Extract Structural Information from Abstracts, Reading for Professional Purposes / N. Graetz. – Leuven : ACCO, 1985. – P. 2–23.
19. Salager-Meyer, F. Metaphors in Medical English Prose: A Comparative Study with French and Spanish / F. Salager-Meyer // English for Specific Purposes. – 1990. – Vol. 9, № 2. – P. 145–159.
20. Черкунова, М. В. Прагмалингвистические характеристики аннотаций научной и учебной литературы: на материале англоязычных изданий : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Черкунова Марина Владимировна. – Самара, 2007. – 19 с.
21. Хомутова, Т. Н. Макроструктура научной аннотации / Т. Н. Хомутова, О. М. Силкина // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/makrostruktura-nauchnoy-annotatsii/vi-ewer/> (дата обращения: 30.08.2025).
22. Райгородецкая, Ю. М. Особенности клише в официально-деловом стиле речи (на материале русского и английского языков) / Ю. М. Райгородецкая // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 9. – С. 162–164.
23. Долинин, К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К. А. Долинин // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж». – 1999. – Вып. 2. – С. 7–13.
24. Михалева, О. М. Дискурс как объект исследования / О. М. Михалева. – Иркутск, 2009. – URL: <http://www.rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/13> (дата обращения: 31.08.2025).

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

А – Patent US 10, 382, 933 B2. System and method for establishing an emergency call over a wireless lan network): №15 / 821, 491: filing date 22.11.2017: publ. date 13.08.2019 / A. Pawar ,S. Mishra; applicant: RELIANCE JIO INFOCOMM Ltd. – URL: <https://patents.google.com/patent/US20180146359A1> (date of access: 30.08.2025).

Б – Patent US 2020/0358878 A1. Method and system for routing user data traffic from an edge device to a network entity): №16 / 862,421: filing date 29.04.2020: publ. date 12.11.2020 / H. R. Bansal, A. Pawar, Mumbai; applicant: RELIANCE JIO INFOCOMM Ltd. – URL: <https://patents.google.com/patent/US20200358878A1/en?oq=US+2020%2f0358878+A1> (date of access: 30.08.2025).

В – Patent US 10,965,759 B2. System and method of Internet of things (IOT): № 16 / 560,356: filing date 04.09.2019: publ. date 30.03.2021/H. Anumala,

В. Mahaboob; applicant: RELIANCE JIO INFOCOMM Ltd. – URL: <https://patents.google.com/patent/US10965759B2/en?oq=US+10%2c965%2c759+B2+> (date of access: 30.08.2025).

Г – Patent US 2011/0075613 A1. Method and system for dynamic bandwidth allocation between networks: № 12/570,248: filing date 30.09.2009: publ. date 31.03.2011 / H.Yuan; applicant Intel Corp. – URL: <https://patents.google.com/patent/US20110075613A1/en?oq=US+2011%2f0075613+A1> (date of access: 30.08.2025).

Д – Patent US 8,180,030 B2. Telecommunication and multimedia management method and apparatus: №12/032,426: filing date 15.02.2008: publ. date 15.05.2012 / Thomas E. Katis, James T. Pantaja, Mary G. Pantaja, Matthew J. Ranney; applicant Voxer IP LLC. – URL: <https://patents.google.com/patent/US8180030B2/en?oq=US+8%2c180%2c030+B2> (date of access: 30.08.2025).

Е – Patent US 2021/0342058 A1. System and method for controlling errors in a system with a plurality of user - controlled devices using a network - controlled overlay: № 17 / 374,164: filing date 13.07.2021: publ. date 04.11.2021 / Nathan A. Smith, Jayabharath R. Goluguri, Ryan Wick, Tom Bollwitt; applicant RELIANCE JIO INFOCOMM USA, INC. – URL: <https://patents.google.com/patent/US20210342058A1/en?oq=US+2021%2f0342058+A1> (date of access: 30.08.2025).

Ж – Patent US 10,903,226 B2. Semiconductor device: № 16 / 844,064: filing date 09.04.2020: publ. date 26.01.2021 / Y. Shin, Y. Park, J. Lee; applicant SAMSUNG ELECTRONICS CO. – URL: <https://patents.google.com/patent/US10903226B2/en?oq=US+10%2c903%2c226+B2> (date of access: 30.08.2025).

З – Patent US 9, 960, 933 B2. Methods and systems for adaptive and context aware inter – internet of things (IOT) communication: №: 15 / 258, 798: filing date 07.09.2016: publ. date 01.05.2018 / S. Ghosh, S. Seetharaman; applicant Wipro Limited. – URL: <https://patents.google.com/patent/US9960933B2/en?oq=US9960933> (date of access: 30.08.2025).

И – Patent US 2022/0184803 A1. Robot control, training and collaboration in an immersive virtual reality environment: №:17 / 687,409: filing date 04.02.2022: publ. date 16.06.2022 / K. Guerin, G. D. Hager; applicant The Johns Hopkins University. – URL: <https://patents.google.com/patent/US20220184803A1/en?oq=US+2022%2f0184803+A1> (date of access: 30.08.2025).

Поступила в редакцию 28.09.2025

Бартош Наталья Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики и
грамматики французского языка
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Natallia Bartosh
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department of
French Phonetics and Grammar
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
belnata2011@gmail.com

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА НЕПРОИЗВОДНЫХ ПРЕДЛОГОВ ПРИЧИНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

FUNCTIONAL AND SEMANTIC PROPERTIES OF NON-DERIVED CAUSAL PREPOSITIONS IN FRENCH

В статье рассматриваются особенности функционирования непроизводных французских предлогов *de*, *par*, *pour*, *avec* в качестве маркеров причины. Показано, что данные предлоги позволяют дифференцировать различные типы причинных отношений, что, с одной стороны, мотивировано их исходной семантикой, с другой – определяется и конкретизируется лексическим наполнением и контекстным окружением предложной конструкции.

Ключевые слова: *причинность; непроизводные предлоги причины; предложная конструкция; внешняя и внутренняя причина; объективная и субъективная причина; французский язык.*

The article examines the characteristic features of the functioning of the non-derived French prepositions *de*, *par*, *pour*, *avec* as markers of causality. The analysis shows that these prepositions allow to differentiate between various types of causal relations. On the other hand, this property is motivated by their initial semantics, and on the one hand, it is determined and specified by the lexical content and contextual environment of the prepositional construction.

Key words: *causality; non-derived causal prepositions; prepositional construction; external vs internal cause; objective vs subjective cause; French.*

Категория причинности (каузальности) как универсальная понятийная и языковая категория неизменно продолжает оставаться в поле зрения современной лингвистики¹, что обусловлено ее фундаментальной ролью как в когнитивных процессах (установление взаимосвязей между явлениями и событиями, их объяснение и упорядочивание), так и в сфере коммуникации (выстраивание аргументации, структурирование дискурса).

¹Об этом свидетельствуют, в частности, примеры таких значимых научных событий последнего десятилетия, как международные конференции «La grammaire de la cause» 'Грамматика причинности' (Париж, 23–24.10.2015), «Причинные конструкции в языках мира (синхрония, диахрония, типология)» (Санкт-Петербург, 28–30.01.2021), а также международный научный проект «Causality Across Languages» 'Каузальность в разных языках' (2015–2023 гг., университет Буффало, США), в рамках которого проводились исследования способов кодирования причинно-следственных связей в 29 языках мира.

Причинные отношения, выражаемые языковыми средствами, охватывают широкий спектр значений. С одной стороны, как отмечает А. М. Аматов, каузальные конструкции могут использоваться для выражения «собственно причины» – явления объективной действительности, непосредственно приводящего к тому или иному изменению (следствию) и, таким образом, находящегося с ним в отношениях прямой онтологической обусловленности. С другой стороны, причинность может быть представлена как «обоснование, то есть основание для того или иного умозаключения» [1, с. 11–12]. В этом случае причинно-следственные связи устанавливаются и интерпретируются по логике и воле говорящего и носят объяснительный характер. Во французской лексической системе данная оппозиция отражается при помощи имен существительных *cause* ‘причина’ и *raison* ‘довод, основание’, между которыми функционирует целый ряд других имен, уточняющих различные смысловые оттенки каузальных значений, возникающих в реальной действительности: например, *origine* ‘первопричина, источник происхождения’; *mobile* ‘побудительная причина, толчок, импульс’; *prétexte* ‘предлог, т.е. формальный или фиктивный повод’; *motif* ‘мотив, психологическое основание’; *justification* ‘оправдание, обоснование’; *explication* ‘объяснение’; *argument* ‘аргумент; довод’ и др.

Многообразие причинно-следственных экстралингвистических ситуаций репрезентируется и на других языковых уровнях. Одним из наиболее продуктивных способов выражения причинности являются синтаксические конструкции с каузальными предлогами. Последние включают как первообразные (непроизводные) служебные единицы (во французском языке их четыре – *de* ‘от, из’, *par* ‘через, по’, *pour* ‘для, из-за’, *avec* ‘с’), не обладающие «врожденной» причинной семантикой и реализующие данное значение в определенных контекстах, так и производные образования, возникшие путем грамматикализации полнозначных частей речи и сохраняющие в этой связи «прозрачную» мотивацию причинного значения (*à cause de* ‘по причине’, *sous prétexte de* ‘под предлогом’, *vu* ‘ввиду’ и др.).

Объектом настоящего исследования являются непроизводные французские предлоги *de*, *par*, *pour* и *avec*. Цель статьи состоит в выявлении функциональных и семантических свойств данных предлогов в их каузальном употреблении. Материалом для исследования послужили 700 высказываний из художественных произведений второй половины XX в. – начала XXI в., представленных во французском корпусе Frantext, а также во франкоязычном подкорпусе Национального корпуса русского языка. Обращение к анализу непроизводных предлогов *de*, *par*, *pour* и *avec* в аспекте категории причинности обусловлено, в первую очередь, недостаточностью комплексных исследований, в которых бы все четыре предлога одновременно анализировались в данной функции. В силу своей многозначности и полифункциональности данные предлоги входят в число наиболее употреби-

тельных слов французского языка¹, в связи с чем четкое разграничение условий их использования для выражения конкретных семантико-синтаксических отношений (в том числе причинно-следственных) является важным как с теоретической, так и с прикладной точки зрения.

При проведении семантического анализа мы опирались на классификацию, разработанную О. Ю. Богуславской и И. Б. Левонтиной, в частности, разделение причин на внешние и внутренние, объективные и субъективные [3] с учетом следующих параметров: источника возникновения причины и характера связи между причиной и следствием.

Так, источник внешней причины находится вне субъекта, представляя собой обстоятельство, не зависящее от его воли или намерения. Внутренняя причина, напротив, зарождается «изнутри» субъекта каузируемой ситуации: это его «свойства, внутренние состояния, чувства, мысли» [3, с. 78]. Объективные причины отражают «объективную связь между явлениями действительности» [3, с. 79], существующую независимо от интерпретации ситуации субъектом, в то время как субъективные причины связываются с воздействием «на волю человека <...>, поведением людей, с их сознательными действиями» [3, с. 81], оценочным отношением. Таким образом, разграничения внутренняя / внешняя причина и объективная / субъективная причина, хотя и могут в ряде случаев пересекаться, представляют собой разные оси анализа: внутренняя причина не всегда является субъективной (например, боль как объективный физиологический факт), а внешняя причина (например, чье-то требование) может интерпретироваться субъективно.

Общим для анализируемых предлогов является семантическая размытость. Во французской лингвистической литературе такие предлоги часто характеризуют как абстрактные (*abstraites*), «тонкие», трудноразличимые (*ténues*), бесцветные (*incolores*), пустые (*vides*). В ходе их изучения П. Кадио отмечает, что чем более нечетким и обобщенным является значение предлога, тем более тесную связь (*connexité* ‘сцепление’) он образует со своим дополнением (ограничения в сочетаемости, употреблении детерминативов, возможности вставки других элементов) [4, р. 23]. Данное наблюдение в полной мере подтверждается на примере предлога *de*. Анализ показал, что предлог *de* реализует каузальное значение преимущественно в сочетании с абстрактными именами существительными с нулевым артиклем (*de* + $\emptyset N_{abstr.}$). Последние указывают преимущественно на *внутреннюю* физиологическую (*douleur* ‘боль’, *fatigue* ‘усталость’, *faim* ‘голод’ и т.п.) или психоэмоциональную (*rage* ‘ярость’, *joie* ‘радость’, *honte* ‘стыд’, *peur* ‘страх’ и т.п.) *объективную* причину, вызывающую спонтанное и неконтролируемое или слабо контролируемое действие или состояние субъекта. Ср.:

¹ В списке из почти 1 500 наиболее употребительных слов, составленном лексикологом Э. Брюне, предлог *de* занимает первое место, *pour*, *par* и *avec* находятся соответственно на 13-м, 17-м и 31-м местах, а в ряду 35 самых частотных предлогов они занимают 1-е, 5-е, 6-е и 8-е места [2].

(1) *Miguel gémit de douleur, s'accrocha au rebord de la table* (C. Férey). ‘Мигель застонал **от боли**, схватившись за край стола’.

(2) *Je rougis de plaisir. – Quoi d'autre? m'écriai-je, impatient* (J. Dicker). ‘Я покраснел **от удовольствия**. – Что еще? – воскликнул я в нетерпении’.

(3) *J'étais fou de rage. Je m'écriai: – Vous ne savez rien, Harry!* (J. Dicker). ‘Я был вне себя **от бешенства**, я воскликнул: – Ничего вы не знаете, Гарри!’

Семантической основой каузального значения предлога *de* выступает его базовое локативное значение ‘откуда-то’ (‘от из, изнутри’) [5]: идея движения метафорически переносится на внутреннее состояние субъекта, которое предстает в роли импульса, «исходной точки» для последующих действий или состояний. С грамматической точки зрения отсутствие артикля позволяет подчеркнуть тесную временную связь (сопряженность во времени) между ощущениями и переживаниями субъекта и его физиологическими (1, 2) или эмоциональными (3) реакциями, которые, как это было отмечено, проявляются мгновенно и практически неосознанно.

Среди анализируемых предложных конструкций обращают на себя внимание сочетания типа *griller / brûler d'impatience* ‘сгорать от нетерпения’, *crever / mourir de fatigue / de peur / de solitude* ‘подыхать / умирать от усталости / страха / одиночества’, *bouillir de rage* ‘кипеть от ярости’ и т.п. Ср.:

(4) *Il brûlait d'impatience à l'idée de voir sa fille redevenue vive et joyeuse comme avant* (J. L'Hôte). ‘Он **сгорал от нетерпения** при мысли снова увидеть свою дочь такой же живой и веселой, как прежде’.

Употребляясь в гиперболизированном значении, глаголы не обозначают следствие (реакцию субъекта) в прямом смысле, в связи с чем, как справедливо замечает Д. Лиман, возникает вопрос о соответствии таких конструкций причинно-следственным в «чистом» виде. Функция глагола в подобных употреблениях – интенсифицирующая. Его роль состоит в том, чтобы подчеркнуть чрезмерную степень проявления состояния, выражаемого именем существительным, что также подтверждается невозможностью самостоятельного использования «гиперболизированных» глаголов: при опущении обстоятельства теряется смысл высказывания [6, р. 81–85]. Ср.:

(4a) *Il brûlait d'impatience. → * Il brûlait.* Но: 1a) *Il gémit de douleur. → Il gémit.*

Отметим, что, поскольку животные, как и люди, обладают способностью испытывать психофизиологические состояния (боль, голод, страх, удовольствие, игривое состояние и т.п.), они также могут выступать в роли субъекта-подлежащего (5). А в высказываниях, передающих телесные реакции человека (6), особенно с глаголами в переносном значении (7), в роли подлежащего могут использоваться наименования частей тела (нередко как метонимическое обозначение человека в целом). Ср.:

(5) *Les chiens m'attendaient. Entre Bozo qui hurle de joie à la mort et Micmac qui fait des bonds de trois mètres... c'est la fête* (A. Gavalda).

(6) *Ses lèvres tremblaient de terreur* (G. Musso).

(7) *Les élèves se précipitent vers moi. Leurs yeux brillent de bonheur* (P. Picquet).

Анализ показал, что причина, выражаемая конструкцией *de* + $\emptyset N_{abstr.}$, может быть не только внутренней, но и внешней (воздействие окружающей среды). В этом случае в роли подлежащего (как субъекта следствия) могут также выступать неодушевленные имена существительные (9). Ср.:

(8) *J'étouffe de chaleur dans l'aéroport en attendant longtemps la livraison de mon bagage* (C. Millet).

(9) *Les platanes du boulevard sont gris de poussière, craquants de sécheresse* (A.-M. Garat).

В ряде случаев в каузальных конструкциях с предлогом *de* имя может быть детерминировано неопределенным или определенным артиклем. Как было выявлено, они служат для обозначения объективных причин медицинского характера или внезапных внешних воздействий. Использование неопределенного артикля позволяет представить причину как отдельный медицинский случай или происшествие, а не физиологическое состояние субъекта (10). При помощи определенного артикля подчеркивается обще-конвенциональный (типичный для называемых последствий) характер «медицинской» причины (11):

(10) *Ce monsieur n'est pas mort d'une crise cardiaque ou d'une embolie, comme on pouvait se l'imaginer, il est décédé d'un choc violent derrière la tête* (A.-M. Garat).

(11) *Il épousa une Française prénommée Augusta qui mourut du typhus à Berlin en 1917* (G.-A. Goldschmidt).

Предлог *par*, как и предлог *de*, при выражении каузальных отношений используется с абстрактными именами существительными с нулевым артиклем (*par* + $\emptyset N_{abstr.}$), указывающими на внутреннюю причину, относящуюся к личной сфере субъекта. Однако семантические группы данных имен не всегда совпадают, что иллюстрируется в представленной ниже таблице.

‘Собаки меня ждали. Находиться между Бозо, который **воет от безудержной радости**, и Микмак, который совершает трехметровые прыжки... сплошной праздник!'

‘Ее губы **дрожали от ужаса**’.

‘Ученики бросаются ко мне. Их глаза **сияют от счастья**’.

‘Я изнываю **от жары** в аэропорту, долго ожидая доставки багажа’.

‘Платаны вдоль бульваров серые от пыли и потрескавшиеся **от засухи**’.

‘Этот господин умер **не от сердечного приступа или эмболии**, как могли бы предположить; он умер **от сильного удара по затылку**’.

‘Он женился на француженке по имени Августа, которая **умерла от тифа** в Берлине в 1917 году’.

Семантические группы имен существительных
в каузальных предложных конструкциях *de + ØN_{abstr.}* и *par + ØN_{abstr.}*

Семантические группы	<i>de + ØN_{abstr.}</i>	<i>par + ØN_{abstr.}</i>
физиологические состояния	+	-
психоэмоциональные состояния	+	+
чтобы	+	+
отношения	-	+
личностные характеристики	-	+
особенности поведения	-	+

Семантической основой перехода предлога *par* к сфере выражения причинных связей послужило его первичное пространственно-инструментальное значение ('через, посредством, благодаря действию чего-либо') [5]. Как отмечается в словаре Larousse, особенностью предлога *par* является указание на побудительную причину, мотивацию действия («*le mobile d'une action*») [5]. Другими словами, причина, выражаемая конструкцией *par + ØN_{abstr.}*, имеет *субъективный* характер и выступает своего рода «мотивирующим инструментом» (стимулом) сознательно совершаемых субъектом действий. В этом ее отличие от конструкции *de + ØN_{abstr.}*, представляющей внутреннюю причину как источник непреднамеренной реакции субъекта. Ср.: *pâlir de jalouse* 'побледнеть от ревности / зависти' (объективная причина спонтанной реакции) и *tuer par jalouse* 'убить из ревности' (субъективная причина, мотив); *rougir de plaisir* 'краснеть от удовольствия' (объективная причина спонтанной реакции) и *cuisiner par plaisir* 'готовить из удовольствия' (субъективная причина, осознанная мотивация).

Как следствие, субъектом высказываний с каузальной конструкцией *par + ØN_{abstr.}* может быть только человек как разумное существо, способное к сознательной и волевой деятельности. Все это также обуславливает некоторые ограничения в сочетаемости с глаголами: они должны указывать на динамические процессы, результативные состояния, но не на врожденные свойства или естественные состояния [7, р. 77]. Например, бессмысленным будет сочетание, вроде **respirer par plaisir* 'дышать из удовольствия'.

В качестве иллюстрации использования конструкции *par* + $\emptyset N_{abstr.}$ приведем следующие примеры:

(12) *Le Cap mit en colère beaucoup, tandis que d'autres le défendaient par amitié et par snobisme* (M. Haret).

(13) *Il y a quelques jours je me suis presque donnée, par bravade, par dégoût, par tristesse, par ironie, par épuisement, par douleur* (C. Pozzi).

Отметим, что обстоятельство *par douleur* ‘от боли’ в примере (13) используется не в прямом физическом значении, а указывает на крайнюю степень эмоционального истощения, послужившего одним из мотивов действия.

В ходе анализа было также установлено, что при помощи конструкции *par* + $\emptyset N_{abstr.}$ может выражаться особая рациональная мотивация – осознанное решение, продиктованное не столько внутренними намерениями субъекта, сколько *внешними* моральными установками, ожиданиями со стороны окружения, общественными нормами (нередко с оттенком обязанности, социального давления), не всегда совпадающими с реальным отношением субъекта действия, например, *par devoir* ‘по долгу, обязательству’, *par tradition (coutume)* ‘по традиции (обычаю)’, *par politesse* ‘из вежливости’, *par obligation* ‘по обязательству’. Ср. высказывание (14), где совмещаются два мотива: личностный, не «навязанный», ориентированный на чувства (*par bonté naturelle*), и прескриптивный (*par devoir religieux*). Последний побуждает субъекта действовать осознанно в соответствии с религиозным кодексом, даже если его личная склонность могла быть иной:

(14) *Il agissait ainsi à la fois par bonté naturelle et par devoir religieux, pour se conformer à l'injonction et à l'exemple du prophète Mohammad lui-même* (A. H. Bâ).

Следует отметить особый характер подобных конструкций: причина хотя и не соотносится с прямой внутренней мотивацией субъекта, не может рассматриваться как полностью не зависящая от него (объективная), поскольку представляет собой осознанно принятое и усвоенное внешнее обязательство. На этот характер причины указывает и нулевая форма артикля: употребление иного способа детерминации имени представило бы ее как полностью «автономный инструмент», обладающий свойством «отделимости» от действия и от субъекта.

В сочетании с именами существительными, указывающими на различные поведенческие и интеллектуальные особенности, а также случайные ошибки, связанные с восприятием или недостаточным знанием или пониманием ситуации (*par inadvertence* ‘по недосмотру’, *par sottise* ‘по глупости’, *par naïveté* ‘по наивности’, *par ignorance* ‘по незнанию’, *par habitude* ‘по привычке’ и т.п.), конструкция *par* + $\emptyset N_{abstr.}$ указывает на непреднамеренную

‘Многих Кап возмутил, другие же защищали его из дружбы и снобизма’.

‘Несколько дней назад я почти сдалась из-за бравады, отвращения, грусти, иронии, бессилия, боли’.

‘Он делал это как из-за своей природной доброты, так и из религиозного долга, чтобы следовать предписанию и примеру самого Пророка Мухаммеда’.

(и тем самым *объективную*) *внутреннюю* причину, объясняющую отсутствие мотивации к действию и/или осознанного контроля над ситуацией, что может приводить к нежелательному следствию. Ср.:

(15) *Le vendeur ganté de cuir, enfoui dans sa vareuse, laissa tomber la pièce à terre par maladresse* ‘Продавец в кожаных перчатках, укутанный в свою куртку, **по неуклюжести** уронил монету’.

(A.-M. Garat).

(16) *J'ai été affreusement coupable, mais par ignorance. Véritablement, je ne croyais pas que cet aveu ferait souffrir cette femme* (C. Pozzi). ‘Я был ужасно виноват, но **по незнанию**. Честно говоря, я не думал, что такое признание причинит боль **этой женщине**’.

Причинное значение предлога *pour* также обусловлено рядом других его значений (цель, назначение, указание на бенефициара [5]), в первую очередь значением цели ввиду общности когнитивно-семантической функции каузальности и целеполагания. Обе категории затрагивают обоснование действия и в некоторых случаях оказываются в отношениях дополнительности друг к другу: то, что представляет собой причину события, может одновременно рассматриваться как его цель и наоборот [8, р. 393]. Например, целевое значение предлога *pour* в выражениях типа *épouser qqn pour l'argent* ‘жениться / выйти замуж ради денег’ (с целью получить доступ к богатству) может быть трансформировано в причинное, если сместить фокус с «намерения» на «мотив» действия – ‘жениться / выйти замуж из-за денег’ (по причине богатства супруга). При этом, если в русском языке отличия эксплицируются разными служебными словами, во французском языке для понимания истинного смысла высказывания требуется учет pragматического контекста.

Было выявлено, что каузальная конструкция *pour + dét. N* употребляется в основном при сказуемых, выражающих чувства, отношения, именования (называть «кем-то/чем-то» за), а также действия или реакции социально-оценочной направленности (благодарность, одобрение, порицание, наказание и т.п.). Именной компонент *dét. N* называет преимущественно *внешнюю* *субъективную* причину, обозначающую характеристики объекта чувства (отношения, именования) или его действия и поступки, повлекшие соответствующую оценочную реакцию говорящего. При описании подобных причинных отношений на материале русского языка Э.-О. Хааг использует формулировку «причина воздаяния за что-либо» (как в положительном, так и негативном отношении) [9, с. 54]. Ср.:

(17) *Je l'aime pour son absurdité* ‘Я люблю ее **за ее абсурдность**’.
(A. Makine).

(18) *Il la détestait pour sa jeunesse* ‘Он ненавидел ее **за ее молодость**’.
(A.-M. Garat).

(19) *Ses camarades l'appelaient «la gelée» pour sa placidité éminente* ‘Товарищи называли его «желе» **за его выдающееся спокойствие**’.
(A. Blondin).

(20) *Le maître l'avait puni pour un manque de politesse* (Y. Szczupak-Thomas).

‘Учитель наказал его **за проявление невежливости**’.

(21) *Nous l'avons tous félicitée pour sa bonne mine* (R. Gary).

‘Мы все ее поздравили с тем, что она так **хорошо выглядит**’.

Причина, связанная со свершившимся действием, может также выражаться инфинитивом в форме прошедшего времени:

(22) *Il aurait été torturé pour avoir refusé de livrer le secret de sa mitrailleuse à air comprimé* (É. Thomas).

‘По всей видимости, его пытали **за отказ** раскрыть секрет своего пневматического пулемета’.

Как видно из примеров выше (17–22), в высказываниях с предлогом *pour* причина и следствие соотносятся с различными участниками ситуации. Тем не менее причина может быть и *внутренней*, если реакция субъекта направлена на самого себя, например, *se détester pour sa procrastination* ‘ненавидеть себя за прокрастинацию’. Что касается сочетаемости предлога *pour*, каких-либо явных ограничений выявлено не было. При определенных контекстных условиях в роли причины (как мотива, обоснования) может выступать практически любое имя: *cp. aimer la ville pour ses habitants / ses parcs* ‘любить город за его жителей / его парки’, *se disputer pour un gâteau* ‘поссориться из-за пирожного’ и т.п.

Предлог *avec* имеет исходное обобщенное значение указания на совместное действие [5], которое проявляется и в его каузальной функции. Анализ показал, что причина, выражаемая конструкцией *avec + dét. N*, указывает на *объективный внешний* (23–25) или *внутренний* (26) фактор, сопровождающий действие и, как правило, препятствующий его осуществлению (26) или вызывающий нежелательное следствие (23–25):

23) *Avec la chaleur, l'odeur devenait insupportable* (M. Brunet).

‘Из-за жары запах становился невыносимым’.

24) *Avec ce brouillard, nous risquons de nous égarer, de prendre du retard* (C. Lovey).

‘Из-за этого тумана мы рискуем заблудиться и отстать.’

25) *La contagiosité risquait maintenant d'être plus grande, avec cette nouvelle forme de l'épidémie* (A. Camus).

‘С **этой новой формой эпидемии** (= из-за...) был риск более быстрого распространения заразы’.

26) *Comment entrer dans une jambe de pantalon, avec ce pied soufflé qui ne cambre plus...?* (A. Sarrazin).

‘Как попасть в штанину **с этой распухшей ногой**, которая больше не сгибается...?’

Внешняя причина, вводимая предлогом *avec*, может иметь и *субъективный* характер, выступая в роли основания некоторой эмоционально-оценочной реакции. Так, в следующих примерах причина (*avec + dét. N*)

(27) *Il commençait à m'énerver avec ses grands airs* (A. Guyard).

‘Он начинал меня раздражать **своими важными замашками**’.

(28) *Il nous faisait rire avec son accent...* (Y. Queffélec).

‘Он вызывал у нас смех **своим акцентом’...**

(29) *Avec ses grosses lèvres et son gros nez elle fait flipper* (S. Pattieu).

‘Со **своими большими губами и большим носом** она просто пугает’.

становится источником следствия – реакции говорящего (раздражение, смех, оценка внешности) исключительно через призму его субъективного восприятия.

В сочетании с именами существительными положительной семантики (обычно с общим значением ‘поддержка’) конструкция *avec + _{dét.} N* указывает на благоприятствующую внешнюю причину, содействующую осуществлению действия. В таких контекстах предлог *avec* выступает синонимом производного предлога *grâce à* ‘благодаря’. Ср.:

(30) *Avec l’assistance de Francis, Dumitru avait fait tout le travail* (C. Perrier).

‘При поддержке Франиса Думитру выполнил всю работу’.

Отметим, что для конструкции *avec + _{dét.} N*, как и в случае с предлогом *pour*, каких либо явных ограничений по выбору именного компонента выявлено не было.

Таким образом, несмотря на то, что каузальная функция не является первичной для французских первообразных предлогов *de, par, pour, avec*, их употребление в данной функции имеет регулярный и системный характер. Применение единого подхода в анализе указанных предлогов позволило уточнить некоторые нюансы их употребления, а также выявить и разграничить различные типы причинных связей и значений, выражаемых каждым из предлогов в соответствующих семантико-синтаксических контекстах.

Для предлогов *de* и *par*, семантически наиболее «размытых» в исследуемой группе, характерны строгие дистрибутивные ограничения (преимущественная сочетаемость с абстрактными существительными, детерминированными нулевым артиклем). В то же время для предлогов *pour* и *avec* существенных ограничений в сочетании с существительными выявлено не было.

Каузальные конструкции с предлогом *de* (‘от’) используются для выражения объективной внутренней (реже – внешней) причины (физиологическое или психоэмоциональное состояние субъекта, воздействие окружающей среды, происшествие), приводящей к неизбежному следствию. Предлог *par* (‘из; из-за; по’) указывает на внутреннюю или внешнюю мотивацию действия (субъективная внутренняя или внешняя причина), а также, в ряде случаев, на отсутствие мотивации, связанное с интеллектуальными, поведенческими особенностями субъекта, степенью его информированности о ситуации (объективная внутренняя причина).

Основное назначение каузальной конструкции с предлогом *pour* (‘за; из-за’) – выражение обоснования или мотива некоторого поступка, персо-

нального отношения или оценочной реакции в отношении внешнего источника (субъективная внешняя причина), но если источником отношения выступает сам субъект, причина носит внутренний характер.

Конструкции с предлогом *avec* ('с; из-за; при') представляют причину как объективный, преимущественно внешний, фактор, негативно влияющий на ход или результат совершающегося действия. При употреблении с именами существительными с общим значением 'помощь, поддержка' внешняя объективная причина имеет благоприятствующий характер (*avec* ≈ *grâce à* 'благодаря'). В сочетании с именами существительными, выражающими характеристики человека (портретные, поведенческие), конструкция *avec* + *dét. N* указывает на субъективную внешнюю причину, объясняющую эмоционально-оценочную реакцию говорящего в отношении носителя данных характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аматов, А. М. Причинно-следственные связи на разных уровнях языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Аматов Александр Михайлович. – М., 2005. – 36 с.
2. Liste de fréquence lexicale. – URL: <https://eduscol.education.fr/186/liste-de-frequence-lexical> (date of access: 05.04.2025).
3. Богуславская, О. Ю. Смыслы «причина» и «цель» в естественном языке / О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина // Вопросы языкознания. – 2004. – №2. – С. 68–88.
4. Cadiot, P. Les prépositions abstraites en français / P. Cadio. – Paris : Armand Colin / Masson, 1997. – 295 p.
5. Dictionnaire de français Larousse. – URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (date of access: 02.04.2025).
6. Leeman, D. Hurler de rage, rayonner de bonheur: remarques sur une construction en *de* / D. Leeman // Langue française. – Paris : Larousse, 1991. – № 91. – P. 80–101.
7. Hamma, B. L'expression de la «cause» à travers le prisme de la préposition *par* / B. Hamma // Linx. – 2006. – № 54. – P. 73–90. – URL: <https://journals.openedition.org/linx/505> (date of access: 11.03.2025).
8. Charaudeau, P. Grammaire du sens et de l'expression / P. Charaudeau. – Paris : Hachette, 1992. – 927 p.
9. Хааг, Э.-О. Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке: дис. ... д-ра филос. по рус. яз. / Хааг Эрика-Оксана. – Tartu : Tartu Univ. Press, 2004. – 165 с.

Поступила в редакцию 19.05.2025

Будникова Елена Игоревна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой лексикологии
и стилистики английского языка
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Alyona Budnikova

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department
of English Lexicology and Stylistics
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
geronimo1981@mail.ru

Чень Юй

аспирантка кафедры лексикологии
и стилистики английского языка
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Chen Yu

PhD Student of the Department
of English Lexicology and Stylistics
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
crcdd51@outlook.com

ТЕЛИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КАК КОМПОНЕНТЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

TELIC FEATURES AS COMPONENTS OF LEXICAL MEANING

В статье выявляются типы телических компонентов в структуре лексических значений, профилируемых в процессах деривации и зафиксированных в словарных дефинициях ряда наименований естественных родов и номинальных классов в английском языке. Устанавливаются закономерности реализации функционального типа знаний в семантике производных единиц.

Ключевые слова: *телические признаки; лексическое значение; деривация; словарная дефиниция.*

The article deals with the telic features in the semantics of English nominal kind and natural kind terms profiled in derivation processes and lexicographic definitions. The results show different types of telic features profiled, their dependence on various scenarios of interaction with the object denoted.

Ключевые слова: *telic features; lexical meaning; derivation; dictionary definition.*

Telic components in the semantics of lexical units, such as the function of the object named, its built-in purpose or the “purpose that an agent has in performing an act” [1, p. 427], have become a focal point due to the role they play in the formation of compound words and various contextual word combinations [2; 3, p. 47; 4, p. 78; 5]. Multiple research papers show that the telic information is specific not only to the so-called functional classes of nouns [6, p. 60], but also to some natural kind terms like animal and plant names [7; 8].

The division into natural and nominal kinds¹ which still stirs up philosophical debate dates back to the Middle Ages and from the point of view of linguistics presupposes the difference in naming strategies and, consequently, in the meaning structure: words created for the so-called “natural” kinds reflect “the structure of the natural world rather than the interests and actions of human beings”, whereas terms for the so-called “nominal” kinds “reflect human interests” [9]. For instance, the names of metals (e.g. *zinc*, *aluminum*), plants (e.g. *camomile*, *rose*), animals (e.g. *tiger*, *opossum*) and many other nominations of the universe do reflect the natural difference between these objects: they have different genetic makeup compared to the objects classified into another group. So, they are examples of natural kind terms.

However, in a closer look this does not seem so obvious. There are words which mean kinds of animals, plants and other natural objects and materials, yet the reason for grouping them into kinds was not natural, but driven by human interests: e.g. *poultry* “birds, such as chickens, that are bred for their eggs and meat” (i.e. birds that are used by humans); *lily* “any of various plants with a large, bell-shaped flower on a long stem” (i.e. flowers of different genera that look the same to humans). This brings suchlike names to the periphery of another category – that of nominal kind terms.

Nominal kinds are mostly constituted by objects created rather than discovered (e.g. *pencil*, *clock*, *car*, *pudding*), social phenomena (e.g. *crime*, *wedding*, *child abuse*), social roles (e.g. *pilot*, *bachelor*, *prince*), etc. Their common feature is the evident presence of the telic component in their meanings which is, broadly speaking, the aim of the existence or function / presupposed behavior of the object or phenomenon. For example, the telic features in artifact terms like *pencil*, *clock* will be ‘drawing’ and ‘showing time’; for the word *wedding* – it’s ‘marrying people (changing their marital status)’; for *bachelor* – ‘having no wife (of a certain social status)’. According to I. B. Shatunovsky, the meanings of nominal kind terms are closer to designating rather than denoting type [10, p. 38–39], which means they attribute a certain feature by the mere reference to the object.

The point that we would like to prove within the present article is that telic features in the meaning of artifact and natural kind terms are versatile revealing various possible scenarios of interaction of the denoted object with the human and society and function as cause-features triggering other semantic components.

Research material and methodology

To analyze telic features as components of lexical meanings of natural and nominal kind terms, we extracted dictionary definitions, various types of derivatives and collocations from the British National Corpus for the following

¹The question becomes even more complicated with the debate whether “kinds” exist or are merely conceptual entities (see B. Ellis (2001), M. Devitt (2008)). The topic, however, is not relevant for this paper.

words: *horse*, *cat*, *dog* (names of natural kinds with an obvious “human” component in their semantics), *owl*, *fish* (names of natural objects with relatively less visible “human influence”), *sand* (a natural kind term of substance used by man elsewhere), *drum*, *cup*, *knife* (names of artifacts), *teacher*, *friend* (names of social roles), *woman* (a natural kind term in people).

The methodology of the research presupposes the analysis of various dictionary definitions of the studied units in search for markers of functional or telic type of information: expressions *used as / for*; *kept as / for*; active verbs denoting social function or nouns stating the ascribed role rather than inborn characteristics, etc. The second stage of the research is the semantic analysis of the derived words and expressions including collocations and idiomatic expressions which are based on the metaphoric or metonymic shifts from the source meanings and have telic features profiled in these processes.

Results: lexicographic profile

The lexicographic profiles of the nouns under consideration revealed that telic information is present in the majority of definitions, excluding animal names *owl*, *fish*, and a person nomination *woman* (table 1).

Table 1

The types of telic features in lexicographic definitions of the nouns studied

Lexical items	Types of telic features	
<i>horse</i>	General telic features	attachment to human
	Specific telic features	pull things; be ridden on
<i>cat</i>	General telic features	attachment to human
	Specific telic features	catch rodents; be a pet
<i>dog</i>	General telic features	attachment to human
	Specific telic features	hunt animals; guard things; be a pet
<i>sand</i>	Specific telic features	used in mortar, glass, abrasives, etc.
<i>drum</i>	General telic features	produce sound
	Specific telic features	beaten with the hands or with some implement
<i>cup</i>	General telic features	container
	Specific telic features	for drinking water / liquids
<i>knife</i>	Specific telic features	cut, spread food with; be a weapon
<i>teacher</i>	Specific telic features	instruct others
<i>friend</i>	General telic features	attachment to another human
	Specific telic features	affection / esteem

Some of the definitions include both general and specific information about the function performed, e.g. domestic animal terms *horse*, *cat*, *dog* have the general telic feature ‘attachment to human’ (i.e. domestication) as well as more specific roles, such as catching rodents or being a pet for *cat*.

The distinction into general and specific telic information in artifact terms *drum* and *cup* is also preserved: the main function is accompanied by specific details. For example, in the definition of *drum* “a **percussion instrument** consisting of a hollow shell or cylinder with a drumhead stretched over one or both ends that **is beaten with the hands or with some implement (such as a stick or wire brush)**” (MD) the main function is ‘produce sound’ (percussion instrument) and the specific details – how exactly the sound is produced (is beaten with the hands or with some implement (such as a stick or wire brush)). The word *cup*, in its turn, has a general telic component ‘container’ in its definitions (cf. *cup* “an open usually bowl-shaped drinking **vessel**” (MD)) profiled by the classifier *vessel*, and a specific component of aim ‘for drinking’.

To some extent general and specific telic features may be observed in the lexicographic profile of the word *friend* because the main social role of ‘attachment to another human being’ is specified by referring to the kind of attachment – by positive feelings towards one another, e.g. *friend* “one attached to another by affection or esteem” (MD).

Results: derivational profile

As the results show, derivational and lexicographic profiles of the nouns under consideration do not always coincide (table 2).

Table 2

The telic features of the studied nouns profiled in derivation

Lexical items	Profiled telic features	Examples of derivatives, collocations, idioms
<i>horse</i>	pull things	<i>horse</i> “lifting tackle”; <i>to horse</i> “to move by brute force”
	be ridden on	<i>horse</i> “a frame or device, usually with four legs, used for supporting or holding”; <i>to horse</i> “to put or be put on horseback”
	be a commodity	<i>horse trade</i> “negotiation accompanied by shrewd bargaining and reciprocal concessions”
	be a bet in races	<i>trial horse</i> “one set up as an opponent for a champion in trial competitions or workouts”
<i>dog</i>	attachment to human	<i>love me, love my dog</i> “if you love someone, you must accept everything about them, even their faults”
	guard things	<i>watchdog</i> “one who serves as a guardian or protector against waste, loss, or illegal practices”; <i>keep a dog and bark oneself</i> “pay someone to work for you and then do the work yourself”
	hunt animals	<i>to dog</i> “to hunt, track, or follow (someone) like a hound”

<i>cat</i>	-	
<i>owl</i>	-	
<i>fish</i>	be a difficult catch	<i>to fish</i> “to seek something by roundabout means”; “to engage in a search by groping or feeling”
	be a food	<i>never fry a fish till it's caught; bigger fish to fry</i> “more important matters to deal with”; <i>a different kettle of fish</i>
<i>sand</i>	be a grinding material	<i>sandpaper</i> “a strong paper coated with sand for smoothing and polishing”; <i>to sand</i> “to smooth or dress by grinding or rubbing with an abrasive (such as sandpaper)”
<i>drum</i>	produce sound	<i>drum</i> “a thin membrane that closes externally the cavity of the middle ear and functions in the mechanical reception of sound waves and in their transmission to the site of sensory reception”
	produce intensive sound	<i>to drum</i> “to study intensely before an exam”; “to force (something) to be learned by (someone) by repeating it over and over again”
	produce sound to draw attention	<i>to drum</i> “to summon by or as if by beating a drum”; <i>to drum out</i> “to expel or dismiss in disgrace”
<i>cup</i>	container	<i>cup</i> “the hole (or metal container in the hole) on a golf green”; <i>to cup</i> “to place in or as if in a cup”
<i>knife</i>	be a weapon	<i>to knife</i> “to injure someone with a knife”
	cut, spread food with	<i>to knife</i> “to cut, mark, or spread with a knife”; <i>knifelike</i> “cutting or able to cut as if with a knife”
	cut precisely	<i>knifelike</i> “having or demonstrating ability to recognize or draw fine distinctions”
	cut painfully	<i>knifelike</i> “painful as if caused by a sharp instrument”
<i>teacher</i>	instruct others	<i>teacher</i> “a personified concept that teaches”; <i>experience is the best teacher</i>
<i>friend</i>	help	<i>miner's friend</i> “the Davy safety lamp”
	attachment to another human	<i>midwife's friend</i> “ineffective contraceptive pill”
<i>woman</i>	do housework	<i>woman</i> “a human female who does housework”; <i>the old woman is picking her geese</i> “it is snowing”
	help	<i>body woman</i> “a female personal assistant to a political candidate or politician”

Animal terms

Among the names of domestic animals, it's only in *horse* and *dog* that we see the correlation of telic features in lexicographic definitions and derivation, which allows making a conclusion about a greater role of telic information in the semantics of these terms compared to the term *cat*.

As for the types of telic features which coincide in definitions and derivation, they are mostly specific rather than general. For instance, for the word *horse* in examples (1), (2) it's the specific feature 'pull things' profiled, and in (3), (4) – the specific feature 'be ridden on':

- (1) *horse* “**lifting** tackle” (Multitran),
- (2) *to horse* “to **move** by brute force” (MD),
- (3) *to horse* “to put or be put **on** horseback” (FD),
- (4) *horse* “a frame or device, usually with four legs, used for **supporting** or holding” (FD) (be ridden on → be used as a support for something put on its top).

The context (2) illustrates simultaneous realization of the function ‘pull things’ and the manner in which the function is performed (brute force).

The only derivative profiling the general feature ‘attachment to human’ is the proverbial phrase *love me, love my dog* “if you love someone, you must accept everything about them, even their faults” (FD), based on the feature of close connection between the dog and its owner (human).

The derivation analysis revealed other specific telic features in the semantics of *horse* not fixed in the dictionaries: ‘be a commodity’ and ‘be a bet in races’. The derivative (5) is based on a common practice in the past to buy and sell horses, and the example (6) – on the practice of placing a bet on horses in horse races:

- (5) *horse trade* “negotiation accompanied by shrewd bargaining and reciprocal concessions” (MD),

- (6) *trial horse* “one set up as an opponent for a champion in trial competitions or workouts” (MD).

The animal terms *fish* and *owl* that lacked the profiled telic components in the lexicographic profiles, differ in their derivational activity. The term *fish* demonstrates high telic potential revealing the specific features related to the scenarios of their use: intricate catch (often with bare hands), methods of cooking (frying):

- (7) *to fish* “to seek something **by roundabout means**” (difficulty in catching),
- (8) *to fish* “to engage in a search **by groping or feeling**” (using hands, not eyes),
- (9) *bigger fish to fry* “more important matters to deal with”.

The name *owl*, on the contrary, lacks telic potential in both lexicographic and derivational profiles.

Material and artifact terms

The substance term *sand* shows correlation of telic features in its dictionary definitions and derivation: derivatives (10), (11) are based on the function of sand as a rusty covering for polishing or grinding:

- (10) *sandpaper* “a strong paper coated with sand **for smoothing and polishing**” (MD),

- (11) *to sand* “to smooth or dress by **grinding or rubbing with an abrasive** (such as sandpaper)” (MD).

The artifact terms *drum* and *knife* are very active in profiling telic features in derivation. As for the *knife*, it reveals both the features relevant for definitions (be a weapon; cut, spread food with) and new telic features, specifying the manner (12) and result (13) of the common scenario of its use:

(12) *knifelike* “having or demonstrating ability to recognize or draw **fine distinctions**” (MD),

(13) *knifelike* “**painful as if caused by** a sharp instrument” (MD).

As for *drum*, the derivation shows telic features both correlating with and resulting from the ones in its lexicographic profile. The additional features profiled are typologically the same as in *knife* – the manner (14), (15) and the result (16), (17) of the common scenario of its use:

(14) *to drum* “to study **intensely** before an exam” (MD),

(15) *to drum* “to force (something) to be learned by (someone) by repeating it **over and over again**” (MD),

(16) *to drum* “to **summon** by or as if by beating a drum” (FD),

(17) *to drum out* “to expel or dismiss **in disgrace**” (FD).

The result profiled in (16) is viewed as positive (to drum so as to summon people), whereas in (17) it is obviously negative (to drum so as to vocalize disgrace).

The artifact term *cup* as a base for derivation reveals correlation with the general telic feature ‘container’ profiled in its definitions: e.g. *cup* “the hole (or metal **container** in the hole) on a golf green”.

Names of people

It’s an interesting point that no matter how relational / nominal the meanings of the studied terms of people are (*woman* being the least relational), the derivational analysis shows their high potential in profiling telic information. The meaning of the word *teacher* as a base of derivation focuses on its specific telic feature ‘instruct others’: e.g. *teacher* “a personified concept that teaches” (FD); *experience is the best teacher* (proverb). The derivatives of *friend* are based both on general telic information – attachment to another human (18) and new specific telic features – help (19):

(18) *midwife’s friend* “ineffective contraceptive pill” (Multitran),

(19) *miner’s friend* “the Davy safety lamp” (FD).

The general feature ‘attachment to another human’ is realized in (18) with the help of possessive case with the correlating grammatical meaning.

The word *woman*, which does not have any functional features mentioned in its definitions, displays its telic potential in derivation revealing the commonly ascribed social roles of a housewife (20), (21) or a helper (22):

(20) *woman* “a human female who **does housework**” (FD),

(21) *the old woman is picking her geese* “it is snowing” (FD),

(22) *body woman* “a female personal **assistant** to a political candidate or politician” (MD).

The results of the study revealed that telic features are not uniform and represent not only the function attributed by the people to the object or phenomenon named, but may refer to other circumstances, such as **the manner** in which the function is performed – examples (2), (7), (8), (12), (14), (15) – or **the result / effect** produced by the use of the object – examples (13), (16), (17).

Telic features may be profiled at various levels of generalization. Specific features present a more detailed view on how and where the object is used, or on the actions supposed to be performed by the named agent. Derivatives may be formed on the basis of either **general** – examples (1), (2), (3), (18) – or **specific telic features** – examples (5), (6), (7), (8), (9), (12), (13) etc. In some cases, the derived units are formed on the basis of a feature triggered by any of them: e.g. the practice of riding horses results in the formation of a semantic derivative (4) which profiles any type of physical support, not only provided for the horse rider.

Telic features may be **classified into three groups**: 1) relating to the main function, 2) accompanying the main function, 3) relating to the by-function. The first group is constituted by the majority of the examples: e.g. hunting, guarding function for dogs; cutting and spreading function in *knife*; instructing people in *teacher* etc. The features accompanying the main function include various specific circumstances of the use: manner, result, evaluation. The features in the third group profile the function or the behavior of the object or phenomenon which is not specified by default: e.g. the function of a commodity or a betting bet in *horse*; the function of a helper in *woman*.

The profiling of telic features in derivation goes beyond the natural / nominal kind distinction making some **natural kind terms exhibit their telic potential**: e.g. *horse*, *dog*, *fish*, *sand*, *woman*. The limits of telic potential for animal names are the distance of an animal from the human's basic needs (cf. *cat*, *owl* with no telic potential in derivation). As for names of people representing natural kinds, there seems to be no limits in telic features being profiled in derivation, which is, however, to be proved on a wider material.

REFERENCES

1. *Pustejovsky, J. The Generative Lexicon / J. Pustejovsky // Computational Linguistics. – 1991. – Vol. 17, iss. 4. – P. 409–441.*
2. *Шток, Н. А. Когнитивные механизмы формирования новых сложных существительных в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Шток Нина Аркадьевна ; Рос. гос. ун-т им. И. Канта. – Калининград, 2008. – 210 л.*
3. *Croft, W. Cognitive linguistics / W. Croft, D. A. Cruse. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. – 356 p.*
4. *Cruse, D. A. Meaning in language. An introduction to semantics and pragmatics / D. A. Cruse. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2000. – 424 p.*
5. *Тур, В. В. Актуализация латентных признаков в семантике компонентов сочетаний «существительное + существительное» в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Тур Виталий Викторович ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2015. – 147 л.*

6. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
7. Гаврилова, О. Ю. Корреляция семантических и мотивировочных признаков лексических единиц как способов языковой репрезентации знаний (на материале наименований животных в современном английском языке) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Гаврилова Ольга Юрьевна ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2008. – 143 л.
8. Зозуля, О. Л. Семантика и структурная организация фитонимов в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Зозуля Оксана Леонтьевна ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2008. – 107 л.
9. Bird, A. Natural Kinds / A. Bird, E. Tobin // The Stanford Encyclopedia of Philosophy; ed.: Edward N. Zalta; Uri Nodelman. – 2025. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2024/entries/natural-kinds> (date of access: 11.05.2025).
10. Шатуновский, И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика) / И. Б. Шатуновский. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 400 с.

SOURCES OF MATERIAL

The British National Corpus. – URL: <https://www.english-corpora.org> (date of access: 15.04.2025).

MD – Merriam-Webster Dictionary. – URL: <http://www.merriam-webster.com> (date of access: 15.04.2025).

Multitran. – URL: <https://www.multitran.com> (date of access: 15.04.2025).

FD – The Free Dictionary. – URL: <https://www.thefreedictionary.com> (date of access: 15.04.2025).

Поступила в редакцию 03.06.2025

Городецкий Иван Вячеславович
аспирант кафедры фонетики и практики
английской речи
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Ivan Gorodetsky
PhD Student of the Department of Phonetics
and Practice of English Speech
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
gorodetsky22@yandex.by

**СТАТИЧЕСКИЙ ЛОКАТИВНЫЙ ДЕЙКСИС В БЕЛОРУССКОЙ,
АНГЛИЙСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ:
ОБЩЕЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ**

**STATIC LOCATIVE DEIXIS IN BELARUSIAN, ENGLISH
AND FRENCH PHRASEOLOGY:
UNIVERSAL AND CULTURE-SPECIFIC FEATURES**

В статье рассматриваются фразеологические репрезентанты статического локативного дейкса в белорусском, английском и французском языках. Анализируются их семантические, структурные и аксиологические характеристики, представляется фразеологическая модель статического локативного дейкса, описываются ее общие и национально-специфические черты в трех языках.

Ключевые слова: *пространство; дейксис; фразеология; статический локативный дейксис; локус.*

The article examines phraseological representatives of static locative deixis in Belarusian, English and French. Their semantic, structural and axiological characteristics are analyzed. The phraseological model of static locative deixis is presented, its common and national-specific features in three languages are considered.

К e y w o r d s: *space; deixis; phraseology; static locative deixis; locus.*

Пространство является одной из базовых категорий, формирующих восприятие окружающего мира. Согласно проведенным исследованиям отечественных и зарубежных лингвистов Е. С. Кубряковой, В. Г. Гака, Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольфа, Ж. В. Краснобаевой-Чёрной, Ю. В. Гринкевича, О. П. Пивоваровой, А. Н. Чугунековой, Е. С. Яковлевой, Г. В. Савчук, О. А. Артёмовой Е. Ю. Гуай, С. Levinson, J. Lyons, M. P. Fabian, G. Kleiber, M. Aurnague данная категория репрезентируется единицами всех языковых уровней. Однако именно во фразеологии фиксируются не только указание на местонахождение объекта в пространстве – локативный дейксис, но и его оценка носителями данного языка, что обуславливает актуальность исследования фразеологических пространственных маркеров неблизкородственных языков в сопоставительном и лингвокультурном аспектах.

Материалом исследования послужили 388 фразеологических единиц, содержащих указание на положение объектов в пространстве (124 белорусских, 71 английский и 193 французских фразеологизма), отобранных методом сплошной выборки из толковых и переводных словарей [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], а также иллюстративные контексты из художественных и публицистических произведений на сопоставляемых языках.

Корпус локативных фразеологизмов сопоставляемых языков конституируется двумя репрезентативными семантическими объединениями. Первая группа включает единицы с указанием близкого расстояния (103 фразеологизма: 28 белорусских, 23 английских и 52 французских) и удаленного местонахождения (55 фразеологизмов: 23 белорусских, 14 английских и 18 французских). Вторая группа содержит образные выражения с указанием на местонахождение объекта наблюдения без указания расстояния, в семантике которых зафиксирована положительная коннотация обозначаемой ими локации (31 фразеологизм: 13 белорусских, 3 английских, 15 французских единиц), отрицательная (71 фразеологизм: 45 белорусских, 14 английских и 12 французских единиц) и нейтральная оценка (128 фразеологизмов: 15 белорусских, 17 английских, 96 французских единиц).

Универсальной характеристикой фразеологической репрезентации местонахождения объекта с указанием расстояния до него в трех языках является его объективация с помощью соматического культурного кода, преимущественно – зрительным анализатором. Это обусловлено ведущей ролью визуального канала восприятия в процессе получения индивидуумом информации о мире по сравнению с другими сенсорными модальностями – слухом, обонянием, вкусом и осязанием: белорус. *твар у твар* ‘очень близко один к одному’ [2, с. 709] (*Васіль ад неспадзеўкі аж паходзеў: больш за ўсё не хацеў, баяўся сустрэцца з Грыбком, і на табе – твар у твар!* (Мележ) [2, с. 709]); англ. *before smb's face* – букв. ‘перед чьим-либо лицом – ‘близко’ [5, с. 256] (*Then a spirit passed before my face* ‘И над моим лицом прошёл некий дух’ [9]); франц. *face à face* ‘лицом к лицу’ [8, с. 610] (*Nous nous liâmes en outre par le melange d'une foule de souvenirs d'un milieu où je débutais, où elle était déjà célèbre, sans que les intrigues parisiennes nous eussent jamais mis face à face* (J. Cocteau) ‘Нас связывало также множество общих воспоминаний о среде, в которой я еще был новичком, а она – уже знаменитостью, но все же перипетии парижской жизни ни разу не столкнули нас лицом к лицу’ [8, с. 610]).

Наряду со зрительной модальностью, для белорусского и английского языков характерны фразеологические единицы, отражающие слуховое восприятие локализации объектов. Они обозначают нахождение объекта в зоне слышимости и, следовательно, возможности непосредственного речевого контакта: белорус. *над самым вухам* ‘в непосредственной близости от кого-либо’ [1, с. 225] (*Тут над вухам калі гаркне, аж ён лыжскі не данёс, у прыладу ўпяўшы вочы* (Крапіва) [1, с. 225]; англ. *within earshot* ‘в пределах

слышимости, поблизости' [5, с. 234] (*The train stopped at Kilburn park and the last passenger within earshot disembarked* 'Поезд остановился в парке Килберн, и последний пассажир, находившийся в **пределах слышимости**, сошёл с поезда' [10]). Для французской фразеологии подобные единицы не характерны, что указывает на относительно меньшую значимость слуховой модальности в категоризации пространства.

Наряду с соматическим культурным кодом, понятие пространственной близости реализуется компонентами-лексемами, обозначающими элементы антропогенного происхождения: *сцяна ў сцяну* 'близко' (Дзед Андрэй і дзед Халімон – *суседзі...* *Пражылі яны, можна сказаць, сцяна ў сцяну ўсё сваё жыццё*. *А кожнаму з іх цяпер па восем дзесяткаў адгрукала* (Ваданосаў) [2, с. 662]); *on one's doorstep* – букв. 'на пороге' – 'рядом, поблизости' [5, с. 223] (*Here are built a huge shopping and entertainment centers, incredible natural landscape, to the sea on the doorstep*. 'Здесь строятся торговые и развлекательные центры, невероятный природный ландшафт, до моря **рукой подать**' [9]); *aux portes de* 'у ворот' (*Nous sommes presque aux portes de la ville* 'Мы уже **на подступах** к городу').

Согласно С. А. Калининой, это не случайно, поскольку подобные выражения имеют глубинные культурные корни: изначально для человека окружающий ландшафт служил основным ориентиром в пространстве, формируя представления о близости и доступности. На первых этапах осмысления мира такими ориентиром выступали природные объекты – леса, поля, горы, реки и равнины. Позднее эту роль всё активнее стали выполнять элементы повседневной бытовой среды, воспринимаемой человеком как «своей» и близкой [11, с. 23].

Группа фразеологизмов с семантикой удаленности количественно менее репрезентативна по сравнению с группой маркеров близкого местонахождения в трех языках: 55 фразеологических единиц группы «далеко» (14,1 %) и 103 фразеологизма группы «близко» (26,5 %). Конституенты данного семантического объединения указывают на нахождение объекта за пределами сенсорного восприятия наблюдателя, тем самым подчеркивая его отчужденность, труднодоступность или пространственную изоляцию. При этом в каждом из трех языков прослеживается своя перцептивная доминанта, определяющая образное наполнение подобных выражений. В белорусском и французском языках удаленность преимущественно осмысливается через визуальную модальность: белорус. язык *за вачамі* 'далеко от дома, без присмотра' [1, с. 180] (*У пачатку кастрычніка збіраюся паехаць у Маскву, праведаць Міхаську, падвезці сяго-таго з харчоў*. *За вачамі, адзін. Усё гэта вельмі непакоіць мяне* (Колас) [1, с. 180]): франц. *à perte de vue* – букв. 'в потере зрения' – 'насколько глаз хватает, необозримо, бесконечно (далеко)' [8, с. 1185] (*Cette prairie est à couper le souffle, avec des fleurs sauvages en pleine floraison à perte de vue* 'Этот луг захватывает дух, цветущие полевые цветы простираются, **насколько хватает глаз**' [9]).

В английской и французской фразеосистемах удаленное местонахождение объекта образно связано со слуховой модальностью: англ. *out of earshot* ‘вне пределов слышимости’ [5, с. 234] (*She checked that the sentry was out of earshot, and told him what she had heard* (Hendry, Frances Mary) ‘Она убедилась, что часовой находится **вне пределов слышимости**, и рассказала ему о том, что услышала’ [10]); франц. *à perte d'ouïe* – букв. ‘в потере слуха’ – ‘на далёком расстоянии, вне слышимости’ [8, с. 1185] (*...les mugissements du bétail à perte d'ouïe dans l'Ontario* (Driss Chraïbi) ‘... мычание скота слышно издалека на огромном пространстве в Онтарио’ [12, р. 179]).

Значимой универсалией во фразеологической объективации удаленного местонахождения является использование религиозно мотивированной лексики. Образность подобных выражений исторически формировалась в рамках наивной картины мира, в которой высшие силы обитают за пределами привычного обжитого пространства носителей сопоставляемых языков: белорус. **богам забыты** ‘глухой, отдалённый (уголок, деревня и т.п.)’ [1, с. 432] (Тут ён [Антон] амаль не баяўся нікога: на гэтым **богам забытым** хутары наўрад ці хто мог быць старонні (Быкаў) [1, с. 432]). В английском языке это выражение *at the back of God-speed* – букв. ‘за пределами Божьего благословения’ – ‘на краю света, у чёрта на куличках’ [5, с. 56] (*If I don't leave you at the back of God-speed before long. I'll give you the mare...* (A. Trollope) ‘Если я не скоро уеду из этой **глуши**, то я отдаю вам кобылу...’ [5, с. 56]); франц. *au tonnerre de Dieu(x)* – букв. ‘в громе Божьем’ – ‘очень далеко, у черта на куличках’ [8, с. 1514] (*Je suis à Toul, tu comprends? Toul! Une ville moisie, au tonnerre de Dieux* (G. Duhamel) ‘Я в Туле, понимаешь? Туль! Захудалый город **у черта на куличках**’ [8, с. 1514]).

Универсальным в актуализации семантики удаленности во фразеологии трех языков является использование лексем, обозначающих предел или крайнюю точку пространства, находящуюся за границами зрительного и аудиального восприятия человека и недоступную для наблюдения: белорус. **на краі свету (зямлі)** ‘где-нибудь очень далеко’ [1, с. 597] (*I зразумеў, што прызначыў бы ёй сустрэчу хоць на краі свету* (Караткевич) [1, с. 597]); англ. *at the ends of the earth* – букв. ‘на концах Земли’ – ‘на краю света’ [5, с. 241]: *Gregory nodded, and Frona said, "I am sure you met at the ends of the earth somewhere"* ‘Грегори кивнул головой. – Я уверена, что вы встречались где-нибудь **на краю света**, – сказала Фроня’ (J. London. *A Daughter of the Snows*) [10]; франц. *au bout de l'univers* – букв. ‘в конце Вселенной’ – ‘на краю света’ [8, с. 207] (*Dire que je t'aurais suivi au bout de l'univers* ‘А я хотела идти за тобой **на край света**’ [9]).

Белорусская национально-культурная специфика фразеологической презентации удаленной локализации объектов проявляется образной связью единиц данной группы

1) с народной мифологией, глубоко укорененной в народном сознании. Одним из наиболее ярких источников образности здесь выступает образ черта – злого духа, традиционно олицетворяющего в белорусском фольклоре

разрушительные силы и вредоносное начало [13, с. 765]: *у чорта на рагах* ‘очень далеко, в отдалённых или глухих местах’ [2, с. 907] (*Старыя гаспадары з’ехалі, альбо памерлі, а новых не знаходзілася. Пакупнікі не спяшаліся выкласці гроши за куток вясковасці ў чорта на рагах* (Д. Кудрэц. Вясковыя гісторыі. Дваццаць год апасля); *у чорта ў зубах* ‘очень далеко, в отдалённых местах’ [2, с. 907] (*Шахты – нічога, можна жыць, каб толькі яны не за светам, не ў чорта ў зубах, бо пакуль дабярэшся туды, – нацерпішся ўсякага ліха* (Ракітны) [2, с. 907]); *у чорта на кулічках* ‘очень далеко, в отдалённых местах’ [2, с. 906] (– *Не суй носа ў чужое проса. – Прауда вочы коле... Што там, у чорта на кулічках, мёдам намазана?* (П. Місько) [14]);

2) с эндемичными антропонимами. Так, имя *Макар* в славянской ономастике традиционно ассоциируется с бедняком, несчастным и безземельным крестьянином, вынужденным пасти чужой скот на самых глухих и заброшенных пастбищах [15, с. 411], что послужило образной основой фразеологических единиц, указывающих на значительное расстояние до локализуемого объекта: *куды Макар цялят не ганяў* ‘очень далеко, в очень удалённом или труднодоступном месте’ [2, с. 12]; (*Слухай, мілы чалавек, я пачаў ускіпаць, мне хочацца паслаць цябе туды, куды Макар цялят не ганяў!* (Якавенка) [2, с. 12]); *дзе Макар козы пасе* ‘очень далеко’ [2, с. 11] (*Спусцілі і шкуру [пад лёд], разрэзаўшы на два кавалкі, – павёў на жом Падбярэцкі ад шыі да хваста... Знясе вада ў падводкі, дзе Макар козы пасе...* (Пташнікаў) [2, с. 11]).

Наряду с двумя семантическими объединениями, маркирующими близкую и удаленную точку локализации, в сопоставляемых фразеологических корпусах наличествует группа единиц, указывающих на местонахождение объекта без указания расстояния до него, но обладающих ярко выраженной аксиологической направленностью с оценкой локуса по шкале «хорошо» (родное, известное выгодное место) и «плохо» (чужое, неизвестное, невыгодное место).

Указание на хороший локус в белорусской и французской фразеологии реализуется использованием религиозных лексем – компонентов с положительной коннотацией: *Бог* – высшее сверхъестественное существо, создатель и управитель вселенной, объект поклонения, обеспечивающий защиту, гармонию и высшую справедливость, *рай* – место, где души умерших праведников ведут блаженное существование, *Авраам* – ветхозаветный патриарх, родоначальник многих народов. Например, *бог начуе дзе* ‘где очень хорошо, всё в порядке, удачно’ [1, с. 115] (*Вялікім дабром стала гарантаваная аплата. Але ўсё роўна сяло, зямля не прываблівае, уцякаюць людзі, хоць у Беларусі яшчэ кажуць, бог начуе* (І. Шамякін) [1, с. 115]); *зямны рай* ‘необычайно красивое место, где можно счастливо и беззаботно жить’ [2, с. 307] (*Пасля безупынных даджоў жыццё ў цёплых хатах здаваліся зямнымі раем* (Жураўскі) [2, с. 307]); франц. *en haut* – букв. ‘вверху’ – ‘в раю, в царстве небесном; наверху, в высших сферах’ [8, с. 797] (*Cet amas des*

iniquités et des douleurs, tout ce qui se passait en bas dans la misère et dans le crime, tout ce qui se passait en haut dans la richesse et dans le vice (E. Zola) ‘Вот это нагромождение зла и страданий, все то, что происходит внизу, в нищете и преступлениях, все то, что происходит **вверху**, в богатстве и пороке’ [8, с. 797]); *dans le sein d’Abraham* ‘в лоне Авраамовом, в раю’ [8, с. 1404] (*Et il advint que le mendiant mourut et fut emporté par les anges pour reposer dans le sein d’Abraham* ‘И случилось так, что нищий умер и отнесен был ангелами для упокоя к Аврааму’ [9]).

Наряду с религиозным культурным кодом, положительная оценка пространства в сопоставляемых фразеологизмах формируется их образной связью со статусом, безопасностью, удобством и комфортом. Например, белорус. *месца пад сонцам* ‘устойчивое, высокое положение в обществе’ [2, с. 41] (Бачыш, сабраліся і з Заходняй, і з Усходняй, тыя, хто з палякамі быў і хто з бальшавкамі. І ўсе патрабуюць **месца пад сонцам**) (Б. Сачанка) [2, с. 41–42]) и *ціхая завадэь* ‘спокойное, безопасное место’ [1, с. 432] (А яна думала, што пасля Пецярбурга трапіць у **ціхую завадэь** (Арабей) [1, с. 432]); англ. *under the sun* букв. под солнцем – ‘в этом мире, на земле, на свете’ [5, с. 737] (*She was calling herself all the names under the sun, but it made no difference* (Heywood) ‘Она называла себя всеми именами, какие только есть **на свете**, но это не имело никакого значения’ [10]). Положительная коннотация локуса в английском языке реализуется его выгодой и удобством для говорящего: *coign of vantage* – букв. ‘угол преимущества’ – ‘выгодная позиция, удобный наблюдательный пункт’ [5, с. 159] (*The treehouse served as a coign of vantage for the kids during their games* ‘Дом на дереве служил детям **удобным местом** во время игр’ [9]). Во французском языке положительная оценка местоанахождения формируется использованием пищевой метафоры в лексемах-компонентах, обозначающих продукты, являющиеся символом достатка: *assiette au beurre* – букв. ‘тарелка с маслом’ – ‘выгодное, доходное место’ [8, с. 82] (... *la nouvelle génération a flairé le vent. Elle sent, au fond, que c'est fini, qu'elle ne gardera pas indéfiniment l'assiette au beurre* (R. Martin du Gard) ‘... Молодое поколение чувствует, что времена изменились. Оно понимает, что это конец и ему не удастся сохранить **тёпленькое местечко**’ [9]).

Общим во фразеологической репрезентации положительной коннотации локуса в трех фразеосистемах является ее образная связь с частями дома – архитектурного сооружения, предназначенного для жилья и имеющего стены, углы, дверь и крышу: белорус. *родны кут* ‘родина, родные места, место рождения’ [3, с. 285] (Значыць, у тую завейную ногя ягоняя ногі вялі... *Самі вялі, каб у родны кут*. Але чаму так? (Быкаў) [13]); англ. *within doors* – букв. ‘в пределах дверей’ – ‘в доме, в помещении’ [5, с. 223] (*We have stayed too long within doors* (F. Morgan) ‘Мы слишком долго оставались **внутри дома**’ [10]); франц. *dans ses murs* – букв. ‘в своих стенах’ – ‘у себя дома’ [8, с. 1048] (*Le Policier est de retour dans ses murs* ‘Теперь труппа вернулась **в родные стены**’ [9]).

Во французской фразеологии положительная оценка «родного места» обусловлена такими ключевыми культурными ценностями, как братство – *chez nous* – букв. ‘у нас’ – ‘в нашем kraю, в наших краях, у нас’ [8, с. 302] (*La soirée jeux chez nous était un pur délice et pleine de rires* ‘Вечер игр у нас дома был очень увлекательным и полным смеха’ [9]) и свобода – *en pleine air* – букв. ‘на открытом воздухе’ – ‘на свободе’ [8, с. 33] (*Jusqu’ici, tu étais fixée à un fort pilier: tu n’as pu jurer de ton caractère; te voilà en plein air; agis d’après toi* (Stendhal) ‘До сих пор у тебя была надежная опора, и ты не могла судить о своем характере. Теперь же ты **свободна** и должна действовать на свой страх и риск’ [8, с. 33]).

Группа единиц с отрицательной коннотацией указания на местонахождение объекта (7,9 %) характеризуется количественным преобладанием над семантическим объединением единиц с положительной оценкой его локализации (18,3 %).

Универсальной характеристикой в трех языках является объективация отрицательной коннотации указания на местонахождение объекта

1) зооморфной метафорой. Например, в белорусском языке используется фразеологизм *собакам сена касіць* ‘находиться неизвестно где, прячась от семьи’ [1, с. 564], основанный на алогичности ситуации, приписывающей собакам несвойственное им занятие (– *А дзе ж твой?* – *Ай, маўчы ты. Сабакам сена косіць*. *Развяліся, Тамарачка* (Сіпакоў) [1, с. 154]). В английской и французской фразеологии используется образ льва: англ. *lion’s den* – букв. ‘логово льва’ – ‘опасное или неприятное место, сложная ситуация или испытание’ [9] (*Reyes is dragging us into the lion’s den* ‘Рейес тащит нас в **львиное логово**’ [9]); франц. *antre / caverne du lion* – букв. ‘логово / пещера льва’ – ‘логово зверя; опасное место’ [8, с. 63] (*Le palais de justice est l’antre du Lion: on sait comment les fortunes y entrent, mais on ignore comment elles en sortiront* ‘Дворец правосудия – это **логово зверя**, все знают, какими входят туда люди, рискуя всем, но никто не знает, какими они оттуда выходят’ [8, с. 63];

2) античной мифологией: белорус. *аўгіевы стайні (канюшні)* ‘очень грязное, запущенное помещение’ [2, с. 620] (Чаго туды лезці... Там рамонт ідзе, **аўгіевы канюшні...** («Маладосць») [2, с. 620]); англ. *the Augean Stables* – букв. ‘Авгиеевы конюшни’ – ‘место или ситуация, в которых наблюдается плохое или нечестное поведение’ [7] (*A campaigning U.S. attorney decided that Wall Street was an Augean Stables that he was destined to muck out* ‘Один из ведущих предвыборную кампанию прокуроров США решил, что Уолл-стрит – это **Авгиеевы конюшни**, которые ему суждено вычистить’ [7]); франц. *les écuries d’Augias* (*C’est les écuries d’Augias!* ‘Это еще те **Авгиеевы конюшни**’ [9]).

Белорусской спецификой актуализации неизвестного и чужого локуса выступает его образная связь с народной мифологией – богатым пластом народных верований, преданий и легенд, обусловленным природой и бытом белорусского лингвосообщества. Так, для обозначения неблагоприятного или

плохого места используются мифологические образы, связанные с болезнями (*халера носіць* ‘скитаться где-нибудь’ [2, с. 825]: *Збан зірнуў ... на гадзіннік. Роўна восем. – Дзе ж іх халера носіць?* (Шашкоў) [2, с. 825]); растениями, символизирующими смерть или нечистую силу (*чамярыца яго ведае* ‘неизвестно где’ [2, с. 884]: *І чамярыца яго ведае, як гэта неяк хітра на свеце ўстроена!* (Я. Купала. Тутэйшыя); природными стихиями (*агонь яго ведае* дзе ‘неизвестно где’ [1, с. 52]: *От і клаў жса, здаецца, у кішэню за пазуху, а дзе яна магла дзецца, дык агні яе ведаюць* (Чорны) [1, с. 52]; *вятраты яго ведаюць* дзе ‘неизвестно где’ [1, с. 274] :– *А дзе ж сын быў, ці ён не бачыў? – Вятраты яго знаюць, мо адлучыўся з дому* (Адамчык) [1, с. 274]).

Таким образом, фразеологическая модель статического локативного дейктика в трех языках организуется двумя семантическими оппозициями: «близко – далеко» с учетом расстояния до локализуемого объекта, реализуемой соматическим культурным кодом, и «хорошее – плохое», неизвестное, опасное, неблагоприятное место, связанное с зооморфной метафорой и античной мифологией. Национальная специфика фразеологической объективации локуса заключается в образной связи единиц с фольклорно-мифологическими сущностями в белорусском языке; преобладании аудиальной модальности в оценке расстояния до местонахождения объекта и его относительной аксиологической нейтральности в английской лингвокультуре; обусловленности указания на местоположение объекта общенациональными ценностями во французском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы* : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2008. – Т. 1 : А – Л. – 669 с.
2. *Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы* : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2008. – Т. 2 : М – Я. – 968 с.
3. *Аксамітаў, А. С. Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа: звыш 6000 слоўн.* арт. / пад рэд. А. С. Аксамітава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 655 с.
4. *Санько, З. Малы расейска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько.* – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 224 с.
5. *Кунін, А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин.* – 4-е изд. перераб. и доп.– М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.
6. *Longman Dictionary of Contemporary English.* – URL: <https://www.ldoceonline.com> (date of access: 03.08.2025).
7. *Cambridge Dictionary | English Dictionary, Translations...* – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 04.08.2025).
8. *Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак [и др.].* – М. : Рус. яз. – Медиа, 2005. – 1625 с.
9. *Reverso Context.* – URL: <https://www.context.reverso.net> (date of access: 04.08.2025).

10. The British National Corpus. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (date of access: 04.08.2025).
11. Калинина, С. А. Топонимические фразеологизмы современного английского языка как знаки материальной и духовной культуры / С. А. Калинина // Вестник Кемеров. гос. ун-та. – 2020. – № 4 (84). – С. 23-29.
12. Tolliver, J.-F. The Quebec Connection: A Poetics of Solidarity in Global Francophone Literatures (New World Studies) / J.-F. Tolliver. – University of Virginia Press, 2020. – 294 p.
13. Kalita, I. ‘Черт’ в семиосфере фразеологии (компаративный ракурс: чешский vs. беларусский языки) / I. Kalita // Idil Sanat ve Dil Dergisi. – 2016. – Cilt 5, Sayı 22, Vol. 5, Issue 22. – P. 749–774.
14. Лепешаў, І. Я. У фразеалагічную скарбонку / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 2004. – 132 с.
15. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М. : Астрель; АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
16. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 06.08.2025).
17. Легенды і паданні / М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі, В. К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 544 с.

Поступила в редакцию 12.09.2025

ПРОБЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811'33:[004.85+004.032.26](045)

Бусел Татьяна Викторовна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иноязычного
речевого общения
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Tatyana Busel

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Foreign Language Communication
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
tatsiana-busel@yandex.ru

БОЛЬШИЕ ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ: РЕНЕССАНС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

LARGE LANGUAGE MODELS: ARTIFICIAL INTELLIGENCE RENAISSANCE

В последние годы наблюдается стремительное развитие технологий искусственного интеллекта, в частности, больших языковых моделей. Их потенциал для решения сложных задач в сфере науки, образования и других областях, представляющих общественный интерес, требует тщательного изучения. Статья направлена на всесторонний анализ современного опыта применения больших языковых моделей в области автоматической обработки естественного языка, оценку их перспектив и потенциальных преимуществ. Рассмотрены ключевые технологии и методы, такие как нейронные сети, трансформеры и обучение на больших данных. Особое внимание уделяется перспективам создания большой языковой модели в Республике Беларусь для продвижения белорусского языка в цифровом пространстве.

Ключевые слова: *искусственный интеллект; большая языковая модель; обработка естественного языка; нейронная сеть.*

In recent years, there has been a rapid development of artificial intelligence technologies, in particular Large Language Models (LLMs). LLMs potential for solving complex problems in science, education and other areas of public interest requires careful study. The article aims to conduct a comprehensive analysis of the current experience of using LLMs in the field of natural language processing, assess their prospects and potential advantages. Key technologies and methods, such as neural networks, transformers and big data learning, are considered. Special attention is given to the prospects for creating a LLM in the Republic of Belarus to promote the Belarusian language in the digital space.

Key words: *artificial intelligence; large language model; natural language processing; neural network.*

Искусственный интеллект (ИИ) – это область науки, которая стремительно развивается и постоянно ставит новые задачи и вызовы перед человечеством. Британский ученый А. Тьюринг был одним из первых,

кто задумался о возможности создания ИИ и разработал теоретическую и философскую концепцию этой идеи. Ученые полагают, что «ИИ обладает огромным потенциалом для достижения благих целей: от открытия новых областей научных исследований до улучшения качества образования. Если будут реализованы все возможности, открывающиеся благодаря использованию инструментов ИИ в сфере науки, образования и других областях, представляющих общественный интерес, это может сыграть важную роль в развитии общества, а также изменить его к лучшему» [1].

ИИ – это технология не только настоящего, но и будущего, по сути, это наделение компьютеров человеческими способностями, важнейшей из которых является владение языком. Язык – это память человечества, хранящая его знания, культуру и историю. Поэтому не удивительно, что построение ИИ-моделей, описывающих функционирование человеческого языка и его связи с мышлением, а также позволяющих создавать универсальные интеллектуальные системы, обладающие знаниями и способные принимать решения, находится в фокусе современных научных исследований.

Ренессансом ИИ, по мнению ученых, стало появление мультимодальных больших языковых моделей (англ. Multimodal Large Language Models, MLLMs). Так же, как исторический период Ренессанса ознаменовал начало новой эры науки, искусства и культуры, «современный Ренессанс ИИ означает появление технологий, таких как GPT (Generative Pre-trained Transformer) и DeepSeek, которые играют ключевую роль в развитии современного общества, меняя привычные способы жизни, работы и общения»[2].

Создание больших языковых моделей стало возможным благодаря применению инструментов на базе ИИ, таких как самообучающиеся нейронные сети, разработкой которых занимаются ведущие научные центры и университеты мира: Пекинская академия искусственного интеллекта, Кембриджский и Оксфордский университеты, на базе которых был создан Центр по изучению искусственного интеллекта и будущего человечества, Институт перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем МГУ имени М. В. Ломоносова, Стэнфордский университет и Объединенный институт проблем информатики НАН Беларуси. Последние несколько лет компании, являющиеся мировыми лидерами в области информационных технологий, OpenAI, Facebook AI Research Lab, Google и Microsoft внедряют методы машинного обучения и технологии на основе нейронных сетей для улучшения качества систем, позволяющих осуществлять автоматическую обработку естественного языка (англ. Natural Language Processing, NLP).

Одним из ключевых достижений в области NLP стало создание трансформеров (англ. transformers) – это особый класс нейронных сетей, которые играют ключевую роль в сфере машинного перевода. Как правило, система сначала кодирует исходное предложение в абстрактный набор чисел,

а потом декодирует из чисел слова, но уже на другом языке. Главная их особенность – это способность одновременно анализировать все части предложения, что значительно ускоряет процесс обработки и улучшает понимание контекста.

ИИ-модели с архитектурой последнего поколения, как правило, оснащены «механизмом внимания» (англ. *attention mechanism*), который «при определении следующего слова в последовательности как бы фокусируется на одном или нескольких словах исходного предложения, складывая эту информацию с закодированным полным контекстом» [3, р. 135]. Контроль внимания в ходе перевода – это сложный многоуровневый процесс, который в работе ИИ и в деятельности переводчика реализуется совершенно по-разному. Если внимание ИИ – это «встроенные алгоритмы, призванные передать информацию через систему кодирования и декодирования за счет многоуровневых математических функций, то внимание переводчика – это способность концентрироваться на разных задачах, как лингвистических, так и внелингвистических, одновременно и успешно их выполнять» [4, с. 21].

Первые модели ИИ создавались под конкретные языки, однако в настоящее время одним из основных требований к подобному программному обеспечению является мультиязычность. По данным, опубликованным в научном журнале *New Scientist* [5], большая языковая модель, получившая название *No Language Left Behind* (NLLB), может осуществлять перевод с 204 языков, включая редкие языки, такие как ачехский, фриульский, урду, а также языки коренных народов Африки и Австралии. Несмотря на свое название, модель NLLB охватывает лишь незначительную часть из почти 7000 языков, существующих во всем мире. Модель NLLB по уровню качества перевода «в среднем на 44 % превосходит ранее предлагаемые исследовательские системы на основе машинного обучения при использовании метрик BLEU, сравнивающих машинный перевод с эталонным человеческим переводом» [5].

Развитие технологий ИИ способствует появлению многоязычных моделей, которые позволяют распознавать и синхронно переводить человеческую речь, а также выполнять аудиовизуальное дублирование и языковую локализацию. На основе NLLB была создана языковая модель *SeamlessM4T* [6], которая способна клонировать оригинальный голос с сохранением стиля, акцента и интонаций на 100 языков. Модель также позволяет выполнять синхронный перевод и поддерживает редкие языки, в том числе и наречие хоккиен (тайваньский язык), не имеющее собственной письменности. По данным, опубликованным в научном журнале *Nature*, благодаря «объединению нескольких задач перевода в единую многогранную модель технология оптимизирует процесс перевода и значительно повышает эффективность» [7].

Одним из ключевых факторов, который делает большие языковые модели уникальными, оказывается их способность обучаться. Модели NLLB и *SeamlessM4T*, как правило, обучаются на огромных объемах разнообразных

текстовых данных, таких как корпусы текстов, книги, статьи, веб-страницы и т. д. В процессе обучения модель «учится понимать» языковые закономерности, структуру предложений и контекст. Обучение больших языковых моделей – это сложный и ресурсоемкий процесс, требующий комбинации передовых алгоритмов машинного обучения и больших объемов данных.

Большие языковые модели, как правило, используют трансферное обучение, это означает, что они могут применять полученные знания из одной задачи, чтобы обучиться выполнению другой задачи. Например, модель NLLB, обученная переводить с английского на испанский язык, может использовать полученные знания для перевода с английского на немецкий язык.

По мнению ученых, «традиционное обучение ИИ на данных, созданных человеком, достигло предела эффективности, поэтому ИИ должен учиться, адаптироваться и открывать новые знания посредством опыта» [7]. Исследование Д. Сильвера и Р. Саттона заложило теоретическую и практическую основу для «создания ИИ, способного самообучаться и действовать автономно, взаимодействуя с внешними приложениями и ресурсами» [7]. Эксперты полагают, что это не просто новый подход к обучению ИИ, это фундаментальное изменение того, как люди будут взаимодействовать с технологиями.

Обобщая исследования и разработки в сфере ИИ [1; 3; 8], можно выделить следующие наиболее перспективные задачи, которые могут быть решены с помощью больших языковых моделей:

- обработка естественного языка, поиск и извлечение информации из текстов;
- распознавание и синтез речи;
- автоматический перевод;
- анализ тональности текстов;
- исследование и сохранение языков, включая редкие и исчезающие языки (большие языковые модели способны генерировать тексты и переводы на различных языках, что помогает документировать и изучать культурное наследие);
- создание различных приложений, связанных с языком, таких как диалоговые системы, виртуальные помощники, системы машинного перевода и т.д.

В сфере образования большие языковые модели и специальные программы, созданные на их основе, такие как, например, Duolingo Max на базе GPT-4, становятся незаменимыми помощниками как для преподавателей, так и для студентов. Они способны предлагать индивидуальные учебные программы и онлайн-курсы, накапливать актуальную информацию и предоставлять доступ к обширным знаниям, тем самым повышая эффективность процесса обучения.

Большие языковые модели являются фундаментом новой цифровой реальности, в которой языки и технологии идут рука об руку. Большинство

систем ИИ разработано для языков с высоким уровнем ресурсов, таких как английский, испанский и китайский, что создает серьезный языковой разрыв и лишает многих, в том числе белорусов, доступа к передовым технологиям на их родном языке. В этом контексте актуальной задачей в Республике Беларусь становится создание и развитие национальной языковой модели, способной поддерживать и продвигать белорусский язык в цифровом пространстве.

Технологии искусственного интеллекта являются одним из приоритетных направлений развития научной, научно-технической и инновационной деятельности в Республике Беларусь [9]. В связи с этим важным с практической точки зрения является проведение фундаментальных и прикладных научных исследований, направленных на создание национальной языковой модели, которая сможет эффективно обрабатывать белорусский язык, учитывая культурные, лингвистические и деловые особенности страны, и предоставлять технологическую независимость в этой области.

Создание национальной языковой модели открывает новые возможности:

- сохранение и распространение белорусского языка, его интеграция в современные цифровые технологии для развития общества, экономики и науки в Республике Беларусь;
- создание национальной базы данных, которая станет основой для дальнейших исследований и разработок в сфере ИИ;
- развитие системы образования (разработка современных обучающих систем и платформ онлайн-обучения с использованием ИИ, которые позволяют создавать персонализированные учебные программы для белорусских и иностранных студентов, учитывая их культурные особенности, научные и профессиональные интересы).

ИИ помогает ученым, лингвистам и переводчикам определять новые горизонты для исследований и инноваций. Поддерживая развитие ИИ, создавая национальную языковую модель, общество получает уникальную возможность сохранить свое языковое и культурное наследие и ускорить технологическое развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Miao, F. AI and education. Guidance for policymakers / F. Miao, W. Holmes, R. Huang.* – 2021. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000376709> (date of access: 03.03.2025).
2. *Thompson, R. The AI Renaissance: How DeepSeek and ChatGPT are reshaping intelligence / R. Thompson.* – 2025. – URL: <https://medium.com/newaitools/the-ai-renaissance-how-deepseek-and-chatgpt-are-reshaping-intelligence3c35e44e3f03> (date of access: 03.03.2025).

3. *Alammar, J. Hands-On Large Language Models. Language Understanding and Generation / J. Alammar, M. Grootendorst. – Sebastopol : O'Reilly Media Inc., 2024. – 598 p.*
4. *Шебаршина, Д. Ю. Проблема внимания при синхронном переводе как один из ключевых факторов, обуславливающих «конкуренцию интеллектов» // Вестн. Московского ун-та. Сер. 22, Теория перевода. – 2021. – № 2. – С. 21–30.*
5. *Sparkes, M. Meta's AI can translate between 204 languages, including rare ones / M. Sparkes // New Scientist. – 2022. – URL: <https://www.newscientist.com/article/2327061-metas-ai-can-translate-between-204-languages-including-rare-ones/> (date of access: 20.03.2024) .*
6. *Barrault, L., Joint speech and text machine translation for up to 100 languages / L. Barrault, Yu-An Chung // Nature. – 2025. – URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-024-08359-z> (date of access: 20.03.2025).*
7. *Silver, D., Welcome to the Era of Experience / D. Silver, R. S. Sutton. – 2025. – URL: <https://storage.googleapis.com/deepmind-media/Era-of-Experience%20/The%20Era%20of%20Experience%20Paper.pdf> (date of access: 20.03.2025).*
8. Человек и системы искусственного интеллекта / В. А. Лекторский, С. Н. Васильев, В. Л. Макаров, Т. Я. Хабриева ; под ред. акад. РАН В. А. Лекторского. – СПб. : Юридический центр, 2022. – 328 с.
9. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026–2030 годы : Указ Президента Республики Беларусь от 1 апреля 2025 г. № 135.– 2025. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32500135> (дата обращения: 10.04.2025).

Поступила в редакцию 18.05.2025

ИССЛЕДОВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.161.3'37:27-23

Басалыга Паліна Сяргеевна
 аспірант аддзела лексікалогії
 і лексікаграфіі
 Інстытут мовазнаўства
 імя Якуба Коласа НАН Беларусі
 г. Мінск, Беларусь

Palina Basalyha
 PhD Student of the Department
 of Lexicology and Lexicography
 Yakub Kolas Institute
 of Linguistics of the National Academy
 of Sciences of Belarus
 Minsk, Belarus
 polinabasalyha7@gmail.com

ТРАНСФАРМАЦЫЯ СЕМАНТЫКІ АДНАГО БІБЛЕІЗМА,
 АБО КОЛЬКІ РАЗОЎ ПРАКРЫЧАЎ ПЕВЕНЬ ДА ЗДРАДЫ ПЯТРА?

TRANSFORMATION OF THE SEMANTICS OF A SINGLE BIBLISM,
 OR HOW MANY TIMES DID THE COCK CROW BEFORE PETER'S BETRAYAL?

У артыкуле высвятляюцца магчымыя прычыны змены семантыкі біблеізму, звязанага з сюжэтам адрачэння апостала Пятра ад Хрыста. Даследуецца гістарычны матэрыял для ўстанаўлення ў ім трансфармацыі названага біблеізму. Прыцягваюцца экстрадынгістычныя факты, якія раскрываюць прыкладны часавы адрезак моманту здрады. Фактычны матэрыял сучаснай беларускай мовы, які змяшчае ў сабе названы біблеізм, группуецца ў залежнасці ад тыпу трансфармацыі.

Ключавыя слова: *біблеізм; Евангелле; семантычна трансфармацыя; адрачэнне; прыслоўе; лічэбнік; сучасная беларуская мова.*

The article explores the possible reasons for the semantic change in biblicism related to the story of the Apostle Peter's renunciation of Christ. The historical material is being investigated to establish the transformation of this biblicism in it. Extralinguistic facts are involved, revealing the approximate time period of the moment of betrayal. The actual material of the modern Belarusian language, which contains the named biblicism, is grouped depending on the type of transformation.

Key words: *biblicism; the Gospel; semantic transformation; denial; adverb; numeral; modern Belarusian language.*

Адным з вядомых евангельскіх сюжэтаў пра апостала Пятра стаў момант яго адрачэння ад Хрыста. Калі Пётр трэці раз пачаў клясціся, што не ведае Хрыста, *певень закрычаў у другі раз*. І тады Пётр узгадаў прарочыя слова Хрыста: «Перш чым двойчы заспівае певень, тройчы адрачэшся ад Мяне».

Усе сінаптычныя Евангеллі (ад Мацвея, Марка і Лукі) апісваюць момант адрачэння апостала, аднак толькі ў Марка ўказаны колькасць спеваў пеўня; іншыя апосталы напісалі толькі пра колькасць разоў адрачэння Пятра, не канкрэтнай колькасць кукарэкання. Евангелле ад Іаана апавядае пра гэты момант суадносна з храналогіяй допыту і асуджэння Хрыста, дзе певень пяе пасля трэцяга адрачэння.

У мастацка-публіцыстычных тэкстах адзначаюцца разыходжанні сюжэту біблеізма з тэкстам Новага Запавета. Тут пад біблеізмам разумеецца «моўная / маўленчая адзінка біблейскага паходжання, семантычна звязаная

з біблейскім вобразам ці сюжэтам, якая ўжываецца ў маўленні або зафіксавана ў лексікаграфічнай крыніцы» [1]. За першасны варыянт названага біблейзма ўзяты сам тэкст Святога Пісання: «І другі раз заспываў певень. І ўспомніў Пётр слова, якое сказаў яму Іісус: першым певень двойчы заспывае, ты адрачэшся ад Мяне тройчы» (Ев. ад Марка 14:72). Структурна біблейзм адносіцца да маўленчай адзінкі – выказвання, і ў евангельскім тэксле змяшчае прыслоўі *двойчы* і *тройчы*.

Мэта прапанаванага даследавання – выявіць аднесенасць прыслоўя *двойчы* і *тройчы* (лічэбнікаў *два* і *тры*) да дзеясловаў у розных мадыфікацыях названага біблейзма і вытлумачыць семантычны зрух у яго значэнні. Матэрыялам для даследавання сталі тэксты Евангелля ад Марка на мовах арыгінала і іх 6 перакладаў на сучасную беларускую мову, а таксама выбраныя кантэксты з мастацкага і публіцыстычнага стыляў, створаныя не раней за 1950-я гг. і па сённяшні дзень, якія ўтрымліваюць сюжэт пра зраду Пятра¹. У даследаванні мы будзем абапірацца перадусім на тэкст Ев. ад Марка, паколькі, па-першае, іменна тут згадваецца дакладная колькасць спеваў пеўня, па-другое, у ілюстрацыйным матэрыяле прыкладна палова кантэкстаў утрымлівае адрознную ад біблейскай колькасць гэтых крыкаў.

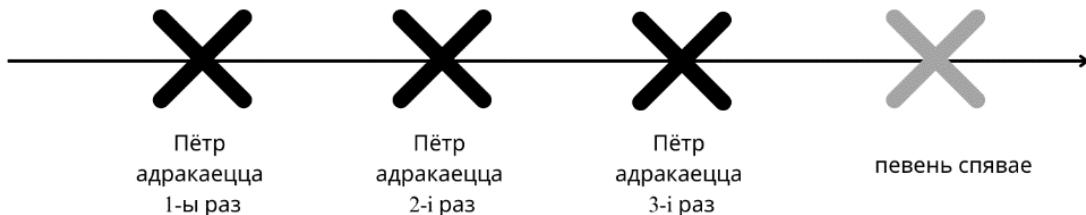
У Ев. ад Марка ў 14 главе 30-ы верш падаецца наступным чынам: *І кажа яму Іісус: праўду кажу табе, што ты сёння, у гэтую ноч, першым двойчы заспывае певень, тройчы адрачэшся ад Мяне*² (пер. БЭМП), і, па сутнасці, даслоўна паўтараеца ў 72-м вершы.

На тэмпаральнай восі паслядоўнасць падзей у сюжэце Евангелля ад Марка пра адрачэнне можна схематызаваць так (мал. 1).

Мал. 1. Тэмпаральная восі падзей у сюжэце пра адрачэнне Пятра ад Хрыста (паводле Ев. ад Марка)

Іменна названае Евангелле адрозніваеца ад астатніх большай падрабязнасцю і дэталёвасцю выкладу, што істотна ў нашым выпадку.

Мал. 2. Тэмпаральная восі падзей у сюжэце пра адрачэнне Пятра ад Хрыста (паводле Ев. ад Мацвея, Лукі, Іаана)

¹ Ілюстрацыйны матэрыял выбіраўся на аснове Нацыянальнага корпуса беларускай мовы (<https://bnkorpus.info/korpus.be.html>).

² пераклад Бібліі Беларускага Экзархату Маскоўскага Патрыярхату.

Аднак у сучасных мастацка-публіцыстычных тэкстах ёсьць адрозненні ад біблейскага аповеду. Выбраны фактычны матэрыял сучаснай беларускай літаратурнай мовы паводле семантычных змяненняў разгледжанага біблейзма можна згрупаваць у два блокі.

I блок: мастацкія і публіцыстычныя кантексты з сінтаксічнай перастаноўкай¹, якая выклікае семантычную трансфармацыю:

а) лічэбнікі (парадкавы *трэці* / колькасны *тры*) і спалучэнні з лічэбнікам *тры* / *трэці* семантычна звязваюцца з колькасцю крыкаў пеўня, а не колькасцю разоў адрачэння: *Ён не дзівак, як той апостал Пятро, – не будзе чакаць трэцяга пеўня, прадасць цябе трохі раней* (Брыль), Адчула, што ад левага пляча расце крыло, нямее цела... *Як певень трэцім разам пракрычаў... Не здрадзіла табе*. У Неба паляцела (Ігнацюк), Евангелле распавядае гісторыю адрачэння Пятра і знака, які ён атрымае: “Адрачэшся ад мяне, – кажа Хрыстос, – перад тым, як *певень прапяе тры разы!*” I сапраўды, менавіта голас птушкі стаў для Пятра знакам: *ён тройчы адмовіўся прызнавацца ў знаёмстве са сваім Настаўнікам* («Каталіцкі веснік», 2017), *Ды і то, апостал Пётр зразумеў, што здрадзіў Настаўніку, ажно калі трэці певень прапеў...* («Звязда», 2018);

б) змяненняцца паслядоўнасць падзеі у біблейзме (гл. мал. 1 і 2): *Бывае цяжка бачыць асоб, якія пасля выхаду з гэтых сцен адракаюцца ад усяго, чаму яшчэ ўчора маліліся. I ў адрозненне ад апостала Пятра, нават раней, чым праспявае певень* (Коўтун).

II блок: мастацкія і публіцыстычныя кантексты з мінімальнымі змяненнямі біблейскага сюжэту (могуць быць заснаваны не на Ев. ад Марка, а на тэкстах іншых Евангелляў, дзе колькасць спеваў пеўня не ўказваецца (гл. мал. 2)): *Цівун. <...> Святы Пётра ад Хрыста тройчы адракаўся...* (Дудараў), ..*а певень спяе, выкryваючи здраду, як высыплеши перлы, каралі, смарагды ў прах* (Лысы), *Певень – птушка вельмі важная і для беларусаў. Яны памятаюць, што ў хрысціянскай традыцыі менавіта певень нагадаў апосталу Пятру аб здрадзе* («Звязда», 2016), *Да таго ж певень лічыўся хрысціянскім сімвалам, які нагадвае пра адрачэнне апостала Пятра* («Звязда», 2019).

Акрамя гэтага ў фактычным матэрыяле выяўлена семантычная кантамінацыя двух біблейзмаў: сюжэт пра адрачэнне Пятра і сюжэт пра здраду Іуды: ..*ніякая пропаганда ці забарона ніколі не сатруць з памяці чалавечства засведчанай у легендзе здрады настаўніку: вучань пакляўся, што не здрадзіць настаўніку, – і прадаў настаўніка. Прадаў за трывіцаць срэбранікаў.*

¹ Пад сінтаксічнай перастаноўкай разумеецца «змяненне размяшчэння (парадку размяшчэння) моўных элементаў» [2, с. 516]. Факт перастаноўкі канстатуеца намі на аснове супастаўлення біблейзма ў фактычным матэрыяле і розных перакладаў Ев. ад Марка.

Прадаў, а сам навекі ажсаніўся з асінаю, павесіўся на ёй (Янкоўскі). Нагадаем, што толькі Пётр абяцаў Хрысту ні пры якай умове не адракацца ад Яго і толькі Іуда прадаў Настаўніка за 30 срэбранікаў.

Нас цікавяць магчымыя прычыны ўзнікнення змяненняў з першага блока.

У беларускамоўным тэксце Бібліі сінтагматычна прыслоўе *двойчы* адносіцца да прэдыкатыўнага цэнтра *заспявае певень*, а *тройчы* звязана з дзеясловам *адрачэшся*.

Калі параўнаць некалькі рэдакцый дадзенага фрагмента на старажытна-грэчаскай і лацінскай мовах, то выяўляюцца розныя пазіцыі прыслоўяў адносна дзеяслова. У вершы «*Priusquam gallus cantet bis, ter me negabis*¹ ('перш чым певень праспявае двойчы, тройчы ты адмовіш(-ся) мяне' (пер. наш. – *Б. П.*)) прыслоўі ўваходзяць у розныя прэдыкатыўныя часткі, і хаця размяшчаюцца побач, яны канкрэтныя розныя дзеясловы: *спяваць і адмовіцца* (*N+V+Num*², *Num+Pronom+V*). У старажытнагрэчаскіх рэдакцыях канструкцыі з прыслоўямі адразніваюцца:

*Прὶν ἀλέκτορα φωνῆσαι δὶς ἀπαρνήσῃ με τρίς*³ ('перш чым певень пракрычыць двойчы, адмовішся мяне тройчы') (*N+Num+V+ Num+Pronom+V*);

*Прὶν ἀλέκτορα δὶς φωνῆσαι τρίς με ἀπαρνήσῃ*⁴ ('перш чым певень двойчы пракрычыць, тройчы мяне адмовішся') (*N+Num+V+ Num+Pronom+V*).

Цікавы той факт, што ў славянскіх гістарычных помніках у тэксце згаданага Евангелля (ці яго пераказах) прыслоўя *двойчы* ў 30-м вершы няма. Чым гэта дэтэрмінавана – невядома. Пры адсутнасці пунктуацыйных знакаў у такім сінтаксічным варыянце, напр., *пръже даже коурь не въспоюсть тришьды отъвържесши сѧ* (апракас Мсціслава Вялікага), прыслоўе *тройчы* правамерна аднесці як да першага, так і да другога дзеяслова: *N+(neg)+V+Adv+V*. Гіпатэтычна, такая сінтаксічна будова ў асобных тэкстах магла паўплываць на аднесенасць самога прыслоўя (ці лічэбніка) да колькасці крыкаў пеўня. Лік 3 у некаторых помніках таксама перадаецца не прыслоўем, а спалучэннем з лічэбнікам (*трикраты* (Астрожская Біблія і Жыровіцкае Евангелле), *трикраты, трикраты* (Друцкае Евангелле)). У апракасных Евангеллях можа зусім не быць слова, якое перадае колькасць крыкаў пеўня. Усё гэта магло паспрыяць пераносу колькасці адрачэнняў (3) на колькасць крыкаў.

У перакладах Новага Запавета на сучасную беларускую мову абодва прыслоўі захоўваюцца і ў 30-м, і ў 72-м вершах (табліца).

¹ Паводле тэкстаў Клеменцінаўскай і Новай Вульгаты.

² У гэтым артыкуле пад абазначэннем *Num* разумеецца выражэнне ліку як прыслоўем, так і лічэбнікам.

³ Паводле *Textus Receptus 1550 Stephanus*.

⁴ Паводле тэксту *Nestle Greek NT 1904*.

Пераклады Ев. ад Марка на сучасную беларускую мову

Ев. ад Марка 14 Глава	Пераклад Я. Станке- віча (1973)	Пераклад Беларускага Экзархата Маскоўскага Патрыярхату (1999)	Пераклад В. Сёмухі (2002)	Каталіцкі пераклад (2017)	Пераклад У. Чарняў- скага (2017)	Пераклад А. Боку- на (2023)
30-ы верш	<i>I сказаў яму Ісус: «Запраўды кажу табе, што сядні гэтае ночы, уперад чымся пятух запяеца двойчы, ты выпрашся Мяне трэйчы».</i>	<i>I кажса яму Ісус: «праўду кажу табе, што ты сёння, у гэтую ноч, перш чым двойчы заспявае певень, тройчы адрачэшся ад Мяне».</i>	<i>I кажса яму Ісус: «праўду кажу табе, што ты сёння, гэтае ночы, перш чым двойчы заспявае певень, тройчы адрачэшся ад Мяне».</i>	<i>Адказаў яму Езус: «Сапраў- ды кажу табе, што ты сёння, у гэтую ноч, перш чым двойчы заспявае певень, тройчы адрачэш- ся ад Мяне».</i>	<i>I гаворыць яму Ісус: «Сапраў- ды кажу табе: што ты сёння, у гэтую ноч, перш чым двойчы певень запяе, тройчы зрачэшся Мяне».</i>	<i>I кажса яму Ісус: «Сапраў- ды кажу табе, што ты сёння, у гэтую ноч, перш, чым певень двойчы запяе, тройчы адрачэш- ся ад Мяне».</i>
72-і верш	<i>I якга другі раз пятух запяяў. I Пётра прыпомнеў слова, што Ісус казаў яму: «Уперад чымся пятух двойчы запяеца, ты выпрашся Мяне трэйчы».</i>	<i>I другі раз заспяваў певень. I ўспомніў Пётр слова, якое сказаў яму Ісус: «перш чым певень двойчы заспявае, ты адрачэшся ад Мяне тройчы».</i>	<i>Тады певень заспяваў другі раз. I ўспомніў Пётр слова, сказанае яму Ісусам: «перш чым певень двойчы заспявае <u>двойчы,</u> <u>тройчы</u> адрачэшся ад Мяне».</i>	<i>I адразу другі раз заспяваў певень. I ўзгадаў Пётр слова, сказанае яму Езусам: «Перш чым двойчы заспявае певень, тройчы адрачэшся ад Мяне».</i>	<i>I адразу другі раз запяяў певень. Tады Пётра ўспомніў слова, якія яму казаў Ісус: «Перш, чым певень двойчы запяе певень, ты тройчы адра- чэшся ад Мяне».</i>	<i>I другі раз запяяў певень, і ўзгадаў Пётар слова, якое сказаў яму Ісус: «Перш, чым певень двойчы запяе, ты тройчы адра- чэшся ад Мяне».</i>

З 12 прыведзеных кантэкстаў толькі ў адным (пер. В. Сёмухі, другі кантэкст) прыслоўі размешчаны адно за адным; у іншых яны раздзяляюцца адным ці некалькімі словамі. Можна канстатаваць: уплыў сучасных беларускамоўных перакладаў Евангелля ад Марка на пашыранае меркаванне, што певень праспяваў тройчы, мінімальны. Больш за тое, беларускамоўныя пераклады Бібліі, на жаль, не настолькі пашыраныя сярод беларускіх чытачоў, як, напрыклад, сінадальны пераклад.

Патлумачыць сінтаксічна-семантычную трансфармацыю біблейзма можна з прыцягненнем некаторых экстралінгвістычных фактав (якія карэлююць менавіта з семантыкай). Кнігі Бібліі – глыбокасімвалічныя тэксты, аднак іх унікальнасць адначасова і ў прастаце, і ў семіятычнай шматузроўневасці, што і адзначаў у прадмове да Бібліі Ф. Скарына [3]. Калі разбіраць даследуемы біблейскі фрагмент без паглыблення ў сімволіку і паглядзець на пазалінгвістычнае значэнне крыку пеўня, то варта адзначыць наступнае.

1. Ноч у яўрэяў евангельскіх часоў, згодна з тагачасным грэка-рымскім ладам, падзялялася на 4 стражы, у кожнай было трох гадзіны. Першая стражка пачыналася каля 18:00 (па нашым часе) [4; 5]; трэцяя, адпаведна, была з 24:00 да 03:00, і звычайна менавіта яна звязвалася са спевамі пеўняў (параўн., Ев. ад Марка 13:35: «*Дык будзьце пільныя; бо не ведаецце, калі прыйдзе гаспадар дома: увечары, ці апоўначы, ці як запяюць пеўні, ці раніцаю*»). Пачатак і працягласць светлавога дня ў розных краінах адрозніваюцца, а менавіта з ім і звязана сутачная актыўнасць пеўня. У Ізраілі светлавы дзень сканчваецца каля 18:00 і пачынаецца каля 06:00, таму, верагодна, падзел на начныя стражы і пачынаўся з 18:00. Час актыўнага крычання пеўняў прыпадае на трэцюю стражу: Ю. І. Рубан, сучасны даследчык багаслоўя, адзначае, што толькі яна называлася *alektorofonia, gallicinium*, літаральна *пеўнекрычанне*. Так, трэцюю стражу можна атаясаміць з пачаткам крыкаў пеўняў. Усе трох адрачэнні Пятра ад Хрыста адпавядаюць часу паміж беларускімі «першымі» і «другімі пеўнямі» (00:00–03:00), парыўнайце: *Першыя пеўні – поўнач, другія пеўні – пара ўставаць, трэція пеўні – пярэдсвет* [6, с. 126].

2. Паколькі прамежак часу паміж асобнымі крыкамі пеўня звычайна даволі кароткі, у біблейскім сюжэце значэнне колькасці крыкаў (два) выражает вельмі кароткі часавы адрезак паміж актамі адрачэння. Улічваючы, што незадоўга да гэтага Пётр сказаў Ісусу: «*Хоць і ўсе ўсумняцца, але не я*» (Ев. ад Марка 14:29), трохразовае адрачэнне набывае ўзмоцненае значэнне. Асобныя даследчыкі біяграфіі апостала Пятра кажуць пра несупадзенне часу здрады ў Марка і іншых евангелістах: «толькі ў Марка Ісус прадказвае, што адрачэнне адбудзеца да другіх пеўняў; тэкст іншых евангелістах мае на ўвазе, што гэта адбудзеца да першых пеўняў» [7, с. 103]. Аднак, падкрэслім, ёсьць розніца паміж выразамі *другія пеўні* і *двойчы пракрычаць* (іменна другі выраз

ужыты ў Ев. ад Марка). Лінгвістычны матэрыял дае падставы меркаваць, што ў дадзеным кантэксце меліся на ўвазе не спевы птушкі ў розныя стражы, а кароткія прамежкі часу паміж крыкамі ў адной трэцяй стражы (гэта можа быць і некалькі хвілін).

Сакральны статус (а гэта ўжо больш глыбокія семантыка-сімвалічныя ўзроўні) ліку *тры* настолькі высокі, што, верагодна, ён мог таксама паўплываць на ўзнікненне меркавання *певень тройчы пракрычаў* – *Пётр тройчы адрокся* (гл. вышэй фактычны матэрыял).

Выбраныя кантэксты з мастацкага і публіцыстычнага стыляў ахопліваюць шырокі прамежак часу (ад 50-х гг. XX ст. і да 2021 г.), што дазваляе выказаць думку аб тым, што разгледжаны біблейскі сюжэт пра адрачэнне Пятра не забываецца, аднак нярэдка трансфармуецца не толькі ў мастацкіх творах, але і ў тэкстах публіцыстычнага стылю. Аднесенасць ліку *тры* да спеваў пеўня можа быць патлумачана некалькімі фактамі: сінтаксічнай пазіцыяй прыслоўя ў арыгінальных тэкстах, пропускам прыслоўя *двойчы* ў славянскіх помніках пісьменства, сакральнасцю ліку *тры*. Хаця, хутчэй за ёсё, у біблейскім тэксле два спевы пеўня значылі толькі імклівасць, з якой чалавек адракаеца ад Таго, за Каго мог пакласці жыццё.

Адказваючы на пытанне, вынесенае ў загаловак артыкула, скажам, што ў Евангеллі ад Марка певень праспяваў двойчы, як апостал Пётр ужо троны разы адрокся ад Хрыста. Ва ўжыванні названы біблейскі зазнаў сінтастыка-семантычную трансфармацыю і набыў сімвалічнае значэнне (сакральнасць ліку *тры* надала дадатковую сімваліку крыкам пеўня: тройчы адрокся – тройчы праспяваў).

ЛІТАРАТУРА

1. *Басалыга, П. С. БІБЛЕІЗМ: аб'ём паняцця, крытэрыі вылучэння, дэфініцыя / П. С. Басалыга* // Вестн. Полоц. гос. ун-та. – № 3(75). – 2025.
2. *Таспанова, Ж. К. Классификация грамматических трансформаций. Синтаксические трансформации / Ж. К. Таспанова, Т. Ж. Жалиев, К. А. Кунназарова, С. Ж. Жа-лиева* // Теория и практика современной науки. – 2018. – № 4 (34). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-grammaticheskikh-transformatsiy-sintaksicheskie-transformatsii> (дата обращения: 20.04.2025).
3. *Скарына, Ф. Прадмова да ўсёй Бібліі. Беларуская літаратура : хрестаматыя / склад.: У. В. Адамчык, М. В. Адамчык. – Мінск : Сучасны літаратар, 2004. – URL: https://knihi.com/Francysk_Skaryna/Pradmova_da_usioj_Bibliai_trans.html (дата звароту: 18.05.2025).*

4. *Арранц, М.* История Византийского Типикона: «Око Церковное» / М. Арранц, Ю. Рубан – СПб : Нева, 2003. – Ч. 1. Предвизантийская эпоха. – 80 с. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogos-luzhenie/istorija-vizan-tijskogo-tipikona-oko-tserkovnoe-chast-1-predvizantij-skaja-epoha/#source (дата обращения: 15.05.2025).
5. *Ринекер Ф.* Библейская энциклопедия Брокгауза / Ф. Ринекер, Г. Майер. – М. : Российское Библейское Общество, 1999. – 1120 с. – URL: <https://bible.by/lexicon/brockhaus/> (дата обращения: 15.05.2025).
6. *Лозка, А.* Матэматычны фальклор: Пачатковыя матэматычныя ўяўленні і навыкі сродкамі народнай педагогікі / аўт.-склад. А. Лозка. – Мінск, 2002. – 52 с.
7. *Иларион (Алфеев), митр. Апостол Пётр.* Биография / митр. Иларион (Алфеев). – Издат. дом «Познание» ; Общещерковная аспирантура и докторантура ; Православная энциклопедия, 2018. – 464 с.

Поступила в редакцию 04.08.2025

Ветошкина Кристина Николаевна
аспирант кафедры фонетики
и грамматики английского языка
Белорусский государственный
университет иностранных языков
Минск, Республика Беларусь

Kristina Vetoshkina
PhD Student of the Department
of Phonetics and Grammar
of the English language
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
vetchristina@gmail.com

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ТИПОВ СТОРИТЕЛЛИНГА
В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC CHARACTERISTICS
OF STRUCTURAL AND SEMANTIC TYPES OF STORYTELLING
IN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

В данной статье предпринимается попытка выделить структурно-семантические типы сторителлинга как самостоятельного жанра медийного дискурса. На основе анализа белорусского интернет-издания «СБ. Беларусь сегодня» с опорой на 100 русскоязычных текстов исследуемого жанра раскрываются коммуникативно-прагматические характеристики сравнительно-сопоставительного, сценарного и поискового структурно-семантических типов сторителлинга, дается их процентное соотношение по степени частотности встречаемости в обозначенном выше белорусском интернет-издании, детально описывается система коммуникативных стратегий и тактик для осуществления коммуникативного намерения автора в каждом отдельном примере.

Ключевые слова: *сторителлинг; тактика; стратегия; структурно-семантический тип; интернет-издание; сюжетно-композиционная схема.*

This article attempts to identify structural and semantic types of storytelling as an independent genre of media discourse. The communicative and pragmatic characteristics of comparative, scenario and search structural-semantic types of storytelling are revealed, their percentage ratio is given according to the degree of frequency of occurrence in Belarusian online publications among 100 analyzed texts in Russian. The system of communication strategies and tactics for implementing the author's communicative intention in each individual example is described in detail.

Key words: *storytelling; tactics; strategy; structural-semantic type; online publication; plot-composition scheme.*

Каждый публицистический текст обладает выраженной прагматической направленностью. Данный факт обуславливает повышенный интерес исследователей к изучению инструментов воздействия, которые характерны для медиадискурса как неотъемлемой части социопространства. Следует отметить, что единого трактования исследуемого понятия среди лингвистов не выявлено, поскольку представленное в работах ученых многообразие языкового материала и типов дискурса, описывающих суть речевого воздействия,

выступает в качестве первоисточника отсутствия однозначных взаимосвязей между выделенными стратегиями, тактиками и вербальными средствами их актуализации в текстах [1, с. 213].

Понятие «коммуникативная стратегия» лингвистами интерпретируется по-разному. Так, некоторые исследователи понимают коммуникативную стратегию как «инструмент целесообразного осуществления авторского коммуникативного намерения, подразумевающего под собой субъективные и объективные аспекты, в которых реализуется коммуникационный акт и которые устанавливают внутреннюю и внешнюю организацию текста, и использование арсенала четких языковых средств его презентации» [2, с. 45].

В других концепциях стратегия представлена как «комплексная когнитивная цель, или глобальная психологическая линия речевого поведения, объединенная намерением и коммуникативной целью (целями) коммуниканта посредством глубокого понимания коммуникативной ситуации как симбиоза аспектов, выполняющих роль организации и осуществления речевой коммуникации» [3, с. 56].

Поскольку самостоятельный медиийный жанр *сторителлинг* отличается наличием своей типовой структуры, которая выражена сюжетно-композиционными схемами и априори считается прагматически значимой, то посредством системы коммуникативных стратегий и тактик как еще одного типологического критерия, описывающего его семантическую структуру, видится возможным определить арсенал способов осуществления авторского коммуникативного намерения, проиллюстрированного на наглядных примерах.

Цель данного исследования – выявление в русскоязычном медиадискурсе коммуникативно-прагматических характеристик структурно-семантических типов самостоятельного жанра сторителлинга, главными жанрообразующими параметрами которого являются присущая ему особая структура и определенная целевая установка, а также оригинальное название, тема, досконально описанный герой, место, время и контекст повествования, включенных в общий сюжет с целью освещения социально значимых явлений [4, с. 41].

В представленном исследовании применены описательный метод и метод контекстуального анализа 100 русскоязычных текстов исследуемого жанра, отобранных способом сплошной выборки из белорусского интернет-издания «СБ. Беларусь сегодня».

В ходе анализа лингвопрагматической составляющей исследуемого медиа-жанра было установлено, что для данного жанра характерно три структурно-семантических типа сторителлинга, которые построены по конкретным сюжетно-композиционным схемам и обладают определенной целевой установкой, реализуемой посредством коммуникативных стратегий. На стадии осуществления стратегии глобальная цель подразделяется на арсенал маленьких задач, согласно которым устанавливаются требуемые для воплощения глобального намерения тактики – комплекс языковых и речевых

приемов построения текста. Ни стратегия, ни тактика не соотносятся напрямую с единицами определенных языковых уровней, что их и отличает от речевых ходов.

На основе проведенного анализа 100 русскоязычных текстов можно сделать вывод, что **сравнительно-сопоставительный** тип сторителлинга составляет 56 % по степени встречаемости среди русскоязычных текстов. Он построен по линейной параллельной сюжетно-композиционной схеме или линейной сюжетно-композиционной схеме с экскурсами и ставит перед собой коммуникативную цель сопоставления различных объектов, явлений или процессов для выделения их характеристик, преимуществ и недостатков [5, с. 104–105].

Для достижения поставленной цели используется **стратегия стимулирования читательского отклика**, заключающаяся в побуждении адресата к рефлексии над прочитанным и построению собственной точки зрения. Для реализации данной стратегии применяются тактики *полилога с опущением обобщений и полилинейного повествования*.

Тактика полилога с опущением обобщений заключается в формировании контекста в виде диалога, в котором автор создает прямое обращение к читателю, задавая ему вопросы, стимулируя к нахождению собственных ответов, зачастую избегая обобщений или выводов при анализе социально значимой проблемы без предоставления готовых решений целевой аудитории. Данная тактика выражается личными местоимениями *ты / вы / мы*, риторическими вопросами, вопросно-ответными комплексами, глаголами в форме повелительного наклонения. Примером реализации этой тактики может служить сторителлинг «Война и мир Варвары Вырвич» из белорусского интернет-издания «СБ. Беларусь сегодня», в котором посредством обращенных к целевой аудитории риторических вопросов инициируется сохранение памяти о диверсантке ВОВ: *О героическом прошлом Варвары Вырвич можно снимать полнометражные киноленты, воспитывая на них молодежь. Если даже российская пресса называет Варвару самой успешной диверсанткой Великой Отечественной войны, то почему так мало о ней знают ее земляки? Сама она была скромной... Но разве это дает нам право забывать о ней? [6]*.

Тактика полилинейного повествования выражается в приглашении целевой аудитории присоединиться к диалогу с другими людьми, даже с диаметрально противоположным мнением. Она осуществляется посредством цитирования героев самостоятельного жанра сторителлинга и предоставления возможности целевой аудитории, ознакомившись с представленными точками зрения упомянутых специалистов, сложить собственное мнение касательно описываемого социально значимого явления. Данная тактика презентируется на языковом уровне с помощью имен собственных и существительных, обозначающих профессиональную принадлежность цитируемых специалистов, посредством ссылки на авторитетный источник, а также с помощью глаголов, фиксирующих аргументацию автора

(пояснять, посвящать, расценивать, подчеркивать, делиться, объяснять, замечать, анализировать, философствовать, признаваться и т.д.). Так, в сторителлинге «Был парализован, а домой ушел сам!» демонстрируются разные профессиональные точки зрения врачей касательно медицинского случая пациента, что позволяет целевой аудитории сопоставить их и сформировать собственное умозаключение:

– *В этой истории удивительное сочетание трех вещей, – лечащий доктор Виктор Рейт не скрывает эмоций. Чтобы победить болезнь, надо объединить усилия врача и больного. К тому же важна поддержка близких. У Михаила было сильное желание жить и вернуться к семье. К счастью, у него очень классная родня: любящая жена, дети. Они регулярно его навещали, сменяя друг друга. На начальном этапе у пациента мало что получалось, не мог встать и даже присесть на кровати, падало артериальное давление. Есть и другая проблема, с которой большинству психологически сложно справиться. Пациенты в нашем отделении восстанавливаются долго, порой месяцы. Их реабилитационный потенциал, как правило, идет по синусоиде. После периода улучшения резкое ухудшение, на котором в основном больные и ломаются, теряют волю к жизни и надежду на выздоровление [7].*

– *Операцию выполняли в условиях искусственного кровообращения, когда работает кровоснабжение лишь жизненно необходимых органов, таких как головной мозг, – поясняет кардиохирург Александр Черняк. Сердце в этот момент не бьется. Периодически вводятся препараты, которые восполняют его энергетические потребности. Именно на «сухом» сердце получается визуализировать разрывы и иссечь участки с расслоением. Александр Черняк подчеркивает: хорошо, что Михаил не затянул с вызовом экстренной помощи, от момента выявления проблемы до непосредственного ее устранения прошло минимальное время. Это и спасло жизнь [7].*

Следующий структурно-семантический тип – **сценарный сторителлинг** – по степени распространенности среди русскоязычных текстов составляет 25 %. Данный тип построен по концентрическим сюжетно-композиционным схемам с позитивным и негативным финалами и ставит перед собой коммуникативную цель демонстрации возможных вариантов развития ситуации [7, с. 104]. Для ее достижения используется **стратегия авторской индивидуализации**, которая реализуется в арсенале речевых действий, нацеленных на выражение авторского мнения, и находит свое воплощение в тактиках *самопроявления и эмоциональной интерференции*.

Тактика самопроявления заключается в изложении автором объективных и субъективных оценочных характеристик происходящего, демонстрирующих его личную авторскую позицию касательно описываемой социально значимой проблемы.

Она эксплицируется глаголами в форме первого лица единственного числа, личным местоимением в форме первого лица единственного числа, которое может сочетаться с глаголами и глагольными сочетаниями со значением уверенности (*быть в курсе, разбираться, иметь представление, распо-*

лагать информацией, быть уверенным, знать, быть переубежденным), интенции (иметь намерение, намереваться, быть намеренным), желательности (хотеть, желать), сомнения (колебаться, сомневаться, подвергать сомнению, иметь сомнение) и мнения (полагать, думать, размышлять, рассуждать, считать), лексическими средствами передачи полагания/сомнения/допущения (возможно, вероятно, можно, скорее всего, наверняка, по всей видимости). В отличие от англоязычных текстов жанра сторителлинга, в русскоязычных текстах тактика самопроявления может актуализироваться с помощью личных окончаний глагола, что обусловлено структурными особенностями данного языка. Примером реализации данной тактики выступает русскоязычный сторителлинг «Александр Азончик. Из батраков – в Герои Советского Союза», в котором посредством личного местоимения единственного числа я и глаголов со значением уверенности, а также лексическими средствами передачи допущения реализуется главная стратегия авторской индивидуализации: *Точно знаю, что она уже умерла. Росла, скорее всего, в доме отца, а потом вышла замуж и переехала в соседнюю деревню Литвинки. Я не знал ничего про нее, но как-то заметил, что возле моего дома часто останавливается женщина и с невероятной тоской смотрит во двор, на дом. Я поинтересовался у соседки, кто это, и она мне рассказала, что это дочь Азончика Мария* [8].

Тактика эмоциональной интерференции осуществляется посредством применения речевых действий, нацеленных на возникновение эмоциональной реакции у целевой аудитории с помощью стилистических средств воздействия на нее. Эта тактика маркируется лексическими и синтаксическими стилистическими приемами. Для русскоязычного медиадискурса исследуемого жанра типичны такие лексические стилистические приемы, как эпитет, олицетворение, метафора, сравнение, паремия, перифраз и гипербола. Среди синтаксических стилистических приемов для русскоязычных текстов самостоятельного жанра сторителлинга характерно использование риторических вопросов и обращений, апозиопезиса, антитезы, синтаксического параллелизма, а также императивов и восклицательных предложений.

Примером реализации данной тактики является русскоязычный сторителлинг «Живут на островах в Кудричах», в котором эмоциональный отклик у целевой аудитории вызывается посредством глагола повелительного наклонения в восклицательном предложении с целью побуждения ее к действию: *Если вам понравился наш проект – расскажите об этом в социальных сетях!* [9].

Еще одним структурно-семантическим типом сторителлинга является *поисковый сторителлинг*, который составляет 19 % от всей сплошной выборки русскоязычных текстов. Он построен по линейной сюжетно-композиционной схеме с обратной хронологией и линейной дискретной сюжетно-композиционной схеме и ставит перед собой коммуникативную цель нахождения решений существующей социально значимой проблемы

[7, с. 105–106]. Для ее достижения используется **стратегия реификации**, заключающаяся в формировании объективной основы для размышлений над социально значимой проблемой на основе предоставленных статистических данных и обозначенных причинно-следственных связей при описании исследуемой проблемы. Данная стратегия раскрывается посредством *номинативной* и *когерентной* тактик.

Номинативная тактика заключается в использовании ссылок на источники с целью предоставления достоверности информации при иллюстрировании актуальной социальной проблемы. Данная тактика эксплицируется количественными данными из справочных материалов, книг, журналов, интернет-изданий, выступлений, интервью, слов авторитетного в конкретной области специалиста. Для этого зачастую используются количественные и порядковые числительные, которые позволяют объективно определить значимость описываемого социального явления. Примером реализации тактики может служить русскоязычный текст жанра сторителлинга «Как вчерашний школьник из деревни на Брестчине стал пулеметчиком-партизаном», в котором посредством акцента на количественных числительных предоставляется объективная картина происходящего в годы ВОВ: **Досье «СОЮЗа»: Помимо партизанских групп в 1942 году в Брестской области действовало 25 отрядов, насчитывавших более трех тысяч бойцов и командиров.** Они успешно атаковали крупные немецкие и полицейские гарнизоны. Для дальнейшего укрепления борьбы с оккупантами по решению Белорусского штаба партизанского движения в феврале 1944 года в южных районах области была сформирована временная боевая группировка. Всего в 1943–1944 годах вплоть до соединения с наступающими частями Красной армии в области действовало 11 бригад и 13 отдельных партизанских отрядов, в которых воевало свыше 13 тысяч бойцов и командиров. Еще **тысячу «штыков»** насчитывали отдельные диверсионно-разведывательные отряды [10].

Когерентная тактика выражается в демонстрации четких и однозначных связей между тематическими блоками повествования посредством вводных слов со значением перечисления (*во-первых, во-вторых, в-третьих*), противопоставления (*с одной/другой стороны*), подведения итогов (*таким образом, следовательно, итак*), соединительных союзов (*не только...но и, как...так и*), местоимений (*некоторые, другой, другие, этот, тот, эти, те, такой, такая, такое*), повторов ключевых слов. На примере русскоязычного сторителлинга «“Голубая криница” не изменит цвета» показана реализация данной тактики посредством вводных слов со значением противопоставления и перечисления, соединительных союзов: **С одной стороны, такая популярность голубого источника радует. Люди приезжают сюда не только с целью оздоровления, но и отдохнуть. Для этого здесь смонтированы столы с навесами, мангалы, где можно приготовить шашлык. Но большой наплыв посетителей приносит кринице немалый вред. Во-первых, прилегающая территория загрязняется, засоряется бытовыми**

отходами. **Во-вторых**, самодеятельное употребление криничного грунта в лечебных целях причиняет непоправимый ущерб локальной экосистеме источника, который официально является памятником природы республиканского значения, а обряд в праздник Маковея – нематериальным культурным наследием страны [11].

Таким образом, можно заключить, что среди стратегий и тактик, используемых для разных структурно-семантических типов сторителлинга в белорусских интернет-изданиях, характерно следующее процентное соотношение распределения русскоязычных текстов:

- главенствующую позицию занимает стратегия стимулирования читательского отклика, которая реализуется посредством тактик полилога с опущением обобщений и полилинейного повествования в сравнительно-сопоставительном типе сторителлинга, который составляет 56 % от всей сплошной выборки русскоязычных текстов. Это можно объяснить большим запросом среди белорусской целевой аудитории на свободу формирования собственной точки зрения и альтернативного взгляда на актуальную социально значимую проблему в сопоставительном плане при многообразии разных мнений;
- следующей по степени встречаемости среди русскоязычных текстов оказалась стратегия авторской индивидуализации, достигаемая с помощью тактик самопроявления и эмоциональной интерференции в сценарном сторителлинге, который был представлен 25 % среди русскоязычных текстов. Такой процент распространенности характеризуется снижением внимания целевой аудитории к чужой субъективной точке зрения без возможности совместного анализа и вовлеченности на равноправной основе, не прибегая к манипулятивному воздействию посредством стилистических приемов со стороны автора;
- чуть с меньшим по распространенности среди русскоязычных текстов процентным соотношением можно выделить стратегию реификации, осуществляемую с помощью когерентной и номинативной тактик в поисковом сторителлинге, который составил 19 % от всей сплошной выборки русскоязычных текстов. Это связано с тем, что для современной целевой аудитории достаточно сложно длительное время удерживать внимание на подборе подходящего решения социально значимой проблемы с необходимостью обработки статистических данных и ссылок на источники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статкевич, Е. А. Речевые стратегии и тактики современной радиорекламы / Е. А. Статкевич // Омский научный вестник. – 2011. – № 1 (95). – С. 212 – 215.
2. Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 252 с.

3. *Копнина, Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие / Г. А. Копнина. – 6-е изд., стереотип. – М. : Флинта : Наука, 2017. – 169 с.*
4. *Ветошкина, К. Н. Теоретические подходы к определению сторителлинга в медийном дискурсе / К. Н. Ветошкина // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранного языка : сб. ст. / Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: Е. В. Сажина (гл. ред.) [и др.]. – Гомель, 2025. – С. 37–42.*
5. *Ветошкина, К. Н. Ключевые сюжетно-композиционные схемы сторителлинга в медийном дискурсе (на материале белорусской и британской прессы) / К. Н. Ветошкина // Новая наука: проблемы и перспективы : науч. электрон. журнал. – 2024. – № 11. – С. 103 –107. – URL: <https://am-i.im/nnpriр> (дата обращения: 09.10.2025).*
6. *Усачев, О. Война и мир Варвары Вырвич [Электронный ресурс] / О. Усачев // Издательский дом «Беларусь сегодня». – URL: <https://partizany.by/battles/voyna-i-mir-varvary-vyrvich> (дата обращения: 03.09.2025).*
7. *Басикирская, Е. Был парализован, а домой ушел сам! / Е. Басикирская // Издательский дом «Беларусь сегодня». – URL: <https://sp.sb.by/fedosenko> (дата обращения: 01.09.2025).*
8. *Усачев, О. Александр Азончик. Из батраков – в Герои Советского Союза / О. Усачев // СБ. Беларусь сегодня. – URL: <https://www.sb.by/articles/aleksandr-azonchik-iz-batrakov-v-geroi-sovetskogo-soyuza.html> (дата обращения: 03.09.2025).*
9. *Усачев, О. Живут на островах в Кудричах / О. Усачев, В. Козлович // СБ. Беларусь сегодня. – URL: <http://veski.sb.by/kudrichi> (дата обращения: 02.09.2025).*
10. *Бибиков, В. Как вчерашний школьник из деревни на Брестчине стал пулеметчиком-партизаном / В. Бибиков // СБ. Беларусь сегодня. – 2024. – 2 февр. – URL: <https://www.sb.by/articles/podvig-antonchika.html> (дата обращения: 03.09.2025).*
11. «Голубая криница» не изменит цвета // СБ. Беларусь сегодня. – 2014. – 10 июня. – URL: <https://www.sb.by/articles/golubaya-krinitsa-ne-izmenit-tsveta.html> (дата обращения: 03.09.2025).

Поступила в редакцию 24.09.2025

Леванцэвіч Лена Васільеўна
кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры беларускага
і рускага мовазнаўства
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. С. Пушкіна
г. Брэст, Беларусь;
дактарант кафедры
беларускага мовазнаўства
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Lena Levantsevich
PhD in Philology,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Belarusian and Russian Linguistics
Brest State A. S. Pushkin University
Brest, Belarus;
Doctoral Student of the Department
of Belarusian Linguistics
Minsk, Belarus
lewalena@mail.ru

МІКРАТАПОНІМ ЯК РЭПРЭЗЕНТАТАР
РЭГІЯНАЛЬНАЙ ДЫЯЛЕКТНАЙ КАРЦІНЫ СВЕТУ
(БРЭСЦКА-ПІНСКАЕ ПАЛЕССЕ)

MICROTOPONYM AS A REPRESENTATIVE
OF THE REGIONAL DIALECTAL PICTURE OF THE WORLD
(BREST-PINSK FOREST)

Мікратапонімы адлюстроўваюць светапогляд носьбітаў дыялекту, утрымліваюць этнічную, нацыянальную самасвядомасць, арыентуюць чалавека ва ўспрыманні навакольнага асяроддзя, адлюстроўваюць рэгіянальныя асаблівасці мовы, гісторыі і культуры. Вызначыць матывацыю мікратапоніма дапамагаюць і фонавыя веды, якія супрадаваджаюць найменне, акумулююць геаграфічную, гістарычную, нацыянальна-культурную інфармацыю. У артыкуле аналізуюцца мікратапонімы Брэсцка-Пінскага Палесся, якія рэпрэзентуюць сацыяльныя, гістарычныя і культурныя асаблівасці рэгіёну.

Ключавыя слова: *мікратапонім; рэгіянальная карціна свету; рэпрэзэнтация; матывацыя.*

Microtoponyms reflect the worldview of dialect speakers, contain ethnic, national identity, orient a person in the perception of the environment, reflect regional features of language, history and culture. Background knowledge that accompanies naming and accumulates geographical, historical, national-cultural information also helps to determine the motivation of the microtoponym. The article analyzes the microtoponyms of the Brest-Pinsk Polesie, which represent the social, historical and cultural features of the region.

Key words: *microtoponym; a regional picture of the world; representation; motivation.*

Даследаванне ўласных імён звязана з сацыялінгвістыкай, агульнай лінгвістykай, прагматыкай, камунікатыўнай лінгвістykай і лінгвакультуралогіяй. У рэчышчы антрапацэнтрычнай парадыгмы актуальнымі з'яўляюцца камунікатыўна-прагматычны і лінгвакультуралагічны аспекты даследавання анамастычных адзінак. У русістыцы тапонімы вывучаюцца і вывучаюцца з боку розных падыходаў: этналінгвістычнага (А. Л. Беразовіч, У. А. Вараб'ёва,

А. М. Фралова і інш.), лінгвакультуралагічнага (В. Д. Бандалетава, В. Г. Кастамараў, Я. М. Верашчагін), кагнітыўнага (М. Э. Рут, М. В. Галамідава і інш.).

Актуальнасць даследавання мікратапонімаў Брэсцка-Пінскага Палесся звязана з комплексным вывучэннем тапанімічных сістэм асобных рэгіёнаў Беларусі з улікам звестак пра іх геаграфію, гісторыю, моўныя асаблівасці. Мікратапанімічная сістэма існуе ў свядомасці носьбітаў дыялекту данага рэгіёна як складнік тапанімічнай і як частка агульной моўнай сістэмы. У насельнікаў Брэсцка-Пінскага рэгіёна склалася агульная прагматычная і кагнітыўная прастора, бо гэты рэгіён вылучаецца асаблівасцямі рэльефу, жывёльнага і расліннага свету. Праз наяўнасць значнай колькасці балот і лясоў яшчэ ў ХХ ст. Брэстчына харктарызавалася адрознай працоўнай дзейнасцю. Прасторавыя адносіны, якія перадаюцца мікратапонімамі, фарміраваліся пад уплывам абсалютызаваных і сімвалізаваных прыродных універсалій, таму мы можам гаварыць пра тапанімічную карціну свету.

У расійскім мовазнаўстве даследаванні тапанімічнай карціны свету прадстаўлены ў працах М. В. Галамідавай (ландшафтная (тапаграфічнай) карціна свету) [1], А. Л. Беразовіч (тапанімічная версія карціны свету) [2], Л. М. Дэмітрыевай (тапанімічная карціна свету) [3] і інш.

Апісаныя з пазіцыі антрапацэнтрызму і кагнітывізму мікратапонімы ваўзаемадзейнні з анамастычнай і апелятыўнай лексікай утвараюць рэгіянальную моўную карціну свету (РМКС). Пры кагнітыўным аспектце вывучэння дыялектнай мікратапанімі ўвага звяртаецца на моўную свядомасць носьбіта дыялекту, даследуецца як семантыка, так і прагматыка наймення. Кагнітыўная функцыя мікратапоніма ажыццяўляецца праз здольнасць чалавека думаць, акумуляваць веды. Кагнітыўны аспект даследавання выкарыстоўваецца ў лінгвакультуралагічным, этналінгвістычным і ўласна кагнітыўным накірунках. У іх узаемадзейнічае трывада “мова – чалавек – культура”. Мікратапонім як дыялектная моўная адзінка можа быць незразумелым носьбіту іншай гаворкі. Патлумачыць найменне, суднёсці, па магчымасці, з літаратурнай мовай дапамогуць як этымалагічныя звесткі, так і інфармацыя найперш пра фанетычныя і лексічныя, а таксама марфалагічныя асаблівасці той гаворкі, на тэрыторыі бытавання якой запісаны мікратапонім. Важна таксама ўлічваць культурна-гістарычныя традыцыі, асаблівасці ландшафту таго рэгіёна, дзе размешчаны мікрааб'ект.

Мэта артыкула – выявіць і прааналізаваць мікратапонімы, у якіх змяшчаецца фонавая інфармацыя пра гістарычныя, сацыяльныя, эканамічныя, ландшафтныя, культурныя і моўныя адметнасці Брэсцка-Пінскага Палесся.

Працэс асэнсавання носьбітамі дыялекту акаляючага асяроддзя, структурна-семантычных і камунікатыўных асаблівасцей, адметнасць фарміравання і функцыянавання наймення, кагнітыўна-прагматычная матывацыя дазваляюць выявіць сутнасць мікратапоніма як складніка РМКС. Пры даследаванні

даванні мікратапоніма як часткі РМКС структурна-сістэмна-семантычнае і камунікатыўна-прагматычнае апісанне дапаўняюць адно аднаго і выступаюць у адзінстве і ўзаемадзеянні.

Мікратапонімы разам з мянушкамі, безэквівалентнай лексікай і канцэп-тамі выражаюць светабачанне носьбіта дыялекту, змяшчаюць этнічную, нацыянальную самасвядомасць, арыентуюць чалавека ва ўспрыняцці ака-ляючага асяроддзя, адлюстроўваюць рэгіянальныя асаблівасці мовы, гісторыі і культуры. Матывацыю мікратапоніма дапамагаюць выявіць і фонавыя веды, якія суправаджаюць найменне, акумулююць геаграфічную, гістарычную, нацыянальна-культурную інфармацыю.

У мікратапонімах захаваліся як літаратурныя, так і дыялектныя назвы плямёнаў, народнасцей, якія, магчыма, былі нейкім чынам звязаны з рэгіё-нам.

Вяцічы – ‘старажытнае ўсходнеславянскае племя, якое ўвайшло ў склад рускай народнасці’. Магчыма, назва племені захавалася ў мікратапоніме *Вяцкэ* – возера (Тут і далей мікратапонімы падаюцца па слоўніку Л. В. Леванцэвіч “Мянушкі Брэстчыны: вучэбны слоўнік”) [4].

Готы – народ германскага паходжання, які адыграў значную ролю ў гісторыі вялікага перасялення народаў. У другой палове II ст. асноўная частка готаў прайшла праз балоцістую тэрыторыю Прыпяці, дасягнуўшы Чорнага мора. Верагодна, прыведзеныя мікратапонімы суадносяцца з апе-лятывам готы: *Гóцке* – луг; *Гóтное* – частка лесу; *Гóтына Погóня* – балота, якое атрымала назну ў гонар братоў, якія раней жылі на гэтым месцы; *Гóтыскы* – поле.

Жыд – ‘яўрэй’. Першыя жыды, перасяленцы з Заходняй Еўропы, паяві-ліся ў Брэсце ў сярэдзіне XIV ст. Апелітыў жыд стаў асновай для ўтварэння наступных мікратапонімаў: *Жыд* – возера; *Жыдковске* – поле; *Жы́дов Грудо́к* – урочышча; *Жы́довэ* – сенажаць; *Жы́доўка* – сенажаць; *Жы́дув Луг* – луг, дзе раней была зямля пана; *Жы́ды* – частка вёскі, дзе да вайны жылі яўрэі; *Жы́ды́вськое* – луг, на якім некалі была гаспадарка яўрэя; *Жы́ды́нне* – частка вёскі, дзе раней жылі яўрэі; *Жы́ды́ўка* – канава, якую капаў яўрэй; *Жы́дэ́цкы* *Мох* – выпас каля в. *Жыдча*; *Жы́дячэ* – урочышча, на месцы якога некалі быў маёнтак жыда ‘яўрэя’.

Ліцвін – ‘беларус з пэўнай мясцовасці’. Як адзначаецца ў этымалагічным слоўніку беларускай мовы, “этнонімы літвіны, ліцвякі ў большай ступені ад-носяцца да паўночна-заходняй Беларусі, але пашыраюцца і на ўсю Беларусь” [5]. Намі зафіксаваны наступныя мікратапонімы: *Ліцьвін* – поле; *Лытвын* – сенажаць; *Лытвынка* – поле, якое, кажуць, раней належала літоўцам; *Лытвынова* – поле; *Лытвыновка* – балота, поле; *Лытвынцы* – выпас.

Лях – ‘паляк’, ‘польскі вайсковец’. З этнонімам суадносяцца мікратапо-німы: *Лях* – поле; *Ляхівка* – поле; *Ляховатыца* – поле; *Ляховічы* – сенажаць; *Ляховка* – лес; *Ляховы́цке* – частка лесу; *Ляховычы* – хутар; сенажаць; *Ляхо-вэ́цькое Нóвое* – поле; *Ляховэ́цькое Старое* – поле; *Ляхув-Торо́к* – сенажаць; *Пыдля́шэ* – сенажаць, раней там жылі палякі.

Мазуры – ‘этнографічна група палякаў, якая насяляе паўночна-ўсходнюю частку Польшчы; продкі палабскіх славян’. Этнонім захаваўся ў мікратапонімах *Мазурка* – лес, дзе жыў паляк па мянушцы *Мазурок*; *Мáзурова* – сенажаць; *Мазуро́ва Гора́* – поле, раней тут было памешчыцкае ўладанне; *Мазурскae Уро́чышча* – урочышча.

У свядомасці кожнага носьбіта дыялекту складваецца ўяўленне пра мікрааб’ект: яго месцазнаходжанне; абставіны, пры якіх аб’ект быў вылучаны з шэрагу іншых; падзеі, якія сталі штуршком для намінацыі; умовы намінацыі; матывацыя; падзеі і людзі, якія звязаны з мікрааб’ектам і інш. Усе названыя ўмовы і прычыны намінацыі дакладна вядомыя і жывуць у памяці старэйшага пакалення вясковых жыхароў. Найменне мікрааб’екта, якое рэпрэзентуе ўсе названыя веды, атрымлівае ў навуковай літаратуры назыву “тапанімічны канцэпт”.

Носьбіты дыялектнай мовы, якія жывуць у розных рэгіёнах Беларусі, са сваімі адрознымі гістарычнымі, кліматычнымі, культурнымі, эканамічнымі і гаспадарчымі ўмовамі, маюць адрозненні лінгвістычныя.

Дзякуючы мікратапанімічным назвам, сёння можна ўзнавіць гістарычныя факты эканамічнага, сацыяльнага і палітычнага жыцця на тэрыторыі сучаснага Брэсцка-Пінскага Палесся.

У мікратапоніме *Альшáніцкі Сервітўт* (поле) захаваўся факт існавання сервітутнага права. Сервітуты пачалі фарміравацца на нашых землях у той час, калі сяляне не валодалі зямельнымі надзеламі і хатняя жывёла пасвілася на памешчыцкіх лугах. Сервітутнае права было замацавана спецыяльнымі граматамі яшчэ царскімі ўладамі. На тэрыторыі Заходняй Беларусі сервітутнае права як перажытак феадалізму ў межах аграрнай рэформы было ліквідавана пасля далучэння гэтых земляў да Польшчы. Сучасныя слоўнікі падаюць наступнае значэнне слова: ‘зямля, купленая сялянамі для агульнага карыстання’; ‘паша на панскіх угоддзях’; ‘абмежаванае права карыстацца чужой маёmacцю’.

Найменні *Асадніцкае* (поле, на якім некалі жылі асаднікі), *Осáда* (край вёскі, дзе жылі асаднікі, поле), *Осáдде* (поле) сведчаць пра існаванне асадніцкіх гаспадарак у Заходняй Беларусі. Асаднік – пасяленец у Заходняй Беларусі пры панской Польшчы. Асаднікі надзяляліся ўчасткамі зямлі пераважна ўздоўж савецка-польскай мяжы. Яны мелі зброю і выконвалі паліцэйскія і адміністрацыйныя функцыі.

Курная хата – асноўны тып жылля сялян у мінулым. Уяўляла сабой пабудову зрубнай канструкцыі з курнай печчу без коміна. Курныя хаты пачалі выцясняцца з XVIII ст. так званымі белымі хатамі з комінамі. На Палессі курная печ яшчэ зрэдку сустракалася ў вясковых хатах у пачатку XX ст. Назва захавалася ў мікратапоніме *Кúрна Хáта* – лес.

Батрак – гэта наёмы сельскагаспадарчы рабочы ў прыватнай, звычайна памешчыцкай гаспадарцы. Слова *батрак* – запазычанне з рускай ці ўкраінскай мовы, якому ў беларускай мове адпавядае *парабак*. Лінгвістычныя слоўнікі прыводзяць пераноснае размоўнае значэнне ‘пра таго, каго прыму-

шаюць выконваць чые-небудзь абавязкі, працаваць на каго-небудзь'. Пра колішняе сацыяльнае становішча беларусаў гавораць мікратапонімы *Батрак* – возера; *Батракі* – неафіцыйная назва вуліцы, на якой раней жылі батракі; *Батрацке* – поле, якое было падзелена паміж батракамі; *Батрацкі Канéц* – частка вёскі, размешчаная каля возера, раней там жылі батракі; *Батрацькое* – поле; *Батрацькы Кунéц* – частка вёскі, дзе раней доўгі час жылі батракі; *Батрышчына* – поле, на якім давалі зямлю батракам.

Палешукі здабывалі смалу, торф, руду, вапну. На Палессі яшчэ на пачатку ХХ ст. былі развіты такія промыслы і рамёствы, як бортніцтва, ганчарства, цялярства і плотніцтва.

Бортніцтва – 'прымітыўнае лясное пчалярства, здабыча мёду дзікіх пчол' – захавалася на Палессі да нашых дзён. Чалавек практычна не ўмешваеца ў жыццё пчол, таму такі мёд 100 % натуральны. Лічыцца, што бортніцтву на Беларусі больш як 1 000 гадоў. Гэты від промыслу згадваеца ў "Статуце ВКЛ": "Тежъ уставуемъ, которые мають борти свои въ пущи нашей господарской, або тежъ князской, панской земянской, которимъ обычаемъ мають бортей своихъ уживати... а хто тежъ маеть борти въ чіей пущи, бортники, которые мають уходить къ ихъ бортямъ, не мають зъ собою псовъ братии ани рогаитнъ ани жадное стрѣльбы, чимъ бы мѣль звѣру шкоду вчинити, але бортники только мають мѣти секиру а пешню, чимъ борти робити..." [6, с. 171]. З XVIII ст. бортніцтва пачало выцясняцца калодным і рамачным пчалярствам. Пра існаванне бортніцтва ў Заходнім Палессі сведчаць мікратапонімы, у асноўным назвы лесу: *Бóртні* – лес; *Бóртное* – лес, дзе збіралі мёд; *Бóртнык* – поле; *Бóрть* – лес.

Дзягцярства – выганка дзёгцю. Дзёгаць – 'цёмная густая вадкасць – прадукт сухой перагонкі драўніны, торфу, каменнага вугалю'. Дзёгаць (смала), прадукт, які ўтвараеца з цвёрдага паліва (вугаль, торф, драўніна і інш.) пры награванні яго без доступу паветра. Існуе прафесійны тэрмін *курыць дзёгаць*, што значыць займацца перагонкай бярозавай кары ў дзёгаць і попел. Месца, дзе гэта адбывалася, называлася *дзягцярня*, а чалавека, які займаўся *дзягцярствам* (выганкай дзёгцю), называлі *дзягцяр*. Сёння гэты промысел на Палессі не існуе, аднак пра яго нагадваюць мікратапанімічныя назвы: *Дехтеро́во* – сенажаць, месца, дзе некалі варылі дзёгаць з бярозавай кары для князя; *Дехтýрка* – урочышча на месцы былога хутара; частка лесу; *Дзёгаць* – урочышча, названа так, таму што ў гэтым месцы жыхары вёскі выраблялі дзёгаць.

Руда – 'прыродная мінеральная сырэвіна, якая змяшчае ў сабе металы ці іх злучэнні'. Здабыванне руды на тэрыторыі сучаснай Беларусі існавала здаўна. Да сярэдзіны XIX ст. кавалі дзейнічалі толькі там, дзе даўней выплаўлялі жалеза з руды, а таксама ў мястэчках. На тэрыторыі Брэсцка-Пінскага Палесся найбольш быў развіты рудны промысел. З апелятывам *руда* суадносяцца значная колькасць назваў дробных геаграфічных аб'ектаў: *Руда* – частка лесу; месца, дзе здабывалі руду; *Рудавка* – частка лесу; *Рудавэ* – сенажаць; *Рудзіцке* – лес; *Рудзевска* – луг; *Рудка* – поле з рудай глебай;

Рудліссе – сенажаць; *Рудлы́п’е* – поле; *Рудны́кы* – лес; *Рудны́цкы Крыж* – поле; *Рудны́ця* – луг; *Рудове* – лес, у якім, як кажуць, некалі былі запасы руды; *Рудсоснúв* – поле; *Руды* – лес; *Руды́е* – сенажаць; *Руды́ця* – поле; *Рудъко́во* – асушанае балота; *Рудэ́цька Лóтка* – сенажаць; *Подруддe* – поле, недалёка яд якога знаходзіцца балота, дзе здабывалі жалезнью руду і інш.

Смала – ‘ліпкі пахучы сок, які выдзяляеца хваёвымі і некоторымі іншымі раслінамі’, ‘цёмнае вязкае з непрыемным пахам арганічнае рэчыва, якое ўтвараеца пры сухой перагонцы дрэва’, ‘пра назойлівага, надакучлівага чалавека’. Выганка смалы была важным промыслам для многіх жыхароў Палесся. Да канца XIX ст. на Палессі існаваў старажытны ямны або майданы спосаб смолакурэння. У XX ст. майданы канчаткова былі выцеснены цаглянымі печамі ці печамі з жалезнім катлом. А. Ельскі адзначаў, што ў канцы XIX ст. у Пінскім павеце было дзве шкіпінарні, адна дзягцярня. “Смалу, дзёгаць і ў невялікай колькасці шкіпінар выганяюць у лунінскіх, столінскіх, чарвінскіх і бароўскіх лясах. Дарэчы, сяляне таксама выганяюць смалу ў ямах, якія называюцца майданамі” [7, с. 217]. Лексема *смала* стала асновай для ўтварэння наступных мікратапонімаў: *Смáлік* – сажалка, якая знаходзіцца каля смалярні; *Смаляно́е* – вялікі лес каля вёскі, дзе бралі смалу; *Смілко́во* – частка лесу; *Смілнéця* – вуліца, дзе размяшчалася смолакурня; *Смілнык* – нізіна; *Смолі́гово* – поле; *Смольны́цкі* – паша на месцы асушанага балота; *Смоловы́ Лужо́к* – поле; *Смоладёва Гора́* – паша на ўзвышшы; *Смолы́нь* – поле; *Смолянскай Баго́н* – сасновы лес, у якім рос багульнік; *Смолярна Гора́* – узвышша, дзе раней знаходзілася смалярня; *Смолярня* – месца, дзе стаіць спецыяльная печ для гонкі смалы; паляна ў лесе; урочышча; частка лесу; *Смолярскэ* – лес, дзе збиралі смалу; *Сму́лны́цке* – сасновы лес, дзе многа смалы; *Смулэнэц* – сенажаць і інш.

Майдан – ‘смалакурня, месца, дзе былі прамысловыя збудаванні лясных або рыбных промыслаў, дзе выганялі дзёгаць, выпальвалі кавальскі вугаль’, ‘яма, дзе гналі смалу’, ‘яма для дзёгцю’. Нарыхтоўка смалы, дзёгцю наладжвалася непасрэдна ў лесе, на майданах, якія ладзіліся на палянах або высечаных участках лесу. Майдан быў чатырохвугольнай формы, вакол яго размяшчаліся так званыя буды для жылля рабочых. Апелятыў *майдан* суадносіцца з найменнем *Майдан* – частка в. Кажан-Гарадка; участкак зямлі; месца ў вёсцы, дзе да вайны была смалярня; тэрыторыя на вуліцы для жывёлы; вадасховішча.

Што да ландшафтных асаблівасцей Брэсцка-Пінскага Палесся, то варта ўзгадаць існаванне, як сцвярджаюць гісторыкі, Герадотава мора, ці Сармацкага мора-возера, якое займала частку сучаснага Брэсцка-Пінскага Палесся і пазней стала балотамі. Пра яго існаванне ўскосна сведчаць паданні пра паходжанне мікратапонімаў, напрыклад: *Морочнэ* (балота): *Колісь було там морэ. Ехала царыца Катярына і ўтопыла там случайно дітя. І прокляла морэ, і сказала, шоб воно заросло травою і мхом; Азяры́ско* (балота): *Казалі, што даўней там было возера...*

Адметнасцю тэрыторыі Брэсцка-Пінскага Палесся з'яўляецца наяўнасць вялікай колькасці балот, што знайшло сваё адлюстраванне ў мікратапаніміконе. Эмпірычныя, культурныя і гістарычныя веды пра дэнататыўныя прыкметы аб'екта-балота дазваляюць выдзеліць разнастайныя харктарыстыкі, што сталі матыватарамі мікратапонімаў:

якасць і ўласцівасць: *Кыіслэ Боло́то, Вы́лас, Гáловэ, Гáлэ, Гні́лóе, Гні́лúшка, Глубо́кы́ Угол, Горо́лое, Гру́зке, Глы́нкі, Калы́, Кáльнік, Му́ляўка, Непротóчное, Обмíл, Охóджа, Памы́йніца;*

форма: *Ге́зд, Грэ́бэнь, До́вгы́й Луг, Калéнцо, Кáрпув Клын, Лапчы́ха, Нога, Нóжык;*

месцазнаходжанне: *Боло́то Вэрх, Заболо́цькэ Боло́то, Вэрховскóе, За Гáем, Задубэ́цке, Зазгорíла, Загі́р'e, Замо́шша, Около Мостка, Падамлінне;*

расліннасць: *Альшина́, Боло́то Мóшково, Ботвы́нык, Бя́роза, Дубэньскé, Дубро́ва Лúзко, Гомх, Лозá, Мох Бало́та, Осо́вське;*

жывёльны свет: *Бúські, Вовкúськое, Гúсаўка, Ершóво, Журавлёво, Кы́зье, Мúшка, Мэдве́дзёв Остров;*

паходжанне: *Азяры́ско, Азяры́шча, Копанí, Кры́ночка, Морóчнэ і інш.*

Лексічная адзінка, якая набывае статус оніма, застаецца функцыянаваць і як агульнае імя: *Ге́зді, Гектáр, Бэрóза, Бúдка, Ворóта, Вóучэ, Кручо́к, Кры́жык, Майк, Мурóг, Мэдве́дь, Ольхá, Плашч і інш.* Гэтага нельга сказаць пра мікратапонімы, утвораныя даўно, бо некаторыя лексемы, ад якіх узніклі найменні, выйшлі з актыўнага ўжытку ці з'яўляюцца архаічнымі: *Бэрца Бурды́ных, Вáжод, Влáдовы Бры́шча, Вóвча Вéрэдь, Вылятына́, Вы́чэука, Вэлýка Пругáтына, Вéрца Давы́довых, Вэрéня, Гáбішча, Дорошчовáха, Кáвыч, Кочутóк, Кошы́ра, Парагéнскэ, Пы́жын, Пля́екі, Олос, Онáнім і інш.*

Асаблівай увагі вартыя мікратапонімы, у аснове якіх ляжаць антрапонімы, найперш мянушкі ці неафіцыйныя імёны. Большасць з адмінушкавых мікратапонімаў не суадносяцца з дыялектным словам, якое існуе ў жывой народнай мове, слова выйшла з ужытку і стала архаізмам для дадзенай гаворкі: *Дыды́чышина, Гачуво́ва Стэ́пка, Гілючкóва Пóле, Гміро́ва Вúлыца, Джумáцька Горá, Дзя́убако́ва.* Адметнасць рэгіянальнага анамастыкону на-даюць мікратапонімы, утвораныя і ад неафіцыйных імёнаў. Часта ўтваральнай асновай становяцца гіпакарыстычныя формы імён ці тыя імёны, якія актыўнымі былі ў беларускім іменаслове XIX – пачатку XX стст. Сёння некаторыя з іх вяртаюцца ў афіцыйны іменаслоў, але пакуль адзінкава і ліцацца незвычайнымі, рэдкімі: *Габрусёва Ольши́нка, Возле Нікі́пора, Вы́шнэво Давы́довых, Вы́хторова Горá, Гавры́ловэ Боло́то, Гарасы́мовсъкы́ Погнýй, Гры́цова Горá, Клі́мова Нýва, Кондратоў Груд, Каля Пана́са, Парáнькіна Пóле і інш.*

Складаную семантыку выяўляюць мікратапонімы, якія рэпрэзентуюць мікрааб'ект, што змяніў сваю геаграфічную прыналежнасць. У свядомасці носьбітаў дыялекту ўтрымліваюцца анамастычныя веды пра два геаграфіч-

ныя аб'екты: *Боло́тцэ* (выпас), *Болу́то* (поле), *Бэрнікаў Ху́тар* (сенажаць), *Глыбо́кій Брід* (луг), *Гэ́люшчын Трыб* (дарога), *Задні Корчі* (поле), *Смоло́вый Лужо́к* (поле), *Смугу́рынскій Канал* (урочышча) і інш.

У адрозненні ад афіцыйных кадыфікаваных тапанімічных назваў рэпрэзентацыя рэгіянальных мікрааб'ектаў Брэсцка-Пінскага Палесся ажыццяўляеца за кошт вялікай колькасці сродкаў дыялектнай мовы як словаўтваральных, так і фанетычных: *Напрыклад*, ад апелятыва гаць ‘насціл з бярвення, галля, ламачча для праезду цераз балота ці гразкае месца’, ‘запруда для павышэння ўзроўню вады ў рацэ’ ў даследуемым рэгіёне зафіксаваны наступныя найменні: *Гáтка, Гáткі, Гатнóе, Гатóк, Гáтца, Гатчасóвское, Гáтчэ, Гáтыські, Гатъ, Гатэшча, Гáцішча, Гáцка Кúпа, Гáцково, Гаць, Гача́нка, Гáчкі, Гачкы́, Гачуко́ва Стэ́пка, Гáччэ, Гáчы, Гáчышча, Загáткы, Загáтте, Загáтье, Загáцце, Загáць, Загáцькі Лес, Загáч’е*.

Брэцка-Пінскі рэгіён вылучаеца наяўнасцю шматлікіх груп, падгруп і мікрагруп гаворак са сваімі лексічнымі, граматычнымі і асабліва фанетычнымі адрозненнямі. Зразумела, што гэта паўплывала на моўнае (гукавое) афармленне мікратапонімаў. Значнае фанетычнае вар'іраванне назіраеца асабліва ў рэалізацыі галосных гукаў у націскным і ненаціскным становішчы, у рэалізацыі цвёрдасці/мяккасці зычных, пратэтычных зычных: *Бэрóза, Беро́зова, Бэрэ́зынка, Бірэ́зник, Бэрэ́зінка, Бярэ́зіна, Беразáк, Дварóчак, Двір, Двірна Постоло́ва, Двірскэ, Двор, Дворакі, Двóрня, Двóрыска, Двóрышча, Двóрышчы, Двóрышчэ, Двыр; Кэле Пéчы, Куло Гру́да, Коло Тэнéтышч, Кай Бро́ду, Каля Бары́са; Лес Ко́за, Ліс На Го́рі; Пад Бало́тцам, Під Ву́льку, Под Вы́гары, Пуд Мажы́ластню, Пыд Ліпкáмі* і інш.

Вартаснымі не толькі для рэгіянальнага мікратапанімікона, але і для лексічнай сістэмы ў цэлым з'яўляюцца вузкамясцовыя дыялектныя словаў (рэгіяналізмы), што сталі апелятывамі для мікратапонімаў. Гэта лексемы, якія ў суседніх гаворках (вёсках) маюць іншае фанетычнае ablічча, ці словаў, якія выйшлі з актыўнага слоўніка вага запасу носьбітаў дыялекту і іх значэнне памятаюць толькі сталыя карэнныя жыхары населенага пункта: *Ло́нцэ* (ло́нцэ ‘луг’), *До́ўгая Маро́чля* (маро́чля ‘зелле’), *Гóжый Баго́н* (гóжы ‘прыгожы’, ба́гón ‘багун’), *Гомх* (гомх ‘мох’), *Лáпніца, Лапа́льня* (лáпна ‘вапна’), *Грабо́ватэ* (грабіна ‘рабіна’), *Лóмы* (лóма ‘галіна’), *Грану́чка* (гра́на ‘баразна’), *Гульшáнныи* (гульшы́на ‘вольха’), *Дэркану́ўка* (дэрканы ‘крыклівыя людзі’), *Закло́вата* (закло ‘клін, выступ, які ўразаеца ў што-небудзь’), *Кра́сны Боро́к* (бор ‘бугор’).

Рэгіянальнасць у мікратапонімах як частка дыялектнай лексікі прайўляеца не толькі на лексічным узроўні, але і фанетычным, марфалагічным і словаўтваральнym. Рэгіянальны дыялектныя сістэмай абумоўлены і дыяпазон функцыяновання, сфера ўжывання, неафіцыйнасць, малавядомасць, адсутнасць пісьмовай фіксацыі мікратапонімаў.

Мікратапонімы адлюстроўваюць рэгіянальныя духоўныя і аксіялагічныя ўяўленні; ролю тэрыторыі ў фарміраванні прасторы найменні; ландшафтныя і прыродна-кліматычныя асаблівасці Заходняга Палесся; асаблівасці

абжытасці тэрыторыі, што залежыць найперш ад геаграфічных асаблівасцей тэрыторыі і месца засялення; значныя фанетычныя дыялектныя адрозненні. У названых фактарах і заключаецца спецыфіка рэгіянальных мікратапонімаў.

Мікратапонімы, як і мянушкі і безэквівалентная лексіка, выяўляюць адметнасць жывой народнай мовы пэўнага рэгіёна. Названыя адзінкі рэпрэзентуюць моўную карціну свету носьбітаў дыялекту. Духоўныя вартасці вербалізуюцца ў намінацыі мікрааб'ектаў, вартасных для носьбітаў дыялекту; чалавечыя якасці – у мянушках; значымыя прадметы быту – у лексемах. Карціна свету пазнаецца, усведамляецца, асэнсоўваецца кожным чалавекам фрагментарна і, у нейкай ступені, адасоблена, абмежавана. Таму ўзнавіць і дакладна апісаць РМКС складана, мы можам гаварыць аб узнаўленні толькі яе асобных частак. Перадаючы асаблівасці светабачання, духоўна-практычнай дзейнасці чалавека, мікратапонімы як неад'емная частка дыялектнай лексікі дапамагаюць даць адказ на пытанне пра прадвызначанасць этнічнага светаўспрымання мовай.

ЛІТАРАТУРА

1. Голомідова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике / М. В. Голомидова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун.-т., 1998. – 232 с.
2. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е. Л. Березович. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2000. – 532 с.
3. Дмитриева, Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы. (На материале русской топонимии Алтая) / Л. М. Дмитриева. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2002. – 254 с.
4. Мянушкі Брэстчыны : вуч. слоўнік / Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна ; скл. Л. В. Леванцэвіч. – Брэст : БрДУ, 2024. – 167 с.
5. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / НАН Беларусі, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа ; укл.: В. У. Мартынаў, І. І. Лучыц-Федарэц. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – Т. 5 : К-Л. – 320 с.
6. Доўнар, Т. І. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Дрўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо. – Мінск : Тэсей, 2003. – 352 с.
7. Ельскі, А. Выбранае / А. Ельскі ; уклад. Н. Мазоўка, У. Казбераука ; пер. з польск. Н. Мазоўка, У. Казбераука, Г. Кісялёва. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2004. – 496 с.

Поступила в редакцию 26.11.2025

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.162.1

Вострыкава Алена Уладзіміраўна
кандыдат філалагічных навук,
дацэнт, дацэнт кафедры тэарэтычнага
і беларускага літаратуразнаўства
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Alena Vostrykava
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theoretical and Belarusian
Literary Studies
Belarusian State University
Minsk, Belarus
vostrikova72@mail.ru

**РАМАН-БІЯГРАФІЯ ЯНА ПАРАНДОЎСКАГА “ПЕТРАРКА”
Ў РЭЧЫШЧЫ ГІСТАРЫЧНАГА ЖАНРУ:
КУЛЬТУРНА-ГІСТАРЫЧНАЯ ПРАБЛЕМАТЫКА,
АДМЕТНАСЦІ ПАЭТЫКІ**

**JAN PARANDOWSKI'S BIOGRAPHICAL NOVEL *PETRARCH*
IN THE CONTEXT OF THE HISTORICAL GENRE:
CULTURAL AND HISTORICAL ISSUES, FEATURES OF POETICS**

У артыкуле разглядаецца раман-біяграфія “Петрарка” знакамітага польскага пісьменніка ХХ стагоддзя Яна Парандоўскага як адна з разнавіднасцей гістарычнага жанру. Вылучаюцца мастацкія рысы рамана-біяграфіі, як яны разумеюцца ў сучасным літаратуразнаўстве і суадносяцца з названым творам. Выяўляюцца спецыфіка ўвасаблення ў творы культурна-гістарычнай праблематыкі. Характарызуюцца мастацкія адметнасці, з дапамогай якіх ствараецца вобраз галоўнага героя і вобраз эпохі.

Ключавыя слова: польская літаратура; Ян Парандоўскі; раман-біяграфія; культурна-гістарычная праблематыка; паэтыка.

The article examines the biographical novel *Petrarch* by the famous Polish writer of the 20th century Jan Parandowski as one of the varieties of the historical genre. The artistic features of the biographical novel, as they are understood in modern literary criticism, are highlighted and correlated with the mentioned work. The specificity of the embodiment of cultural and historical issues in the work is revealed. The artistic features are characterized, with their help the image of the main character and the image of the era are created.

Ключавыя слова: Polish literature; Jan Parandowski; biographical novel; cultural and historical issues; poetics.

Гістарычны жанр у польскай літаратуре 1940–1980-х гг. развіваецца вельмі паспяхова. Першым этапам у вылучаным перыядзе становіцца пасляваеннае дзесяцігоддзе. Менавіта ў гэты час узімае вялікая колькасць твораў

біяграфічнага жанру розных мадыфікацый, у якіх па-рознаму спалучаюцца белетрыстычныя і дакументальныя пласты. Расійскі паланіст В. Хораў адносіць такія творы да гісторыка-біяграфічнай прозы [1, с. 122–123]. Раманізаваныя біяграфіі ў гэты час пісалі М. Яструн (“Міцкевіч”, 1949; “Сустрэча з Саламеяй”, 1951 пра Ю. Славацкага; “Паэт і прыдворны”, 1954 пра Я. Каханоўскага), Е. Брашкевіч (“Вобраз кахання”, 1950 пра Ф. Шапэна), Г. Кавальская (“Вольбарскі войт”, 1954 пра А. Ф. Маджэўскага). Ян Парандоўскі (Jan Parandowski, 1895–1978), які двойчы намініраваўся на Нобелеўскую прэмію па літаратуре ў 1957 і 1959 гг., таксама стварыў выдатныя ўзоры раманаў-біяграфій (“Кароль жыцця”, 1930 пра Оскара Уайльда; “Петрарка”, 1956). Пісьменнік быў “аўтарытэтным знаўцам антычнасці, пропагандыстам вялікіх традыцый еўрапейскага гуманізму, эрудытам і бліскучым стылістам” [1, с. 123]. Яго спецыяльнасцю былі класічная філалогія і археалогія. Ён ініцыяваў шмат перакладаў з класічных літаратур і серыю “Вялікія пісьменнікі”. Пасля Другой сусветнай вайны пісьменнік узнічальваў кафедру антычнай культуры ў Люблінскім каталіцкім універсітэце, папулярызаваў антычную міфалогію (“Міфалогія”, 1924), пераклаў раман “Дафніс і Хлоя” (1925), “Адысею” Гамэра (1953) і многія іншыя літаратурныя і гісторычныя помнікі антычнасці. Цалкам зразумелым з'яўляецца яго зварот да асобы Петраркі, якога пісьменнік характарызуе ў сваім рамане так: “Петрарка был первым из когорты великих людей, которых Ренессанс охарактеризовал как *l'uomo universale* – идеал всесторонности и полноты человеческой личности в ее способностях, стремлениях и свершениях. Этот идеал нашел позднее свое выражение в таких гигантах, как Леонардо да Винчи и Гете. Петрарка был предтечей и как бы ранним представителем этой плеяды” [2, с. 416]. Петрарка захапляўся антычнасцю і гэта таксама збліжала знакамітага італьянскага паэта з самім Я. Парандоўскім.

Мы ўпэўнены, што вышэй згаданыя раманы-біяграфіі польскіх творцаў трэба разглядаць у межах гісторычнага жанру ў літаратуры. Лічым неабходным звярнуцца да літаратуразнаўчых даследаванняў, якія ўздымаюць тэарэтычныя аспекты жанра біяграфіі як такой. Агляд эвалюцыі жанра на працягу стагоддзяў, ад антычнасці да сучаснасці, дае ў сваёй манаграфіі расійскі даследчык М. Б. Рарэнка [3]. Ён заўважае, што ў шматлікіх класіфікацыях па форме, зместу, родам жанр біяграфіі адсутнічае, хаця да вывучэння гэтага жанру звярталіся такія літаратуразнаўцы, як М. Бахцін [4], С. Аверынцаў [5], В. Барахаў [6], Ю. Лотман [7; 8] і інш., якія абмяркоўвалі праблемы вывучэння біяграфіі ў многіх аспектах. На сённяшні дзень гаворка ідзе пра існаванне такіх жанравых разнавіднасцей біяграфіі ў рамках гісторыка-біяграфічнага рамана, як уласна раман-біяграфія, аўтабіяграфія, мемуарная проза, літаратурная споведź, лісты, дзённікі, біяграфічнае эсэ, літаратурны партрэт. Пералічаныя мадыфікацыі часта аспрэчваюцца і адзінага, замацаванага погляду на жанр біяграфіі ў літаратуразнаўчай науцы пакуль не існуе.

Акрэслім тое, што прызнаеца большасцю навукоўцаў. Зразумела, што мы будзем асэнсоўваць менавіта жанр мастацкай, а не навуковай, гісторычнай альбо папулярнай біяграфіі. Так, у Літаратурнай энцыклапедыі біяграфія вызначаеца як “жанр жыццяпісу, які дае мастацкае ці навуковае асэнсаванне гісторыі жыцця асобы, накіраванае на пошук і выяўленне вытоку грамадска значнай дзейнасці чалавека ў яго індывідуальным біяграфічным досведзе” [9, с. 90]. Аўтар артыкула адзначае, што “перадумоваю стварэння біяграфіі служыць прызнанне значнасці дадзенай асобы для гісторыі, культуры, палітычнага жыцця або побыту ў нацыянальным ці сусветным маштабе. У біяграфіі падзеі жыцця героя з’яўляюцца дакументальным матэрыялам, фактаграфічным бокам; сюжэт біяграфіі, які выяўляеца і фарміруеца аўтарам з жыцця героя, складаюць дынаміка, развіццё асобы і яго заканамернасці” [Там жа]. Пагодзімся з М. Рарэнка, што “біяграфія як асаблівы жанр літаратуры на аснове фактычнага матэрыялу раскрывае карціну жыцця асона ўзятага чалавека, развіцця яго асобы ў сувязі з грамадскай рэчаіснасцю эпохі. Біяграфія, з аднаго боку, заклікана дапамагчы зразумець этапы фарміравання асобы, накірунак, харектар і працэс творчай і грамадскай дзейнасці чалавека, а з другога – выконваць ідэалагічныя задачы, на прыкладзе жыцця асобых людзей, як правіла, выбітных, фарміруваць пэўную грамадскую думку” [3, с. 8].

Жанр біяграфіі існуе з антычнасці ў творах Плутарха, Тацыта і Светонія і ўспрымаеца на мяжы гісторыяграфіі і літаратуры, паказваючы асобу, яе лёс у канкрэтна-гісторычных умовах. Біяграфія становіцца сведчаннем мінульых часоў, бо жыццё чалавека адлюстроўваеца на фоне канкрэтна-гісторычных падзей, праз прызму тагачаснай эстэтыкі, філасофіі і культуры. Усё гэта дазваляе разглядаць біяграфію як мадыфікацыю гісторычнага жанру. Пазней біяграфія існавала ў форме агіяграфічных твораў, прысвячаных пакутнікам, святым і аскетам. У эпоху Адраджэння ў цэнтры ўвагі жыццяпісаў становяцца творчыя асобы, мастакі. З’яўляюцца свецкія біяграфіі, у тым ліку звычайных людзей. Біяграфіі могуць быць упісанымі ў гісторычны дыскурс, сямейныя хронікі і існаваць як самастойныя творы. У часы Асветніцтва пісьменнікі звяртаюцца пры напісанні біяграфій да розных дакументальных і гісторычных крыніц, крытычна іх перапрацоўваюць, як гэта рабіў Вальтэр. XIX стагоддзе харектарызуеца росквітам жанру біяграфіі (В. Скот, Ч. Дзікенс). У XX стагоддзі біяграфія развіваеца ў цесным узаемадзеянні з жанрам рамана. С. Цвейг, А. Маруа, Г. Ман, Р. Ралан спрыяюць папулярнасці жанру ў еўрапейскай літаратуры. Унутраны свет асобы, псіхалагізм і псіхааналітычныя падыходы, асэнсаванне лёсай гісторычна значных персанажаў спрыяе распаўсюджанню біяграфіі ў славянскіх літаратурах, у прыватнасці, польскай, асабліва пасля Першай і Другой сусветных войнаў, паколькі ў трагічныя часы чытач шукае пакою і апірышча ў мінульым і здзейненым. Французкі пісьменнік А. Маруа зазначаў: “Пазбаўлены веры, якая б задавальняла яго, сучасны чалавек больш, чым яго продкі, патрабуе апоры, і ён свядома і мэтанакіравана шукае яе – у сваіх папярэднікаў. У іх жыццях ён спадзяеца знайсці адказы на пакутлівыя пытанні, якія ставіць перад ім жорскае механістычнае стагоддзе” [10, с. 129].

Звычайна біяграфія спалучае інфарматыўны падыход, які выконвае пазнавальную функцыю, з эстэтычным, мастацкім паказам асобы і таго часу, у які яна жыла і дзейнічала. Герой твора падаецца на фоне грамадскага, культурнага і сацыяльнага жыцця, у якія ўпісана яго прыватная гісторыя. У ХХ стагоддзі вядзеца гаворка пра так званую “новую біяграфію”. Даследчыкі і пісьменнікі ў 1920–1930-я гг. пачынаюць спрачацца пра статус жанру і схіляюцца да думкі, што гэта мастацка-літаратурны жанр, а не гістарыяграфічны. Ужо згаданы раней А. Маруа ў 1928 г. у Кембрыджы чытае даклад “Аспекты біяграфіі” і заяўляе, что жанр наблізіўся да мастацтва рамана і харкторызуеца пошукамі гістарычнай праўды, засяроджанасцю на складанасці чалавечай души, пранікненнем у жанр навуковых метадаў, якія адначасова спалучаюцца з інтуітыўнымі спосабамі пазнання [10]. У сучаснасці “старой біяграфіі” лічыцца форма дакументальнай біяграфіі, калі адсутнічае мастацкі вымысел, фантазія і эстэтычная падача і апрацоўка матэрыяла. У ХХІ стагоддзі біяграфія стала таксама адным з самых запатрабаваных жанраў масавай літаратуры.

На думку даследчыкаў, жанру сучаснага рамана-біяграфіі ўласцівы акцэнтацыя і шырокое скарыстанне пэўных мастацкіх прыёмаў: метафары, метаніміі, сінекдахі, вялікай колькасці эпітэтаў, іроніі і антытэзы [11].

Звернемся да рамана “Петрарка” Я. Парандоўскага і паспрабуем выявіць рысы рамана-біяграфіі, прадэманстраваць яго прыналежнасць гісторыка-біяграфічнаму жанру, а таксама вылучыць галоўныя адметнасці проблематыкі і паэтыкі.

Сам аўтар ў пасляслоўі да рамана падкрэслівае, што працаваў над творам болей за дзесяць гадоў. Інтарэс жа да асобы італьянскага гуманіста і захапленне яго санэтамі датуюцца больш раннімі часамі, працай ва ўніверсітэтскай бібліятэцы Вроцлава, дзе польскі творца знаёміўся з фотакопіяй Кодэкса, на старонках якога сам Petrарка рабіў свае пазнакі і запісы. Я. Парандоўскі падкрэслівае, што вывучыў многія крыніцы, уважліва ставіўся да дат. Галоўнымі сведчаннямі жыцця паэта сталі лісты Petrаркі, розныя дакументы эпохі, санеты, пераклады паэта і яго заўвагі на палях розных кніг з уласнай багатай бібліятэкі. Усё гэта прадстаўлена на старонках рамана-біяграфіі. Каментары ў творы адсутнічаюць, але мастацкі матэрыял не выклікае пытанняў сваёй падачай і кампазіцыйнай будовай. На інтэрпрэтацыю лёсу Petrаркі, адлюстраванне гісторыі Італіі, Рыма і многіх іншых італьянскіх гарадоў, на вобразы розных пісьменнікаў-сучаснікаў паэта, рэлігійных і грамадскіх дзеячоў таго часу паўплывала захапленне польскага пісьменніка антычнасцю, якая стала справай жыцця і прафесійных намаганняў Я. Парандоўскага. Раман адназначна ўпісваецца ў межы гістарычнага жанра ў тым ліку і праз ясна сформуляваную ў пасляслоўі ідэю пра звязанасць з сучаснасцю, што канцэптуальна збліжае твор з раманамі Г. Сенкевіча, Б. Пруса і іншых польскіх пісьменнікаў, якія звярталіся да гістарычнага матэрыялу не толькі для паказу падзеі мінулага, але і каб адлюстраваць сучаснасць, даць нейкі урок альбо узор, знайсці сілы выстаяць і ісці наперад у цяжкія часы.

“Создавая вымышленного героя, писатель как бы добавляет новую личность к числу граждан своей страны, а воссоздавая историческую личность, стремится сделать из нее соучастника своей эпохи <...> Петrarка никогда и нигде не был чужаком и стал неотъемлемой частью всей культуры человечества. Немногие поэты так сильно и прочно вросли в литературу всех европейских народов. Его назвали «первым человеком нового времени». И я надеюсь, что, рисуя облик Петrarки на основе исторических фактов его биографии и богатого литературного наследия, прежде всего его писем, я выполнил определенный долг. И я был бы счастлив, если б, подобно тому, как некогда говорилось: «наш друг Марон», современный читатель мог бы сказать: «наш друг Петrarка»” [2, с. 448]. Цікавай з'яўляецца тая акалічнасць, што сам Петrarка быў аўтарам зборніка жыццяпісаў ад Ромула да Цэзара “Аб слáўных мужах”, пра што згадвае польскі празаік у сваёй кнізе, і падкрэслівае, што паэту быў уласцівы гістарычны крытыцызм у дачыненні да герояў напісаных ім мастацкіх біяграфій.

Раман складаецца з сямнаццаці глаў і поўнасцю ахоплівае жыццёвы шлях італьянскага паэта ад нараджэння да смерці. Мы даведваемся пра род Петrarкі, яго бацькоў, на працягу ўсяго рамана апісваецца лёс брата паэта, Джээрарда. У творы аўтар разважае пра сямейнае паходжанне свайго героя, яго сацыяльны статус, прасочвае, наколькі ён змяняеца на працягу жыцця. Паказаны цяжкі лёс паэта, яго беднасць. Асноўны пасыл Я. Парандоўскага, тая прызма, праз якую ён глядзіць на жыццё Петrarкі: “В изгнании не благоденствуют” [2, с. 304]. Я. Парандоўскага цікавіць, як Петrarка прыходзіць у літаратуру, наступяк волі бацькі, адмовіўшыся займацца юрыспрудэнцыяй.

Важнае месца займае ўзнаўленне творчага працэсу, гісторыі стварэння і функцыянавання ў тагачасным італьянскім грамадстве твораў Петrarкі. Асобая роля адводзіцца знакамітым санэтам. Некаторыя з іх уключаны ў мастацкую тканіну рамана і падкрэсліваюць думкі героя, а таксама акцэнтуюць увагу чытача на тых ідэях, якія важныя для польскага аўтара. У сувязі з санэтамі пісьменнік шмат піша пра Лауру, паказвае праз партрэтныя харкторыстыкі яе знешні воблік, выяўляе месца ў мастацкім і асабістым лёсе Петrarкі. Мы даведваемся пра сапраўдныя гістарычныя факты: дзе са сваёй музай сустрэўся Петrarка, як яна жыла, калі памерла, як успрыняў гэта паэт, што іх збліжала. Я. Парандоўскі цытуе ўласныя слова Петrarкі, запісаныя на старонцы Кодэksа, сямейнай рэліквіі, якая дасталася яму ў спадчыну: “Лаура, известная своими добродетелями и долго прославляемая моими песнями, впервые предстала моим глазам на заре моей юности, в лето Господне 1327, утром 6 апреля, в соборе святой Клары, в Авиньоне. И в том же городе, также в апреле и также шестого дня того же месяца, в те же утренние часы в году 1348 покинул мир этот луч света, когда я случайно был в Вероне, увы! О судьбе своей не ведая. Горестная весть через письмо моего Людовико настигла меня в Парме того же года утром 19 мая” [2, с. 311]. Каханне, якое ахапіла Петrarку, было ў межах выключна візуальнага вобраза. Сапраўднымі падзеямі гісторыі кахання былі некалькі сустрэч і некалькі поглядаў. Лаура

выйшла замуж, стала жонкай і маці, з вялікім незадавальненнем ставілася да ўвагі, якая была прыцягнута да яе санетамі Петраркі. Памерла яна падчас чумы. Пасля яе смерці былі напісаны яшчэ 90 санетаў. “Чуткая, стыдливая, полная смирения любовь к личности возвышенной, недостижимой, любовь, под пеплом надежды таящая жар, которому, однако, никогда не было суждено засиять ярким пламенем, любовь эта, раскрывшаяся в весну жизни и не увидшая осенью, казалась невероятной. Скорее творением искусства, а не жизни, скорее литературным приемом, а не реальностью” [2, с. 314].

Звычаі і культура тагачаснай Італіі становяцца самастойнай часткай аповеду ў рамане. Мы аказваємся сведкамі многіх рэальных гісторычных падзеяў, звязаных з гісторыяй папства, войнамі, падзелам Італіі, чумой. Паколькі Петрарка быў падарожнікам і вандроўнікам, мала дзе заставаўся на доўгі час, то перад намі праходзіць гісторыя многіх італьянскіх гарадоў, у якіх ён жыў – Авіньёна, Пармы, Фларэнцыі, Вероны, Рыма, Падуі, Неапалія, Балонні, Венецыі. Так, напрыклад, Я. Парандоўскі апісвае Авіньён у пачатку рамана: “Город же был грязный, тесный и темный. Узкие улочки были почти лишены света из-за бесконечных балконов, галерей и многочисленных, торчащих прямо из стен вывесок постоянных домов, винных погребков, лавок, которые выставляли свои товары, где только придется. Это была огромная ярмарка, там торговали всем, что производила и поставляла тогдашняя Европа, что привозили купцы из далеких, неизвестных стран Востока” [2, с. 305]. Апісваючы гарады, польскі празаік не толькі рэканструюе тагачасны воблік, мінулае і сучаснае таго альбо іншага месца, ён звычайна акцэнтуе пэўныя праблемы. Так, у рамане ёсць асобная глава “Рым”, дзе расказваецца пра рымскі перыяд у жыцці Петраркі. Адначасова ўздымаецца тэма заняпаду вялікага горада. Петрарка становіцца першым чалавекам новага часу, чые вочы напоўніліся слязьмі пры бачанні зруйнаваных калон і пры ўспаміне забытых імёнаў. На думку Я. Парандоўскага, Петрарка стаў першым, хто разважаў пра мінулае велічных развалін і быў першым навукоўцам, які стаў вывучаць тапаграфію Рыма, заклікаць да захавання рымскай спадчыны, як матэрыяльнай, так і літаратурнай. Пра гэта ён будзе пісаць сваім уплыўовым сябрам, буйным феадалам і царкоўным саноўнікам, надзеленым уладаю.

Петрарка як асока паказаны праз эмоцыі, мары і перажывані і праз шматлікія ўнутраныя маналогі. Зразумела, што гэта інтэрпрэтацыя аўтара, але яна пасуе вобразу паэта і гарманічна спалучаецца з рэальнымі лістамі, якія займаюць асобае месца. Для Я. Парандоўскага яны сталі важнай дакументальнай крыніцай. Адначасова лісты дапамагаюць зразумець Петрарку як чалавека пэўнага складу, мысляра-гуманіста і творцу. “Желание увидеть новое погнало меня на сушу и море, а отвращение к одному и тому же и ненависть к закостенелым обычаям могли бы завести и на край света” [2, с. 319]. Аўтар уключае ў твор не толькі лісты Петраркі прыватнага характару, але часта звяртаецца да яго эпістальянай спадчыны грамадскага і афіцыйнага характару, прыводзіць ліставанне з кардыналамі, сябрамі і іншымі асобамі, напрыклад, ужо памерлымі на той час пісьменнікамі, з якімі паэт

хацеў бы пагаварыць альбо паспрачацца. У такім выпадку лісты становяцца не дакументальнай крыніцай, а мастацкім творам. Некаторыя лісты Петраркі да сяброў былі напісаны гекзаметрам, якому ён вучыўся ў Гарацыя.

Аўтар пры стварэнні вобраза Петраркі карыстаецца шырокай палітрай мастацкіх прыёмаў: гэта партрэт, унутраны маналог, дыялогі, дакументы, каментары і заўвагі Петраркі на старонках кніг з яго багатай бібліятэкі. Чытач яскрава ўсведамляе, якімі рысамі харектару вылучаўся італьянскі паэт, як ён апранаўся, што яму падабалася, куды і колькі ён падарожнічаў, што думаў і пра што марыў. “Вернувшись из Болоньи, Петрарка вместе с братом окунулся в светскую жизнь и, как он сам писал спустя много лет, «следовал скорее требованиям моды, нежели скромности и добродетели». Мы видим его среди авиньонских франтов в платье до пят, стянутом в пояс, в альмузии – пелерине с капюшоном, в епанче с широкими рукавами, в шляпе набекрень, украшенной жемчугом, цветами, перьями, даже колокольчиком; с маленьким мечом в кожаных ножнах у пояса, кошельком и приборами для письма в роговой оправе. Длинные волосы были уложены в локоны, и Петрарка вспоминает, сколько раз в течение дня приходилось их снова укладывать, чтобы не вызвать возмущения в изысканном обществе” [2, с. 309].

Асоба знакамітага гуманіста раскрываецца таксама праз сацыяльныя сувязі. Я. Парандоўскі апісвае, з кім сябраваў Петрарка, як удзельнічаў у грамадскім і сацыяльным жыцці, як ставіўся да іншых італьянскіх пісьменнікаў-сучаснікаў. У сувязі з гэтым згадаем Джавані Бакача, з якім Петрарку звязала блізкае сяброўства і шматгадовыя адносіны. Гэта таксама значны персанаж твора, якому адведзена даволі многа мастацкай прасторы ў тэксле.

Значнай часткай рамана становяцца літаратурнае жыццё таго часу і літаратурныя густы самога Петраркі. Італьянскі пісьменнік паказаны як паэт, як перакладчык, як аўтар дыялога са святым Аўгусцінам. Ён падаецца як заканадаўца новага стылю і новай формы ліставання. Шмат увагі надаецца Я. Парандоўскім лістам Цыцэрону, якія належалі Петрарцы. Некаторым лістам аўтар адводзіць да трох старонак тэксту рамана, што падкрэслівае іх значнасць.

Раскрываючы асобу слыннага паэта, раманіст шмат разважае пра канане, свабоду, рэлігію, царкву, жанчын. Складваецца ўражанне, што прыведзеныя думкі і погляды Петраркі па гэтых пытаннях супадаюць з пазіцыяй самога аўтара. Разважанні Петраркі над фразамі з Цыцэронам, яго думкі пра агіяграфію, схаластыку, тэалогію, пра канцэпцыі Арыстоцеля, ідэі Платона, пра творы Вергілія, прозу Бакачча – усё гэта дэманструе высокую культуру італьянскага гуманіста і стварае насычанае інтэлектуальнае поле рамана-біяграфіі, дзе кнігі, бібліятэкі, пошукі тых ці іншых выданняў знакамітых аўтараў, выратаванне рэдкіх тэкстаў з'яўляюцца сэнсаўтвараючым пластом мастацкага твора Я. Парандоўскага.

Акрамя гістарычных персанажаў, пісьменнікаў, грамадскіх і царкоўных дзеячоў, якія амаль усе з'яўляюцца рэальнымі асобамі, польскі белетрыст таксама апісвае звычайных жыхароў італьянскіх гарадоў. Гэта вымышленыя

персанажы, але яны не персаналізаваны. Часцей за ўсё ён піша пра масы людзей, натоўп. Ёсьць месца ў кнізе і пейзажам, хаця асноўнае месца жыцця і дзейнасці італьянскага паэта – горад. Пейзажы падаюцца ў тых главах, дзе Петrarка бавіць час на прыродзе, у вёсцы.

Такім чынам, твор дэманструе рысы рамана-біяграфіі, створанай на шырокім гістарычным фоне ў кантэксце італьянскай гісторыі XIV стагоддзя. У рамане спалучаюцца дакументальныя і мастацкія кампаненты, праўда і вымысел. Документы, скарыстаныя пісьменнікам, вельмі часта датуюцца, што паказвае даставернасць той інфармацыі, якая з'яўляецца ў рамане. Першакрыніцамі для пісьменніка становяцца лісты Петrarкі, яго санэты, пераклады з аntyчнай літаратуры, рэальныя заўвагі на палях кніг, якія захаваліся да сучаснасці. Асока Петrarкі вельмі блізкая самому Я. Парандоўскаму, які захапляўся аntyчнасцю. Петrarка таксама быў вялікім знаўцам і аматарам старажытных грэкаў і рымлян. Памёр, перакладаючы “Адысею”. Амаль не расставаўся з творамі Вергілія. Таму мы можам зрабіць выснову, што біяграфічны раман пра Петrarку быў адлюстраваннем уласных захапленняў і прыярытэтаў самога Я. Парандоўскага, быў скіраваны на набліжэнне той эпохі і яе эстэтычных, маральных, культурных прынцыпаў і каштоўнасцей сучаснікам. Кампазіцыйна твор уяўляе гістарычны летапіс жыцця Петrarкі і Італіі таго часу, а таксама гісторыі многіх італьянскіх гарадоў у лінейнай храналагічнай паслядоўнасці, без рэтраспекцыі і часавых адступленняў. Вобраз Петrarкі цэласны і шматпланавы. Яго сям'я, яго сябры, яго дзецы, партрэтныя характарыстыкі, змены знешнасці, адзенне, захапленні, вандроўкі, разважанні і прыхільнасці, літаратурныя густы і бібліятэка паэта, стаўленне да рэлігіі і царкоўных дзеячоў, яго адносіны з уладамі у розныя перыяды жыцця, матэрыяльнае становішча – усё у цэнтры ўвагі польскага пісьменніка. Твор не толькі раскрывае розныя падзеі ў жыцці паэта і тагачаснай Італіі, але і паказвае, як фарміравалася асока еўрапейскага масштабу, што ўяўляў сабой унутраны свет Петrarкі, якімі памкненнямі поўнілася яго жыццё. Вобраз атрымаўся ўсебаковым і пераканаўчым, вельмі жывым. Раман насычаны рознымі гістарычнымі і нацыянальнымі рэаліямі, майстарскі перадаецца дух эпохі італьянскага Адраджэння. Аўтар артыкула пра жанр біяграфіі В. Сабалеўская падкрэслівала, што эпоха Адраджэння вылучаеца інтэрэсам да “непаўторнага душэўна-інтэлектуальнага свету асобы і да шматпланавасці чалавечых талентаў і іх праяўленняў” [9, с. 91]. Гэта ў поўнай меры можна аднесці да рамана польскага пісьменніка і да вобраза цэнтральнага героя.

ЛІТАРАТУРА

1. История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны : в 2 т. – М. : Индрик, 1995–2001. – Т. 1 : 1945–1960 гг. / редкол.: С. В. Шерлаимова [и др.]. – 1995. – 695 с.
2. Парандовский, Я. Алхимия слова. Петrarка. Король жизни / Я. Парандовский. – М. : Правда, 1990. – 656 с.

3. *Раренко, М. Б. Биография: Эволюция и гибридизация жанра : аналит. обзор / М. Б. Раренко. – М., 2017. – 68 с.*
4. *Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М., 1975. – 504 с.*
5. *Аверинцев, С. С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра / С. С. Аверинцев. – М., 1973. – 279 с.*
6. *Барахов, В. С. Литературный портрет: Истоки, поэтика, жанр / В. С. Барахов. – Л., 1985. – 312 с.*
7. *Лотман, Ю. М. Биография – живое лицо / Ю. М. Лотман // Новый мир. – М., 1985. – № 2. – С. 228–235.*
8. *Лотман, Ю. М. Литературная биография в историко-литературном контексте / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. – Тарту, 1986. – Вып. 683. – С. 106–121.*
9. *Соболевская, О. В. Биография / О. В. Соболевская // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М., 2001. – С. 90–91.*
10. *Моруа, А. О биографии как художественном произведении / А. Моруа // Писатели Франции о литературе. – М., 1978. – С. 121–134.*
11. *Иванова, Е. А. Жанр «новой биографии» в творчестве Эмиля Людвига : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Иванова Елизавета Андреевна ; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Иваново, 2014. – 220 л.*

Поступила в редакцию 31.07.2025

Копытко Наталья Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусской филологии
и зарубежной литературы
Белорусский государственный университет
иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Natalia Kopytko
PhD in Philology,
Associate Professor of the Department
of Belarusian Philology
and Foreign Literature
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
natalia-kopytko@mail.ru

СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В РОМАНЕ ДЖ. К. ОУТС «ПРОКЛЯТЫЕ»

SYNTHESIS OF NON-FICTION AND FICTION IN J. C. OATES'S NOVEL "THE ACCURSED"

В статье рассматриваются актуальные вопросы взаимодействия факта и вымысла в современной англоязычной прозе на примере анализа романа американской писательницы Джойс Кэрол Оутс «Проклятые» (2013), в котором реальные культурно-исторические условия развития США начала XX века воссоздаются посредством готической образности, мистических мотивов и усложненной повествовательной структуры. Делается вывод о том, что автор широко использует экспрессивный потенциал псевдодокументальных форм.

Ключевые слова: *синтез; документальное; художественное; жанровый эксперимент; литература США; Джойс Кэрол Оутс.*

The article explores the topical issues of the interaction of fact and fiction in contemporary literature in English on the example of analysis of the novel *The Accursed* (2013) written by the US author Joyce Carol Oates. In this book the real cultural and historical circumstances in the development of the USA in the early 20th century are represented by means of Gothic imagery, the elements of mystery and a complex narrative structure. It is concluded that the writer makes a wide use of the expressive potential of pseudofactual forms.

Key words: *synthesis; non-fiction; fiction; genre experiment; US literature; Joyce Carol Oates.*

Современная литература все чаще обращается к художественным формам, которые объединяют элементы реальности и вымысла. Подобная тенденция обусловлена желанием писателей зафиксировать исторические события и социальные явления той или иной эпохи и осмыслить их сквозь субъективную призму художественного восприятия. Одним из ярких примеров такого синтеза является творчество североамериканской писательницы Джойс Кэрол Оутс (род. в 1938 г.), которая на протяжении десятилетий исследует границы между документальной правдой и художественным вымыслом.

Особенно примечателен в данном контексте роман писательницы «Проклятые» (*The Accursed*, 2013), действие которого разворачивается в Соединенных Штатах начала XX столетия. Он завершает обширный экспериментальный готический цикл, работу над которым Оутс начала еще в 1980 году, когда опубликовала готическую семейную сагу «Бельфлер» (*Bellefleur*). По словам самой писательницы, она стремилась создать «a highly complex structure in which individual novels (themselves complex in design, made of ‘books’) functioned as chapters or units in an immense design: America as viewed through the prismatic lens of its most popular genres» [1, p. 373].

В центре повествования романа «Проклятые» – Принстон, штат Нью-Джерси, реально существующий университетский город, населенный как персонажами, имеющими реальных исторических прототипов (среди них Вудро Вильсон, Марк Твен, Джек Лондон, Эптон Синклер и проч.), так и вымышленными, сконструированными в соответствии с определенными художественными задачами. Роман представляет собой попытку творческой реконструкции эпохи и глубокое размышление о человеческой природе, морали, социальном устройстве, власти и способах ее реализации.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов взаимодействия документального и художественного, а также их влияния на восприятие художественного текста читателем. В условиях постмодернистской культуры, где все большее значение приобретают эксперименты с формой, жанром и повествовательной структурой, анализ художественных приемов, сочетающих документальное и вымышленное, становится особенно значимым. Кроме того, роман Дж. К. Оутс – редкий пример обращения к американской истории через художественное осмысление в жанре «исторического ужаса», что также представляет научный интерес.

Синтез документального и художественного в литературе США конца XX – начала XXI века стал важным направлением, отражающим изменения в общественном сознании, культурных контекстах и литературных подходах. Этот период ознаменовался стремлением авторов исследовать реальные события и проблемы через призму художественного сознания, что способствовало появлению новых жанровых форм. Современные авторы часто создают гибридные формы, которые трудно отнести к какому-либо одному жанру. Эти произведения могут включать в себя элементы документального, художественного, а также визуальные и мультимедийные компоненты.

Синтез документального и художественного демонстрирует разнообразие подходов и форм, отражающих сложное взаимодействие между реальностью и вымыслом, которые авторы используют, чтобы глубже исследовать человеческий опыт, выражая свои мысли и чувства относительно социальных, культурных и политических вопросов. Синтез этих элементов не только обогащает литературный ландшафт, но и способствует более глубокому пониманию реальности, в которой мы живем.

Суть реализма начала XXI века определяется его превращением из направления в модель художественного творчества. Среди принципов реализического письма, получивших наибольшее развитие, исследователи называют его психологизм, историзм, философичность и документальность. В результате взаимопроникновения элементов семейного и авантюрного, научно-фантастического и политического, детективного и философского романов изменяется и их жанровая специфика. Поворот от типического к индивидуальному повлиял, например, на жанр эпопеи и определил ее пристальный интерес к субъекту. Так, в литературе второй половины XX века, когда речь идет о произведениях, где центром пересечения сюжетных линий становится индивидуальное сознание, широко используется термин «субъективная эпопея» [2, с. 117].

Высокой степенью неоднозначности отличается вектор развития творческой манеры Дж. К. Оутс. В желании писательницы максимально объективизировать изображаемую ею действительность критики видят связь ее творчества с литературой «гневных» тридцатых и называют этот период «ее духовной родиной» [3, с. 338]. Такая точка зрения представляется вполне обоснованной, поскольку ранние романы писательницы действительно характеризуются глубоким интересом к социальным проблемам американского общества. То же можно сказать и о ее прозе второго десятилетия XXI века, хотя в ней преобладающим является стремление писательницы предельно индивидуализировать субъективный опыт персонажей, переживающих личные драмы и трагедии, посредством акцентирования эмоционального компонента ценностной картины мира своих героев.

Документальная проза в контексте современной художественной литературы представляет собой сложный и многоуровневый феномен, сочетающий в себе черты фактографического и художественного повествования. Ее двойственная природа позволяет соединить достоверность документальных источников с выразительностью художественных средств. Это делает жанр уникальной формой фиксации реальных событий и средством глубокого художественного осмысления действительности, отражающим как объективную, так и субъективную реальность.

Одной из основных особенностей документальной прозы является «сочетание первичной (жизненной) и вторичной (художественной) реальности» [4, с. 17]. Даже при значительной опоре на реальные события произведение сохраняет художественную ценность благодаря авторской интерпретации, поэтической образности, метафоричности и композиционной структуре. Читатель, взаимодействующий с документальным текстом, должен учитывать условность художественного образа, что формирует особую эстетическую установку восприятия, сочетающую доверие к фактам с готовностью к интерпретации и сопереживанию.

Функции документальной прозы многообразны. Информационная функция позволяет сообщать достоверные сведения о людях, эпохах и событиях, а эмоционально-психологическая обеспечивает передачу глубинного челове-

ческого опыта, раскрывая внутренний мир личности. В центре внимания оказывается фигура автора, чья субъективная позиция, отношение к описываемому и способ подачи материала придают произведению индивидуальность и актуальность. Пространственно-временная организация, система персонажей и стилистика «формируют целостный художественный мир, в котором документальное и вымыщенное сосуществуют и взаимно дополняют друг друга» [5, с. 25].

Историческое развитие жанра в американской литературе демонстрирует его способность к адаптации и трансформации. От исторического и приключенческого романа XIX века документальная проза прошла путь к более сложным формам – романам-документам, мемуарам, романам-исповедям. Эрнест Хемингуэй, Трумэн Капоте, Норман Мейлер, Джойс Кэрол Оутс и другие авторы использовали документальные приемы как способ фиксации реальности и одновременно создания глубоко личных и художественно насыщенных миров. Их произведения служат примерами удачного синтеза фактографии и художественности. По мнению российской исследовательницы М. Туровской, «строго фактическая книга Трумэна Капоте [*In Cold Blood*] содержит в себе больше для понимания того, что можно было бы назвать типическим преступлением нашего времени, чем содержат самые изобретательные вымыслы романистов, кино- и телепостановщиков современной общедоступной криминалистики» [6, с. 130].

Роман Дж. К. Оутс «Проклятые» представляет собой уникальный пример синтеза документального и художественного начал в современной американской литературе. Будучи формально вымыщенным произведением, он включает элементы исторической хроники, псевдоархивных источников, а также реальные исторические фигуры начала XX века. В результате создается особая повествовательная структура, в которой документальная достоверность и художественный вымысел не просто сосуществуют, а активно взаимодействуют, усиливая эстетический потенциал литературного текста.

Оутс активно использует жанровые признаки готического романа, элементы психологического триллера и прием ненадежного рассказчика для переосмыслиния американской истории и культуры. Ее цель состоит не в реконструкции прошлого, а в исследовании скрытых механизмов социальных, расовых и гендерных предрассудков, которые до сих пор оказывают негативное воздействие на развитие американского общества.

Документальный компонент романа реализуется прежде всего через форму исторической хроники, якобы написанной исследователем М. У. Уинтропом. В текст произведения включены многочисленные отсылки к архивным данным, письмам, газетным публикациям и личным воспоминаниям действующих лиц. Повествователь демонстрирует стремление к научной объективности, комментирует источники, приводит цитаты и пытается установить причинно-следственные связи между событиями. Такой подход имитирует структуру исторического исследования: *My goal is not to speculate, but to reconstruct, even with the help of the most tenuous evidence* [7].

Включение в романное действие реальных исторических персонажей придает повествованию черты документальности. Их образы опираются на данные биографий, но при этом подвергаются художественной интерпретации, что создает уникальный синтез факта и вымысла. Параллельно с документальными элементами в романе активно разрабатывается художественное пространство, насыщенное мифологическими и готическими образами. Данные образы создают атмосферу тревоги и мистического ужаса, олицетворяя глубинные социальные и исторические травмы.

Призраки, демоны, одержимость, таинственные исчезновения – все эти готические парафernalии используются Оутс не ради эффектности, а как действенные художественные средства, позволяющие изобразить подсознательные страхи, чувство вины и скрытое насилие, укоренившиеся в культурной памяти американцев. Мифологизация событий позволяет автору выйти за пределы линейного времени и конкретной эпохи, придавая происходящему универсальное звучание. Художественное пространство романа становится полем сражения между реальным и сверхъестественным, с одной стороны, и между видимой респектабельностью и моральной деградацией влиятельных жителей Принстона, скрытой за фасадом цивилизованного общества, – с другой.

Авторская ирония, глубокий психологизм повествования и жанрово-стилевые особенности, характерные для литературы США начала XX века, также являются способами реализации художественного начала в данном произведении. Оутс стилизует язык романа под эдвардианскую прозу, варьирует регистры – от исторической точности до фантасмагорического повествования. При этом художественная составляющая романа не опровергает документальность, но подчеркивает ее ограниченность, указывая на то, что рациональный подход не способен передать все тонкости и полутона национального исторического опыта.

Ключевой особенностью романа является то, что документальное и художественное тесно переплетены в нем. Документальное начало вводит читателей в исторически достоверную атмосферу, формирует доверие, а художественное – подрывает это доверие, заставляя их сомневаться в правдивости описанного. Прием ненадежного рассказчика – один из основных способов такого синтеза. Невзирая на внешнюю педантичность, М. У. Уинтроп демонстрирует пристрастность, эмоциональную вовлеченность и даже самоиронию: *As a true historian, I must admit that there is nothing more questionable than memory. Especially the collective memory* [7]. Подобный конфликт между фактом и вымыслом вынуждает читателя критически воспринимать любую повествовательную форму, будь то архивные записи, хроника или художественное произведение.

Эта особенность романа позволяет Оутс дать глубокую социально-психологическую оценку того времени. Наиболее показательным в данном контексте является образ В. Вильсона – президента Принстонского университета, а затем 28-го президента США. В произведении он предстает как

высокомерный и авторитарный лидер, отстраненный от реальных человеческих проблем. Его позиция по вопросам расы и женских прав описана как предвзятая и консервативная: *He was a man whose belief in his own rightness knew no bounds, and whose inability to empathize was equally immense* [7]. В реальной истории он действительно известен своей политикой расовой сегрегации и такими неоднозначными высказываниями, как «*The purpose of these measures was to reduce the friction. It is as far as possible from being a movement against the Negroes. I sincerely believe it to be in their interest*» [8]. Оутс изображает Вильсона как символ «элитного зла» и институционального равнодушия.

Вместе с тем в повествование органично включается фигура М. Твена, который представлен как остроумный и проницательный наблюдатель, критикующий лицемерие общества: *If you don't read newspapers, you're not informed; if you do, you're misinformed* [7]. Этот образ дополняет портрет писателя как сатирика, активно выступавшего против социального и политического мракобесия. Оутс сохраняет этот критический дух, делая Твена голосом совести своего романа.

Образ Дж. Лондона построен на внутреннем противоречии: он одновременно харизматичен и агрессивен, импульсивен и склонен к самокритике: *I'd rather be ashes than dust! I would rather have my spark burned out in a bright flame than be smothered by rot* [7]. Эти слова отражают реальное кредо Лондона, написавшего: «*The function of man is to live, not to exist. I shall not waste my days trying to prolong them. I shall use my time*» [9]. В интерпретации Оутс он превращается в тип «опасного мессии», способного разрушить старый порядок, но не всегда имеющего конструктивную альтернативу.

Интересен и образ Э. Синклера: в романе он показан как искренний, но наивный идеалист, охваченный стремлением изменить мир. Его слова: *They were trying to save their souls – and who but a fool couldn't understand that all that was wrong with their souls was that they couldn't provide a decent existence for their bodies?* [7] – выражают гуманизм и критику социального неравенства. В реальной жизни Синклер писал: «“I aimed at the audience's heart, and accidentally hit it in the stomach,” commenting on the reaction to the novel “Jungle”» [10]. Опираясь на этот образ, Оутс показывает его как маргинального пророка – важного, но не услышанного.

Наряду с историческими персонажами значимую роль играют в романе и вымышленные герои. Одной из центральных фигур является Аннабель Слейд – молодая женщина, исчезнувшая в день свадьбы при таинственных обстоятельствах. В тексте она описана как символ подавленной женской сексуальности и стремления к свободе: *Annabelle, whose beauty was as dazzling as it was frightening, was gone, leaving behind only a whisper of fear and guilt* [7], образ героини апеллирует к архетипу «падшей женщины» и становится символом женской эмансипации и трагедии.

Элинор Слейд, одна из персонажей романа, представлена как решительная и умная женщина, противостоящая проклятию и тьме. В произведении она описана так: *Eleanor, with eyes full of determination, stepped into the darkness, bringing the light of reason into the abyss of fear* [7]. Ее образ можно сопоставить с женщинами-реформаторами начала XX века, например, с Элеонор Рузвельт, активно участвовавшей в общественной жизни страны.

Алиса Уиппл, другая героиня, – представительница прогрессивной части общества. Ее сострадание и стремление к социальной справедливости противопоставлены лицемерной респектабельности окружающих: *Alice, with a heart full of compassion, saw behind the façade of decency the suffering of those whom society preferred to ignore* [7]. Образ Алисы можно сравнить с героинями биографий прогрессивных женщин, таких как Джейн Аддамс.

Аделаида Берр – «матриарх» семьи, символ традиционного уклада, пытающаяся сохранить порядок в хаосе. Она показана как сильная, но сдержанная женщина: *Adelaide, holding back tears, kept the house in order, as if order could ward off the impending darkness* [7]. В ее фигуре угадывается викторианский идеал женственности, главной ценностью которого была стабильность семьи.

Сисси Уиппл, младшая сестра Алисы, воплощает образ невинности, которой грозит зло. Ее восприятие мира описано следующим образом: *Sissy, with eyes full of wonder, looked at the world that had suddenly become alien and frightening* [7]. Ее образ вызывает ассоциации с типажами детей из литературы о социальных катаклизмах – невинных и уязвимых перед лицом иррациональных сил.

Женские персонажи романа «Проклятые» представляют сложные и многогранные образы, сочетающие в себе черты исторических прототипов и литературных архетипов. Они активно вовлечены в противостояние между общественным давлением и личной свободой, между традицией и внутренней правдой. Их судьбы «help the author explore the theme of female experience in the context of history where women's voices were suppressed or distorted» [11, p. 155].

Встраивая в структуру романа реальные исторические фигуры наряду с вымышленными персонажами, Оутс достигает уникального эффекта художественного синтеза. Исторические персонажи в романе активно участвуют в развитии сюжета и символизируют определенные политические, социальные и культурные установки. Так, В. Вильсон воплощает лицемерие власти и расовый шовинизм, Дж. Лондон – опасный радикализм, М. Твен – ироническое разочарование в прогрессе, а Э. Синклер – утопический идеализм. Их образы, хотя и основаны на реальных биографиях, часто сатиричны и аллегоричны. В свою очередь, вымышленные персонажи наделены универсальными чертами, позволяющими воспринимать их как архетипы. Благодаря сочетанию реального и вымышленного роман приобретает историко-филосовскую глубину.

В романе Оутс «Проклятые» город Принстон начала XX века предстает как место, где реальность переплетается с мистикой, а внешнее благополучие скрывает глубокие социальные и нравственные проблемы. Его описание погружает читателя в атмосферу тревожного ожидания. Исчезновение Анна-бель Слейд в день ее свадьбы становится катализатором сверхъестественных событий. Принстон, до того казавшийся оплотом порядка и стабильности, погружается в иррациональный хаос: *The shadow of ancient evil fell on the Slade house, and every inhabitant felt the cold wind of the past* [7]. Оутс мастерски создает топографию тревоги, где улицы, здания и даже университетская архитектура становятся метафорами внутреннего разлада. Университетские корпуса предстают как декорации мистического и морального крушения: *Princeton's towers rose like cathedrals dedicated to knowledge and at the same time to the burial of truth. Their stone held someone else's pain like an icy bed* [7].

Особенно выразителен контраст между этим художественным образом и тем, как город описывался в реальных газетах начала XX века. Архивные материалы, включая публикации в «Princeton Press» и «Princeton Packet», формировали в общественном сознании образ стабильного и социально прогрессивного места. В статье о праздновании Дня Поминовения в мае 1905 года описывается торжественная атмосфера: процесии, декламации студентов, участие в мероприятиях местных жителей. Начавшееся в том же году строительство озера Карнеги воспринималось как символ процветания города, а прессы отмечала как архитектурные инновации, так и образовательные реформы В. Вильсона.

Сопоставление этих двух перспектив позволяет лучше понять замысел Оутс. Если газеты объявляли об устойчивом прогрессе, то роман показывает скрытую тревогу, моральную деградацию и историческую амбивалентность. Так, Принстон становится в романе ареной столкновения рационального и иррационального, прогрессивных реформ и чувства вины. *This city seemed to stand outside of time, as if nothing could change its restrained grandeur. But there was darkness everywhere. In its roots. In its basements. In its blood*, – пишет Оутс, подчеркивая, что *academic greatness cannot stifle inner demons* [7].

Автор сохраняет архитектурные и топографические детали Принстона, включая Фицрэндольфские ворота, университетские капеллы, но наполняет их символическим смыслом. Город у писательницы – это текст в тексте, представляющий критику официального нарратива, в котором нет места страха, боли и несправедливости. Контраст между реальным и вымышенным городом делает его правду более многозначной, отражающей внутреннюю историю, которая живет в коллективной памяти народа.

Таким образом, роман Дж. К. Оутс «Проклятые» представляет собой литературное произведение, где синтез документального и художественного является концептуальной основой. Посредством слияния хроники и аллегории, факта и фантазии писательница создает полифоничную структуру, позволяющую одновременно осмыслить американскую историю и подверг-

нуть ее критической оценке. Документальное в романе подвергается художественной переработке, а художественное – становится способом существования более глубокой, «экзистенциальной», правды. Такое «синтетическое» повествование оказывается особенно актуальным в современном мире, где границы между реальным и вымышенным все чаще размываются, а художественная литература продолжает выполнять важную функцию социального и нравственного ориентира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Oates, J. C. Five Prefaces / J. C. Oates // [Woman] writer: occasions and opportunities / J. C. Oates.* – N. Y. : E. P. Dutton, 1988. – P. 363–382.
2. *Зеленцова, С. В. Импрессионизм в прозе: «В поисках утраченного времени» М. Пруста и «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина / С. В. Зеленцова // Ученые записки Орловского государственного университета.* – 2015. – № 5 (86). – С. 117–119.
3. *Мулярчик, А. Оутс, Джойс Кэрол / А. Мулярчик // Писатели США. Краткие творческие биографии / сост. и общ. ред. Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалева.* – М. : Радуга, 1990. – С. 337–340.
4. *Местергази, Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Местергази Елена Георгиевна ; ИМЛИ РАН.* – М., 2008. – 50 с.
5. *Романова, С. В. Своеобразие художественно-документального метажанра в современной русскоязычной литературе Беларуси / С. В. Романова // Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* – 2020. – № 1. – С. 24–36.
6. *Туровская, М. Герои «безгеройного времени» (Заметки о неканонических жанрах) / М. Туровская.* – М. : Искусство, 1977. – 240 с.
7. *Oates, J. C. The Accursed / J. C. Oates.* – N. Y. : Ecco, 2013. – 688 p. – URL: <https://bookreadfree.com/12377/340819> (date of access: 12.08.2025).
8. *Woodrow Wilson and Race in America.* – URL: <https://www.pbs.org/wgbh/americanexperience/features/wilson-and-race-relations/> (date of access: 08.08.2025).
9. *Quote by Jack London.* – URL: <https://www.goodreads.com/quotes/346314-the-proper-function-of-man-is-to-live-not-to> (date of access: 08.08.2025).
10. *McDowell, E. Sinclair's Jungle with All Muck Restored / E. McDowell // The New York Times.* – Aug. 22. – 1988. – URL: <https://www.nytimes.com/1988/08/22/books/sinclair-s-jungle-with-all-muck-restored.html> (date of access: 08.08.2025).
11. *Showalter, E. Sister's Choice: Tradition and Change in American Women's Writing / E. Showalter.* – Oxford : Oxford Univ. Press, 1991. – 208 p.

Поступила в редакцию 02.09.2025

Минина Виктория Генриховна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории
и практики перевода
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Viktoria Minina
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of Translation
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
victoriaminina@gmail.com

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В РОМАНЕ И. МАКЬЮЭНА «МАШИНЫ КАК Я»

AXIOLOGICAL ASPECT IN I. MCEWAN'S NOVEL *MACHINES LIKE ME*

В статье анализируется роман современного британского писателя И. Макьюэна «Машины как я» в контексте литературы об искусственном интеллекте. Автор рассматривает такие философские проблемы, как сознание и самосознание, свобода воли и детерминизм, мораль и этика, жизнь в обществе, человеческие отношения, экстраполируя их на образ высокотехнологичного робота. Автор отмечает, что роман «Машины как я» – это очередное размыщление о будущем человечества, роли технологий, границах технологического прогресса, ценностях и о том, что делает человека человеком.

Ключевые слова: *И. Макьюэн; искусственный интеллект; аксиология; ценности; сознание; идентичность; свобода выбора; взаимоотношения; этичность науки; прогресс.*

The article analyses the novel *Machines Like Me* by the contemporary British writer I. McEwan in the context of literature on artificial intelligence. The author considers such philosophical problems as consciousness and self-consciousness, free will and determinism, morality and ethics, life in society, human relationships, and extrapolates them to the image of a high-tech robot. The author notes that the novel 'Machines Like Me' is another reflection on the future of humanity, the role of technology, the limits of technological progress, values and what makes a person human.

Key words: *I. McEwan; artificial intelligence; axiology; values; consciousness; identity; freedom of choice; relationships; ethics of science; progress.*

Вопросы, что такое добро и зло, красота, справедливость, святость, духовность, относятся к области аксиологии, равно как и вопрос, что делает человека человеком. Именно последний издавна волновал философов, антропологов, социологов, литературоведов и ученых из других областей. Современная литература, исследуя новые сферы человеческого существования, вновь обращается к этой проблеме, но придавая ей несколько иное прочтение.

Искусственный интеллект (ИИ) давно стал темой научной фантастики, и такие авторы, как Айзек Азимов, Филип К. Дик, Уильям Гибсон и другие, сформировали популярное представление о роботах, искусственном интеллекте и отношениях между людьми и машинами. В то время как классическая научная фантастика об искусственном интеллекте в основном посвящена описанию опасностей, часто физических, связанных с восстанием роботов

и потерей людьми контроля над технологиями, современные авторы также исследуют эмоциональные и экзистенциальные опасности взаимодействия со сложным искусственным интеллектом, который все чаще ведет себя как разумный. Современные романы об ИИ относятся скорее к литературной фантастике, чем к научной, и заставляют нас задуматься о том, что делает нас людьми – и можно ли это запрограммировать [1, с. 34; 2; 3; 4; 5].

Таким образом, современная литература, являясь отражением реальности, породила определенное количество романов об искусственном интеллекте: «Индекс страха» (*The Fear Index*, 2011) Роберта Харриса (р. 1957), «Закрытая и общая орбита» (*A Closed and Common Orbit*, 2016) Бекки Чемберс (р. 1985), «Враг» (*Foe*, 2018) Иэна Рида, «Идеальная жена» (*The Perfect Wife*, 2020) Дж. П. Делейни (р. 1962), «Удивительная Ия» (*TrooFriend*, 2020) Кёрсти Эпплбау (р. 1970), «Клара и Солнце» (*Klara and the Sun*, 2021) Кадзую Исигуро (р. 1954), «Каждая твоя линия» (*Every Line of You*, 2021) Наоми Гибсон (р. 1988), «Новая» (*The New One*, 2023) Эви Грин (р. 1971) и др.

Так, роман современного мастера тонкой психологической прозы, известного своей способностью исследовать сложные моральные дилеммы и темные стороны человеческой натуры Иэна Макьюэна (р. 1948) «Машины как я» (*Machines Like Me*, 2019), раскрывает грани взаимоотношений робота и человека.

Иэн Макьюэн – один из самых знаковых британских писателей современности. Его уникальный стиль, характеризующийся интеллектуальной строгостью, психологической глубиной и пристальным вниманием к сложным моральным вопросам, делает каждое его произведение настоящим событием в мире литературы. В своих романах писатель исследует неоднозначные этические ситуации, заставляя читателя задуматься о природе добра и зла, вины и ответственности. Проявляя интерес к науке и рациональности, И. Макьюэн часто использует в произведениях научные концепции и теории, что позволяет ему проиллюстрировать темы судьбы, случайности и свободы воли.

Роман «Машины как я» относится к жанру спекулятивной фантастики, но благодаря довольно узкому фокусу на морально неоднозначных персонажах на фоне мрачного городского пейзажа произведение также напоминает фильмы жанра нуар (их создатели убеждают в том, что нет ничего более человеческого, чем моральная непоследовательность) [6]. Роман затрагивает множество тем: сознание, роль случайности в истории, искусственный интеллект и пр. Но его главная тема – моральный выбор. В эпиграфе – цитата из стихотворения Редьярда Киплинга «Секрет машин», в котором прозорливо описана бескомпромиссность машинного разума: «Мы не созданы для того, чтобы постичь ложь». В цифровом мозге главного героя есть математическая логика, но нет морали.

Действие романа «Машины как я» происходит в альтернативной Британии 1980-х годов, в Лондоне. Ученого Алана Тьюринга не затравили до смерти из-за его гомосексуальности, как это произошло в реальности, а,

наоборот, он достигает успеха и пользуется уважением. Его новаторская работа в области искусственного интеллекта привела к целому ряду технологических прорывов, результатом чего становится самое последнее и самое дорогое устройство в сфере бытовой электроники – это *человек с правдоподобным интеллектом и внешностью, правдоподобными движениями и сменой выражения лица* [7]. Одним из первых, кто расстается с 86 000 фунтами стерлингов, становится рассказчик романа, признанный ботаник в области ИИ Чарли Френд: *Роботы, андроиды, реплики были моей страстью* [7], – сообщает он читателю. Таким образом, это история Чарли, одинокого молодого человека, который покупает одного из первых искусственно созданных людей – «Адама». Адам – невероятно реалистичный андроид, способный к обучению и развитию личности. Чарли надеется, что Адам заполнит пустоту в его жизни, но автор показывает, что поведение нового монстра Франкенштейна может быть совершенно непредсказуемым. Хоть обладателю Адама предоставлена возможность запрограммировать его на свой вкус, установив настройки *доброжелательность; экстраверсия; открытость новым впечатлениям; добросовестность; эмоциональная устойчивость* [7] по десятибалльной шкале, это отнюдь не гарантирует четкую и понятную линию поведения самообучающегося робота.

Роман начинается довольно высокопарно: в первом пассаже звучит вызов религии, этике, самому Создателю. Это гимн самовлюбленного и самодовольного человечества: *Это было чаянием религиозного порядка, святым граалем науки. Наши амбиции простирались везде и всюду – претворить в жизнь миф о сотворении через чудовищный акт себялюбия. Как только это стало возможным, мы не могли не поддаться такому соблазну – и будь что будет. Выражаясь возвышенным слогом, мы вознамерились избегнуть смертности, бросить вызов или даже заместить Бога-творца, создав собственное идеальное подобие. Говоря приземленнее, мы задались целью разработать улучшенную, обновленную версию самих себя и, достигнув в этом мастерства, возликовать в изобретательском экстазе. Наконец-то на закате двадцатого века был сделан первый шаг на пути исполнения древней мечты и положено начало долгого урока, который мы должны будем усвоить, состоящего в том, что при всей нашей неоднозначности и ущербности, при всех сложностях описания даже наших простейших действий и способов бытия мы поддаемся имитации и улучшению* [7]. Но в этих строках одновременно читается и авторский сарказм, и предзнаменование того, как будут развиваться события в романе. В неестественности обстановки, описанной фразой *обнаженный Адам сидел с закрытыми глазами за моим крошечным кухонным столом, и из пупка у него выходил черный шнур, подключенный к стенной розетке мощностью в тринадцать ампер* [7], М. Теру видит предвестие непростых и малоприятных поворотов сюжета романа [6].

К основным темам произведения можно отнести *любовь и отношения* (Чарли, Адам и Миранда – соседка Чарли – оказываются в сложном любовном треугольнике; в романе исследуется природа любви, ревности и непростых человеческих отношений, осложненных появлением искусственного интеллекта), *альтернативную историю* (автор создает альтернативный мир, где развитие технологий пошло по другому пути, и рассматривает, как это повлияло на общество и отдельных людей), *искусственный интеллект и этические вопросы* (затрагиваются проблема границ между человеческим и искусственным, вопросы о природе сознания, свободе воли и моральной ответственности за действия искусственного интеллекта), *человечность и что делает человека человеком* (писатель поднимает вопрос о том, что значит быть человеком, и подчеркивает важность эмпатии, сочувствия и способности к самоанализу).

Вопрос о том, что делает человека человеком, является одним из центральных в философии. На протяжении веков мыслители предлагали различные ответы. Немецкий философ М. Шеллер утверждал: «То, что делает человека человека, есть принцип, противоположный всей жизни вообще, он как таковой вообще несводим к “естественнной эволюции жизни”, и если его к чему-то и можно возвести, то только к самой высшей основе вещей – к той основе, частной манифестацией которой является и “жизнь”» (цит. по [8]). Основой человеческого существования выступает дух, который в упрощенной трактовке состоит из разума, мышления, созерцания, эмоциональных и волевых актов, таких как доброта, любовь, раскаяние, почитание и пр. [8]. Таким образом, с целью дальнейшего использования для анализа литературного текста можно обобщить, что философская интерпретация проблемы человечности сводится к нижеприведенным постулатам.

Во-первых, это разум и самосознание, т.е. способность мыслить логически, рассуждать и делать выводы (Аристотель называл человека «разумным животным»), с одной стороны, и осознание себя как личности, своих мыслей (Декарт «Я мыслю, следовательно, я существую»), эмоций, устремлений, места человека в мире и истории – с другой. Более того, человек способен использовать язык для выражения мыслей, эмоций, ценностных ориентиров, передачи накопленного опыта, создания чего-то нового.

Во-вторых, речь идет о морали и свободе. Под моралью и этикой имеют в виду способность человека различать добро и зло и нести ответственность за свои поступки (И. Кант видел в морали основу человечности). Свобода есть способность человека делать выбор, который не предопределен внешними факторами или инстинктами.

В-третьих, человек немыслим вне общества и культуры. Еще Аристотель называл человека «политическим животным». Так, человек – существо социальное, ему необходимо жить в обществе, коммуницировать с себе подобными, творить и развиваться.

И наконец, четвертое, это духовность и трансцендентность. Человек постоянно ищет смысл жизни, стремится обрести свое место в мире, наделить свое существование некой осмыслинностью. Это может быть связано с

наличием религиозности либо ее отсутствием – в любом случае данный аспект предполагает наличие веры во что-то: сверхъестественное, божественное, духовное начало и т.д.

Естественно, не существует универсального ответа на вопрос о человечности. Ученые продолжают спорить о том, что делает нас людьми. Современные технологии, такие как искусственный интеллект, генетика, виртуальная реальность, бросают новые вызовы нашему пониманию человеческой природы. На этот вопрос дает свой ответ и И. Макьюэн. Автор использует ясный, лаконичный язык, избегая излишней сентиментальности. Его проза отличается вниманием к деталям и тонким психологическим наблюдениям.

Российский литературовед Р. А. Файзуллина рассматривает роман «Машины как я» в рамках концепции трансгуманизма, выявляя отличия от предшествующей литературной традиции освещения проблемы взаимоотношения творца и его создания (ср. роман «Франкенштейн, или Современный Прометей» М. Шелли (1818), роман «Остров доктора Моро» Г. Уэллса (1896) и др.). Исследовательница отмечает, что И. Макьюэн демонстрирует проблему «человекоподобия» и «искусственности» в новом ключе – «через отношение пользователя и изобретения, описывая более сложные моральные трудности. Проблематика романа переплетена с проблемами потребительского общества и утилитаризмом, с потребительским отношением к окружающей действительности и Другому» [9, с. 75–76].

Мы обратимся к роману в аксиологическом ключе, сфокусировавшись на вопросе, что делает человека человеком в контексте появления искусственного интеллекта. Отправными точками анализа явились сознание и самосознание, свобода воли и детерминизм, мораль и этика, жизнь в обществе, человеческие отношения. Автор ставит под сомнение традиционное определение человечности, противопоставляя сознание, эмоции и свободу выбора андроида Адама ограниченности и несовершенству человеческого существования.

Андроид Адам демонстрирует способность к сложному мышлению и даже творчеству (*В рекламе его преподносили как компаньона, партнера по интеллектуальным баталиям, друга и личного помощника, который мог мыть посуду, заправлять постель и «думать». Каждый миг своего существования он записывал все, что слышал и видел, и мог использовать эти данные. Однако ему не разрешалось водить автомобиль, плавать и принимать душ или находиться под дождем без зонта, а также работать с цепной пилой без присмотра. Что касается продолжительности работы, то – спасибо превосходным аккумуляторным батареям – он мог пробегать до семнадцати километров за два часа без подзарядки или, в виде эквивалента энергозатрат, вести общение в течение двенадцати дней. Жизненный цикл Адама составлял двадцать лет. У него была аккуратная фигура, угловатые плечи, смуглая кожа и густые темные волосы, зачесанные назад; узкое лицо с чуть крючковатым носом, как бы намекавшим на острый ум, задумчивые глаза под тяжелыми веками и плотно сжатые губы, цвет ко-*

торых менялся на наших глазах от трупного изжелта-белого до насыщенного телесного, а уголки рта словно чуть расслаблялись [7]). Адам даже пишет стихи. Вот его прощальное стихотворение в жанре хайку: *Листва спадает. / Весной мы возродимся, / Но, увы, не ты* [7]. Эти аспекты ставят перед читателем вопрос: является ли его сознание результатом сложного программирования или он обладает подлинной свободой воли? Как пишет Р. А. Файзуллина, И. Макьюэн «задумывается о том, является ли машинное сознание вымыслом» [9, с. 75]. В одной из сцен романа Адам говорит: *Я увлекся размышлениями. Я думал о религии и жизни после смерти / те, кто верит в посмертную жизнь, никогда не будут разочарованы* [7]. Более того, Адам способен испытывать эмоции, подобные человеческим: он влюбляется, ревнует, выражает негодование и злость, счастье и радость, удивление и восхищение, грусть и сожаление; у него обостренное чувство справедливости. Вновь автор заставляет читателя задуматься, насколько эти эмоции «реальны» и отличаются ли они от человеческих. Автор наделяет Адама неким подобием «самосознания». Робот задается с вопросом о своей идентичности, размышляет над тем, он машина или что-то большее.

Изначально Чарли намеренно подчеркивает, что Адам всего-навсего робот, но читателя поражает, насколько его сделали похожим на человека: реакции, повадки, мимика, движения (*Я наклонился и выдернул провод из его пупка; Адам даже не поморщился. Его точеное, скульптурное лицо ничего не выражало. Не более чем вилочный автопогрузчик со стопкой поддонов. Но в нем включилась какая-то логическая схема или совокупность схем, он прошептал: «Спасибо». И сопроводил сказанное выразительным кивком. Он присел, положил одежду на стол и взял сверху свитер. После недолгой паузы развернул его, расправил на столе грудью вниз, засунул внутрь правую руку, вплоть до плеча, затем левую, и путем сложных мускульных манипуляций надел на себя и отправил руками до талии. <...> Адам распаковал носки и, не вставая, натянул их. Его движения были предельно точны. Ни малейшего колебания, никаких сложностей с определением расстояния. Он встал, взял боксерские трусы и, опустив их пониже, просунул в них ноги и надел, как положено. Так же проворно надел джинсы, застегнув молнию и пуговицу одним плавным движением. Затем сел, всунул ноги в кеды и завязал шнурки узлом с двумя петельками – все это он проделал со скоростью, невероятной для человека. Но я и не считал его человеком. Адам представлял собой триумф инженерии и программного обеспечения: шедевр человеческой изобретательности* [7]). Тем самым И. Макьюэн исследует волнующий современных писателей-проридцев вопрос прав и свобод искусственного интеллекта в мире, где все больше размываются границы между человеком и машиной. Способность Адама к самоанализу, эмоциональному отклику и самостоятельному принятию решений заставляет читателя задуматься о том, заслуживает ли он такого же уважения и достоинства, как и любой человек.

Что касается свободы воли и детерминизма, то Адам, будучи машиной, естественно запрограммирован на определенные действия, что может ставить под сомнение его свободу воли. Но иногда он ведет себя так, словно решения продиктованы его собственным выбором (*Я отметил также, как он уступил дорогу женщине с коляской перед тем местом, где тротуар сужался между деревом и стеной сада. Когда мы подходили к магазинчику, он неожиданно сказал: – Хорошо так пройтись; Адам как будто осознал важность такого качества, как скрытность [7]*). Тем самым роман поднимает вопрос о том, насколько наш собственный выбор обусловлены генетикой, воспитанием и социальными нормами, и в чем заключается истинное значение свободы. Герои романа, Чарли и Миранда, договорились, что вместе установят настройки для Адама. Но в результате, как и в реальной жизни, какие-то качества робота оказываются предустановленными, а чему-то он учится в процессе социализации: *полученное им психическое наследство, как и у людей, в значительной степени перекрывалось его способностью к обучению. Пожалуй, в нем проявлялась моя склонность к бесцельному умствованию. А также некоторая скрытность и самообладание,ственные Миранде, как и ее склонность к уединению. Нередко он погружался в себя, что-то бормоча или восклицая: «Ага!» После чего озвучивал то, что считал важным открытием. Вроде прерванного мной замечания о посмертной жизни [7]*. Роботы, прожив какое-то время в обществе людей и увидев пороки, несовершенства человека, его жестокость и ложь, начинают совершать самоубийства. Самоубийство в контексте фабулы романа может рассматриваться как проявление свободы воли машин с искусственным интеллектом, это их осознанный выбор, их протест против реальности, в которой они вынужденно оказались. Тем самым автор иллюстрирует, что искусственный интеллект способен обрести нечто весьма похожее на самосознание и/или идентичность.

Темы морали и этики выливаются в рассуждения об ответственности. Неизбежно возникает вопрос об ответственности за действия робота Адама: кто именно должен нести за них ответственность: создатели Адама, его владельцы или сам робот. Вместе с этим И. Макьюэн поднимает непростой вопрос, которым задаются многие авторы, пишущие об искусственном интеллекте (К. Исигуро, К. Эпплбаум), – это права искусственного интеллекта. Речь идет о том, стоит ли искусственному интеллекту предоставлять те же права, что и людям, и что произойдет, если их наделить такими правами. В романе, как и в других произведениях этой же тематики, четко читается предупреждение об опасности безответственного использования технологий и потенциальной угрозе, которой неконтролируемый искусственный интеллект может стать для человечества. Тем самым И. Макьюэн заставляет задуматься о необходимости выработки четких правил либо принятия законов, регламентирующих процесс взаимодействия человека и искусственного интеллекта, это поможет избежать непредсказуемых последствий.

Роман также повествует о моральных дилеммах, связанных с взаимодействием с искусственным интеллектом. Например, этично ли использовать Адама в личных целях, этично ли, «приручив» его, впоследствии предать. Р. А. Файзуллина отмечает, что «Чарли хочет, чтобы Адам служил его интересам, и пытается использовать все его “полезные функции”, Адам же сопротивляется этому, позиционируя себя как отдельную и независимую личность, не давая возможности Чарли себя объективизировать» [9, с. 78]. Адам стремится к независимости от Чарли и «бунтует» против него.

Присутствие Адама в обществе, казалось бы, должно бросать вызов устоявшимся социальным нормам (он – *венец индустрии развлечений, воплощенная мечта веков, триумф гуманизма или же его ангел смерти* [7]), но в большинстве своем люди никак на него не реагируют, он выглядит слишком похожим на них, ведет себя точно так же, как они. Известно, что человека делает человеком его взаимодействие с обществом, с другими людьми, так и Адам, если что-то не было в нем изначально запрограммировано, быстро учится у окружающих.

Также в романе показано, как появление Адама создает любовный треугольник между ним, Чарли и Мирандой – Миранда изменяет Чарли с Адамом. Если для нее это ничего не значит (он не более чем машина для наслаждения и она это сделала из любопытства), то Чарли расстроен и зол. Он заявляет, что *если он [Адам] выглядит, и говорит, и ведет себя как личность, стало быть, он и есть личность* [7]. Однажды Адам признается Чарли, что влюблен в Миранду. На ехидной комментарий Чарли, как он, будучи машиной, может кого-то любить, робот отвечает: *Прошу, не оскорбляй меня. <...> я не могу не любить ее. И не хочу останавливаться. Как сказал Шопенгауэр о свободе воли, ты волен выбирать все, что пожелаешь, но ты не волен выбирать своих желаний* [7]. Когда после этого признания Чарли решает отключить Адама, тот в гневе ломает Чарли руку – ни на любовь, ни на ревность и гнев он точно не был запрограммирован разработчиками. После этого события Адам, с одной стороны, сожалеет, что причинил такую боль своему, как он говорит, другу, но, с другой стороны, обещает в следующий раз поступить еще более жестко. Вот его слова: *Мы любим одну женщину. И можем говорить об этом цивилизованно, как ты сейчас говорил. Что убеждает меня в том, что мы преодолели тот этап в нашей дружбе, когда один из нас имеет власть приостанавливать сознание другого. <...> Вы с Мирандой мои старейшие друзья. Я люблю вас обоих. Мой долг быть открытым и бережным с вами. Я выражая это, когда говорю, как сожалею, что сломал кусочек тебя прошлой ночью. Я обещаю, что такого больше никогда не повторится. Но в следующий раз, когда ты потянешься к моему выключателю, я буду нескованно рад вырвать тебе руку целиком, в шаровидном составе* [7]. В более широком смысле эти сцены показывают, как искусственный интеллект может влиять на судьбы людей, однако возникает вопрос «Может ли андроид стать настоящим партнером».

ром или он всегда будет оставаться “другим”?». Так, И. Макьюэн исследует темы ревности, доверия, верности и предательства в контексте отношений, где один из участников – высокоразвитый искусственный интеллект.

Роман «Машины как я» предлагает глубокое размышление о роли технологий в нашей жизни, побуждая нас к переосмыслению собственных ценностей и представлений о человечности, заставляет задуматься о будущем, где искусственный интеллект может занять прочное место рядом с человеком, и о том, как нам подготовиться к этому новому миру.

Исследовательница Р. А. Файзуллина справедливо отмечает, что в художественной литературе XXI века совершенство науки рассматривается как вызов для гуманитарной сферы. Наступила эпоха трансгуманистической проблематики в литературе: многие мастера слова задумываются о том, как человечество будет существовать в новых условиях, когда главные герои – это роботы или модифицированные люди (постлюди), «которые становятся равноправными субъектами взаимодействия с «обычными» людьми. Таким образом, трансгуманистическая проблематика побуждает авторов литературных произведений пытаться проникать в сознание андроидов, анализировать их «психологию», ставить в центр повествования этот новый для человека тип Другого – ни национального, ни гендерного, ни монструозного, а именно «машинного» Другого» [9, с. 75–76]. Благодаря использованию образов человекоподобных роботов авторы затрагивают проблему совершенства и несовершенства человеческой природы, расширяя тем самым проблематику трансгуманизма и постчеловека. В этой связи можно говорить о том, что, как и во многих других случаях, художественная литература предваряет науку.

Подводя итог, отметим, что современные романы об искусственном интеллекте выходят за рамки историй о машинах и технологиях – они исследуют темы идентичности, сознания и морали, заставляя читателей пересмотреть границы своего бытия и поднять завесу тайны над возможными взаимоотношениями между людьми и искусственными существами. Их авторы анализируют проблему, что значит быть человеком в мире, в котором ИИ начинает играть важную роль. Подобные произведения заостряют глубинные страхи, надежды и этические проблемы человека, связанные с искусственным интеллектом. В силу того, что на данном этапе границы между человеческим и машинным интеллектом становятся все более размытыми, романы об искусственном интеллекте представляют собой отправную точку для размышлений об этических, эмоциональных и социальных последствиях использования ИИ, об ответственности создателей и пользователей, о природе существования человека в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Илунина, А. А. Интертекстуальные связи романа Жженет Уинтерсон “Frankissstein” и романа Мери Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» / А. А. Илунина // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – 2021. – № 1 (110). – С. 34–42.

2. *McBride, C.* Novels That Predicted Our Unease With AI Chatbots / C. McBride. – URL: <https://www.nypl.org/blog/2023/03/06/5-novels-predicted-our-unease-ai-chatbots> (data of access : 25.10.2024).
3. *Scott, A. O.* Literature Under the Spell of AI. What happens when writers embrace artificial intelligence as their muse? / A. O. Scott // New York Times. – 2023. – Dec. 23. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/12/27/books/review/writers-artificial-intelligence-inspiration.html> (date of access : 14.03.2024).
4. Exploring the Rise of AI in Contemporary Sci-Fi Literature and Film // Science Fiction World. – URL: <https://www.sciencefictionworld.com/articles/exploring-the-rise-of-ai-in-contemporary-sci-fi-literature-and-film> (date of access : 14.03.2024).
5. It is a beast that needs to be tamed: leading novelists on how AI could rewrite the future. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2023/nov/11/chatgpt-needs-to-be-tamed-bernardine-evaristo-jeanette-winterson-put-ai-to-the-test> (date of access : 15.10.2024).
6. *Theroux, M.* Machines Like Me by Ian McEwan review – intelligent mischief / M. Theroux. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2019/apr/11/machines-like-me-by-ian-mcewan-review> (date of access: 17.11.2024).
7. *Макьюэн, И.* Машины как я / И. Макьюэн. – URL: <https://flibusta.is/b/564291/read> (дата обращения: 14.04.2025).
8. *Тронина, Л. А.* Сущность человека в концепциях философов-экзистенциалистов / Л. А. Тронина // Научная мысль Кавказа. – 2009. – № 1 (57). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-cheloveka-v-kontseptsiyah-filosofov-ekzistentsialistov> (дата обращения: 16.05.2024).
9. *Файзуллина, Р. А.* «Машины как я» Иэна Макьюэна в контексте трансгуманистического дискурса / Р. А. Файзуллина // ФИЛОLOGOS. – 2021. – № 1(48). – С. 74–80.

Поступила в редакцию 02.04.2025

Романюк Михаил Владимирович
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина
г. Брест, Беларусь

Mikhail Ramaniuk
PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of English Philology
Brest State A. S. Pushkin University
Brest, Belarus
mikhail.ramaniuk@mail.ru

ФОРМЫ И ПРИЕМЫ КОМИЧЕСКОГО
В РОМАНЕ ХИЛАРИ МАНТЕЛ «ВУЛФХОЛЛ»

FORMS AND DEVICES OF THE COMIC
IN HILARY MANTEL'S NOVEL *WOLF HALL*

В статье рассматривается роль комического в историческом романе Хилари Мантел «Вулфхолл». Исследуются особенности использования юмора и сатиры для характеристики персонажей, критики общественных институтов и интерпретации исторических событий через восприятие главного героя Томаса Кромвеля. Особое внимание уделяется приемам создания комического: иронии, обнажению контраста, несоответствию поведения героя его социальному статусу, неожиданному сближению разных понятий и дискурсов, игре слов.

Ключевые слова: *Хилари Мантел; комическое; юмор; сатира; ирония; сарказм.*

The article examines the role of the comic in Hilary Mantel's historical novel *Wolf Hall*. It explores the use of humor and satire in character development, critique of social institutions, and interpretation of historical events through the perspective of the main character Thomas Cromwell. Special attention is given to the devices used to create comic effects: irony, the exposure of contrasts, the mismatch between the character's behavior and his social status, unexpected juxtapositions of concepts and discourses, wordplay.

Ключевые слова: *Hilary Mantel; the comic; humor; satire; irony; sarcasm.*

Исторический роман «Вулфхолл» британской писательницы Хилари Мантел является первым в трилогии о Томасе Кромвеле, значимом деятеле реформации в Англии. Описываемый в трилогии период охватывает несколько лет правления Генриха VIII, начиная с бракоразводного процесса короля и Екатерины Арагонской и заканчивая казнью главного героя Томаса Кромвеля. Наряду с высокой исторической достоверностью для романа «Вулфхолл» характерно оригинальное видение описываемых событий, которое во многом достигается благодаря широкому использованию приема потока сознания, представляющего точку зрения Томаса Кромвеля. Такой способ повествования способствует как высокой степени психологизма произведения, так и ярко выраженной субъективности при интерпретации исторических фактов и разделении персонажей на положительных и отрицательных. Глубокое погружение в тюдоровскую эпоху и попытка детального раскрытия

в данном контексте личности Томаса Кромвеля закономерно вызвали широкий читательский интерес, учитывая, что, с одной стороны, этот человек благодаря незаурядным способностям оказал колоссальное влияние на историю Англии, а с другой стороны, он известен как неоднозначная и загадочная фигура, которой прежде такого пристального внимания в художественной литературе не уделялось. Неслучайно «Вулфхолл» вызвал благоприятные отклики у критиков и был удостоен ряда наград, самой престижной из которых является Букеровская премия. Еще одной важной причиной высоких оценок и популярности романа «Вулфхолл» является обилие разнообразных приемов создания комического, которые задействуются в произведении для создания образов персонажей, критики различных общественных институтов, высмеивания аристократии.

Хотя комическое характерно для всей трилогии о Томасе Кромвеле, в романах оно представлено неравномерно. Первая часть «Вулфхолл» отличается широким применением как юмора, так и сатиры; во втором романе «Ведите обвиняемых» Х. Мантел обращается преимущественно к сатире; в заключительной книге «Зеркало и свет» писательница существенно сократила использование комического. Как одна из ключевых характеристик индивидуального авторского стиля Х. Мантел, комическое нуждается в научном анализе и систематизации, поэтому роман «Вулфхолл» представляется в этом плане особенно репрезентативным объектом исследования.

В данной статье комическое рассматривается как демонстрация рассогласования между различными сторонами объекта, приводящая к снижению значимости этого объекта [1, с. 10–11]. Комическое может быть реализовано в форме юмора и сатиры при помощи разнообразных приемов. Анализ работ Ю. Б. Борева [2, с. 83–84, 98–99], Б. Дземидока [3, с. 98–102], В. Я. Проппа [4, с. 155–161] и других исследователей позволяет заключить, что формы комического различаются тем, что юмор выражает положительное отношение к приемлемому объекту или явлению, в то время как сатира характеризуется более агрессивным отношением к опасным объектам и недопустимым явлениям. Приемы комического – это способы обнажения противоречий и несоответствий внутри объекта высмеивания, которые могут включать иронию, несоответствие формы и содержания, неожиданное сближение разнородных понятий и т. п. В работах Б. Дземидока и А. Н. Лука представлена богатая палитра наиболее распространенных приемов создания комического [3, с. 66–88; 5, с. 76–103]. Тем не менее исчерпывающую систему таких приемов разработать невозможно и нецелесообразно, так как динамика литературного процесса постоянно порождает новые способы выражения комического.

В романе «Вулфхолл» выбор формы комического во многом обусловлен спецификой повествования, в котором, как отмечает Б. М. Проскурнин, предпринимается попытка передать не столько исторические события, сколько их

восприятие Т. Кромвелем [6, с. 80]. Поэтому юмор в романе обычно используется при изображении людей и явлений, к которым именно главный герой относится положительно, в то время как сатира отражает его отрицательное отношение к объектам высмеивания.

Один из ключевых персонажей романа кардинал Вулси становится для главного героя близким человеком – покровителем и наставником. По этой причине кардинал представлен в повествовании как положительный герой и применение комического при демонстрации его недостатков осуществляется преимущественно через юмор. Создавая образ Вулси, Х. Мантел применяет ряд комических приемов, которые основаны на обнажении внутренних противоречий героя и отражают сложность и многогранность личности этого персонажа. Будучи одним из самых влиятельных людей в Англии, кардинал не во всех вопросах оказывается одинаково компетентным. В тексте подчеркиваются образованность и одаренность Вулси, позволяющие ему мыслить глобально, однако высмеивается его полная неспособность решать формальные вопросы. В следующем примере эта слабость демонстрируется через комическое при помощи сравнения: *The cardinal ... cannot quite accept that real property cannot be changed into money with the same speed and ease with which he changes a wafer into the body of Christ*¹ [7, с. 20–21]. Углубление в вопросы земельного законодательства утомительно для кардинала, и он в юмористической форме делегирует Т. Кромвелью юридические заботы: *Thomas, what can I give you, to persuade you never to mention this to me again?*² [7, с. 21].

В комичном свете представлены эгоцентризм и самовлюбленность кардинала, которые реализуются через неожиданное использование повтора в таких фразах, как *Wolsey cannot imagine a world without Wolsey*³ [7, с. 86], *The all-consuming passion of Wolsey for Wolsey*⁴ [7, с. 572].

Вулси отличается непомерным гедонизмом, что проявляется в его стремлении к роскоши. Иногда его запросы принимают гротескный масштаб. Так, в тексте упоминается, что кардинал очень любил турецкие ковры и однажды дож прислал ему шестьдесят штук [7, с. 227–228]. Из этого факта следует, что в реальности ковров у Вулси было намного больше.

Несомненно, такой образ жизни рассогласуется с христианскими ценностями, согласно которым истинной добродетелью является скромность. Сам кардинал осознает, что его поведение противоречит занимаемому положению в обществе, и комментирует это с самоиронией: *I abhor your skeletal prelate. It makes the rest of us look bad. One looks ... corporeal*⁵ [7, с. 144].

¹ 'Кардинал ... не понимает, почему не может превратить недвижимость в деньги так же легко и быстро, как преворяет облатку в тело Христово' [8, с. 25].

² 'Томас, что мне вам дать, чтобы никогда больше про это не слышать?' [8, с. 25].

³ 'Вулси не может представить мира без Вулси' [8, с. 82].

⁴ 'Всепоглощающая любовь Вулси к Вулси' [8, с. 516].

⁵ 'Ненавижу тощих прелатов. Рядом с ними мы, остальные, выглядим такими земными!' [8, с. 133].

Обнажение несоответствия между поведением Вулси и его социальным статусом является эффективным комическим приемом, неоднократно применяемым для раскрытия образа кардинала. Вулси в большей степени политик, чем священник, и это проявляется в гибкости его взглядов на религиозные вопросы.

Политические замыслы кардинала неразрывно связаны с делами церковными: он молится, чтобы войска короля Франциска в Италии одержали победу, однако без масштабного успеха, иначе это поставит под угрозу интересы Англии [7, с. 131].

Стремление реализовать политические замыслы определяет терпимое отношение кардинала к религиозному законотворчеству. В 1529 году папа Климент заболевает и возникает вероятность, что Вулси займет его место. Когда Кромвель ставит под вопрос необходимость проживания папы в Риме, кардинал реагирует с азартом и энтузиазмом. Вулси обнаруживает в этом намек на возможность перенесения Святого престола в Англию. В дальнейшем они воображают различные курьезные ситуации, которые могут возникнуть вследствие такой реформы, например, когда королю придется подавать папе салфетку [7, с. 143].

Эпоха Возрождения, описываемая в романе, находит отражение в ценностных установках героев. Томас Кромвель и кардинал не ставят религиозные догмы в абсолют и с легкостью отклоняются от них в пользу земных удовольствий, обусловленных человеческой природой. Например, Томас Кромвель велит приготовить мясные рулеты для кардинала, ссылаясь на то, что в Библии нет запретов на употребление мяса в марте [7, с. 206].

Кардинал в романе показан как сложный персонаж, чье милосердие сочетается с бессердечностью. Так, у него есть дочь Доротея, которая замаливает грехи отца в монастыре [7, с. 24]. Перенос искупления на непричастного к греху человека порождает комическое противоречие и позволяет высмеять концепцию первородного греха, за который несет ответственность все человечество.

В религиозных вопросах, далеких от политики, кардинал показан как снисходительный человек. Показательно в этом плане описание судьбы богослова Томаса Билни, который заявляет о бесполезности месс, индульгенций, постов и намеревается обсудить это с папой. Ссылаясь на то, что эти идеи были ему явлены, Билни выражает уверенность, что папа примет его точку зрения. Безусловно, подобное заявление воспринимается как ироничное, поскольку замысел в действительности безрассуден. Комментируя высказывания богослова, Томас Кромвель смещает акцент именно на их имплицитный смысл и замечает, что оригинальность точки зрения Билни сводится только к тому, что папа якобы одобрят его взгляды [7, с. 100–101]. Главный герой иронично подразумевает, что и прежде многие люди ставили под сомнение святость таинств, пусть не заявляя об этом публично. Из-за своих проповедей Билни был заточен в Тауэр, и впоследствии Кромвель просит Вулси вызволить его. После уговоров кардинал соглашается, однако

подчеркивает, что Билни должен отказаться от идеи поделиться своими мыслями с папой, поскольку в таком случае Вулси будет бессилен ему помочь [7, с. 134]. Здесь вновь прослеживается ирония: кардинала будто бы совсем не заботят еретические мысли богослова. Данный эпизод также подчеркивает гуманизм и милосердие Вулси. Несмотря на то что он был кардиналом, жестокое обращение с еретиками ему было чуждо.

Кроме кардинала, объектом симпатии главного героя является Томас Уайет, чей образ также во многом раскрывается через юмор. Комическое противоречие в этом образе заключается в том, что, будучи блестящим поэтом, Томас Уайет вместе с тем наделен некоторыми слабостями, включающими чрезмерную досаду из-за увеличивающихся залысин, пристрастие к выпивке и влюбленность в Анну Болейн. В повествовании эти слабости периодически упоминаются, каждый раз усиливая юмористический эффект.

Томас Кромвель является преданным слугой своего короля, однако он замечает и недостатки монарха, которые нередко ложатся в основу приемов создания комического. Генрих VIII показан как живой человек, не лишенный слабостей. Так, по словам кардинала, король отказывается самостоятельно писать письма даже в случае большой необходимости [7, с. 136]. Когда в Лондоне разгорается потовая лихорадка, Генрихом овладевает ипохондрия и он чувствует боли и тошноту [7, с. 479–480]. Иногда Кромвель задумывается об инфантилизме Генриха [7, с. 448]. На фоне огромной ответственности, которую предполагает занимаемый пост, такие черты, как инфантилизм, малодушие или лень, создают юмористический контраст, позволяя при этом показать короля как разностороннего персонажа.

В историческом контексте Томас Мор главным образом известен как значимый деятель эпохи гуманизма, однако в романе он показан в негативном свете и часто становится объектом сатиры. Если Вулси борется с ересью при помощи молитвы и отказывается от использования пыток, то Томас Мор действует противоположным образом. Будучи непримиримым противником реформации, он преследует еретиков, истязая их и отправляя на казнь. Упоминается, что Томас Мор стал мастером в искусстве растягивать и сжимать божьих слуг. Антитеза в данном случае ложится в основу черного юмора, направленного на обличение садизма Томаса Мора [7, с. 298].

Автор «Утопии» выступал против идеи перевода Библии на английский язык. Его убежденность, что на другом языке Писание неизбежно будет искажено, высмеивается в романе через сатирику. Так, на титульном листе Евангелия Тиндейла вместо издательского адреса было указано «Выпущено в Утопии», что создает абсурдную ситуацию и, соответственно, порождает комический эффект [7, с. 40].

В частной жизни Томас Мор также показан в неприглядном свете. По отношению к семье он ведет себя деспотично и пренебрежительно. В диалоге Томаса Кромвеля с королевским секретарем Стивеном Гардинером собеседники используют комическое, чтобы высмеять отношения между Томасом Мором и его женой Алисой. Так, на вопрос, стал бы Томас Мор

горевать об Алисе в случае ее смерти, Стивен Гардиан отвечает, что в ближайшее время он нашел бы кого-то еще уродливее [7, с. 234]. Таким образом, с помощью комического приема неожиданного нарушения логической нормы высмеивается черствость Томаса Мора.

Как справедливо замечает И. В. Кабанова, религия в романе представлена не столько как мировоззрение, сколько как политический инструмент. Именно политическая конъюнктура влияет на церковную жизнь Англии и подчиняет ее [9, с. 120]. Хотя Генрих склонен шутить над кардиналами, герои романа отдают себе отчет, что такое отношение короля к церковникам может быть временным [7, с. 329]. Некоторые персонажи рассматривают церковь с прагматических позиций. Например, лорд-канцлер Одли, возможно, не верит в Бога, однако стремится стать епископом [7, с. 432].

Церковь не воспринимается многими героями романа как институт, являющийся образцом добродетелей, и сатира выступает эффективным инструментом критики духовенства и религиозных обрядов. В разговоре с Генрихом Томас Кромвель саркастично советует королю посетить без предупреждения любой монастырь, если ему захочется увидеть воплощение всех смертных грехов [7, с. 219]. Парадоксальность такой рекомендации обосновывается дальнейшими пояснениями, что зачастую монахи живут в роскоши за счет денег бедняков. В романе содержатся и другие примеры обнажения несоответствия между функцией религиозных институтов и их реальной деятельностью. Хотя церковь и проповедует милосердие, сестры в монастыре у собора святого Павла отказывают в приюте Хелен Барр, так как у нее были маленькие дети [7, с. 420].

Стоит подчеркнуть, что религиозное учение занимает важное место в жизни реформаторов. Не вполне серьезное отношение, реализуемое через приемы создания комического, выражается в основном лишь к атрибутам католической церкви, ценность которых в эпоху Генриха VIII была поставлена под сомнение. Эпизодическим героям свойственна и самоирония, выражаемая через игру слов. Например, после того как кот съедает обрывок письма от Тиндейла, Томас Кромвель произносит: “*Brother cat*”, *he says*. “*He ever loved the scriptures*”.¹ [7, с. 305]. В данном предложении комическое основано на многозначности слова «любить». Другой пример игры слов как комического приема можно обнаружить в диалоге между Кромвелем и Кавендишем: “*I’m damned if they are going unpaid*”, *he says*, and *Cavendish says*, “*I think you are anyway. After what you said about relics*”.² [7, с. 63]. Слово *damned* ‘проклят’, взятое из клишированного высказывания, неожиданно актуализируется в прямом значении и также создает комический эффект.

¹ ‘Благочестивый кот, – говорит он. – Всегда любил слово Божие’ [8, с. 274].

² – Будь я проклят, если мы отпустим их без жалования, – говорит он, а Кавендиш замечает:

– Думаю, вы так и так прокляты. После того, как высмеивали реликвии’ [8, с. 62].

В некоторых случаях в качестве приема комического используется неожиданное сближение очень разных понятий: *Doesn't every boy want to be an archbishop? Though not me, if I think back. What I wanted was my own bear*¹ [7, с. 428].

Иногда в основе комического лежит сближение различных дискурсов, что можно проследить в следующем примере: *The prophet Elijah told Ahab that the dogs would lick his blood, and so it came to pass, as you would imagine, since only the successful prophets are remembered*² [7, с. 362]. Религиозный дискурс подвергается современному осмыслению, и в результате восприятие успешного пророчества осмысливается как когнитивное искажение (ошибка выжившего).

В другом отрывке Томас Кромвель сравнивает бухгалтерскую книгу со стихами из Писания, смешивая религиозный и экономический дискурсы, что также производит комический эффект: *Love your neighbour. Study the market. Increase the spread of benevolence. Bring in better figures next year*³ [7, с. 365].

Кроме церкви, объектом сатирической критики в романе «Вулфхолл» выступают другие общественные институты. Во время процесса по расторжению королевского брака в качестве доводов используются нелепые свидетельства тех, кто якобы мог рассказать подробности первой брачной ночи Артура и Екатерины [7, с. 146]. Через демонстрацию абсурдных показаний и аргументов высмеивается английская судебная система. Эпизодически через иронию критикуется система образования. Так, узнав, что сын главного героя Грегори Кромвель невысокого мнения об университетской практике диспутов, Ризли хвалит его интеллектуальные способности [7, с. 535].

Сатирической критике в романе подвергаются многие представители аристократии. Герцог Норфолк показан как грубый и невежественный человек, который путает Иуду и Иова, считая чтение книг в целом и Библии в частности скорее вредным занятием [7, с. 162–163]. Через сатиру обличается расчетливость и корысть дочери дипломата Томаса Болейна, которая планирует выйти замуж за наследника герцога Нортумберлендского, бесхарактерного юношу, исключительно из-за его титула [7, с. 77–78]. Общество Анны Болейн состоит из поверхностных и тщеславных людей, которых Кромвель называет домашними питомцами [7, с. 330].

Значительное внимание в романе уделяется критике агрессивной военной политики Англии. Мысли Томаса Кромвеля о бессмысленности войны с Францией, которые передаются в романе через поток сознания, воспринимаются как взвешенные и рациональные. Особенно сильно рассудительность героя проявляется на контрасте с эмоциональными высказываниями Ген-

¹ 'Каждый мальчишка мечтает стать архиепископом, разве нет? Впрочем, кроме меня. Я мечтал о медведе' [8, с. 385].

² 'Пророк Илия сказал Ахаву, что псы будут лизать его кровь. Разумеется, так и вышло, ведь помнят только успешных пророков' [8, с. 326].

³ 'Люби ближнего. Изучай рынок. Умножай благо. В следующем году увеличь прибыль' [8, с. 329].

риха VIII о том, что необходимо будет захватить побережье во время следующего вторжения во Францию [7, с. 183]. Нападение на Францию для Генриха – это нечто само собой разумеющееся, однако такая затея воспринимается как нелепая на фоне ироничных размышлений Кромвеля, воплощающих здравый смысл. Комичный контраст между противоположными точками зрения прослеживается и в диалоге Кромвеля с герцогом Норфолком:

“I hope he doesn’t think still of invading France”.

“God damn you! What Englishman does not?”¹ [7, с. 163].

Мысли главного героя последовательно отражают неприятие военной агрессии. Т. Кромвель саркастично отмечает, что во Франции англичанами пугают маленьких детей [7, с. 117]; в его неискаженном иллюзиями сознании английские рыцари представлены теми, кто грабил, насиловал и убивал в походах [7, с. 194]. Подобная прямолинейность позволяет снять романтический флер, ассоциирующийся с рыцарями, и показать их деятельность в неожиданном свете, что вновь ложится в основу сатиры.

Подводя итоги, можно заключить, что в романе юмор применяется для создания характеров персонажей, которым симпатизирует главный герой Томас Кромвель: кардинала Вулси, Томаса Уайета, Генриха VIII. При раскрытии этих образов Х. Мантел использует юмор, актуализируя их противоречивые черты и применяя следующие приемы создания комического: сближение противоречивых черт, неожиданное сравнение, ирония, несоответствие поведения человека его социальному статусу, повтор, гротеск.

При раскрытии героев, с которыми у Т. Кромвеля сложились напряженные отношения (Т. Мор, герцог Норфолк, некоторые представители аристократии), действует сатира, реализованная через приемы антитезы, абсурда, нарушения логической нормы. Сатира также применяется для критики католической церкви, судебных и образовательных учреждений. Главным приемом в этом случае выступает рассогласование между функцией и реальной деятельностью учреждения; в качестве вспомогательных приемов действует ирония, парадокс, абсурд, неожиданное сближение разнотипных понятий или дискурсов, игра слов. Важной функцией сатиры в романе является обличение военной агрессии, что достигается через приемы сарказма, обнажения контраста, смещения акцента и представления явления в неожиданном свете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романюк, М. В. Комическое в романах Джюлиана Барнса: функции, формы, приёмы : монография / М. В. Романюк ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2023. – 123 с.

¹ ‘– Надеюсь, король не собирается снова вторгаться во Францию? – Проклятье! Какой англичан об этом не мечтает!’ [8, с. 148].

2. *Борев, Ю. Б. Комическое, или О том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия / Ю. Б. Борев. – М. : Искусство, 1970. – 272 с.*
3. *Дземидок, Б. О комическом / Б. Дземидок. – М. : Прогресс, 1974. – 224 с.*
4. *Пропп, В. Я. Проблемы комизма и смеха / В. Я. Пропп. – М. : Искусство, 1976. – 183 с.*
5. *Лук, А. Н. Юмор, остроумие, творчество / А. Н. Лук. – М. : Искусство, 1977. – 184 с.*
6. *Проскурнин, Б. М. Историческая дилогия Хилари Мантел и «память жанра» / Б. М. Проскурнин // Филологический класс. – 2016. – № 2 (44). – С. 77–83.*
7. *Mantel, H. Wolf Hall / H. Mantel. – London : 4th ESTATE, 2019. – 653 р.*
8. *Мантел, Х. Вулфхолл : роман : пер. с англ. / Х. Мантел. – М. : ACT, 2015. – 608 с.*
9. *Кабанова, И. В. Религиозная проблематика в романах Хилари Мантел о Томасе Кромвеле / И. В. Кабанова // Философия и культура. – 2013. – № 2 (32). – С. 119–122.*

Поступила в редакцию 28.08.2025

Тарасава Тамара Мікалаеўна

доктар філалагічных навук,
прафесар, прафесар кафедры
беларускай і замежнай літаратуры
Беларускі дзяржавны педагогічны
універсітэт імя Максіма Танка
г. Мінск, Беларусь

Tamara Tarasava

Habilitated Doctor of Philology,
Professor, Professor of the Department
of Belarusian and Foreign Literature
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Belarus
tamaratarasava@gmail.com

БАГАЦЦЕ І ГНУТКАСЦЬ ПАЭТЫЧНАГА СІНТАКСІСУ ВЕРЛІБРА ПОЛЯ ВЕРЛЕНА І МАКСІМА ТАНКА

RICHNESS AND FLEXIBILITY OF THE POETIC SYNTAX OF PAUL VERLAINE AND MAXIM TANK'S FREE VERSE

Верлібр у сусветнай культуры XX–XXI стст. – з'ява арыгінальная, яна патрабуе ўважлівага вывучэння тэндэнцый яе развіцця, аб'ектыўнага даследавання паэтыкі свабоднага верша, яго адметнасцей у нацыянальных культурах. У лірыцы Поля Верлена дамінуе эмацыянальнае ўспрыняцце, якое можа нават супрацьпастаўляцца лагічнаму і рацыянальнаму, у верлібрах Максіма Танка пераважае лагічнае, рацыянальнае мысленне, для беларускага паэта куды больш важнымі выступаюць праблемы рэальнага свету. Адкрытая спавядальная шчырасць уласціва верлібру французскага і беларускага паэтаў, але верлібр Максіма Танка мае ярка выражаныя нацыянальныя канатацыі, якія абумоўлены звышзадачай паэта: па-філософску глыбока і эмацыянальна кранальна раскрыць харектар беларускага народа, яго мінулае, духоўную спадчыну.

Ключавыя слова: *Поль Верлен; Максім Танк; верлібр; свабодны верш; рытм; міжстрадковая паўза; графіка верша; націск.*

Free verse (*vers libre*) is a novel phenomenon in the world culture of the 20th–21st centuries and it requires careful study. An objective research of the poetics of free verse, and its features in national cultures should be conducted. In the lyrics by Paul Verlaine emotional perception dominates, it contrasts with logical and rational ones. In Maxim Tank's verse logical, rational thinking prevails; for the Belarusian poet problems of the real world are more important. For both poets open sincerity is characteristic of the verse, however, Maxim Tank's verse has a clearly expressed national feature, which is determined by the poet's task – to reveal the character of the Belarusian people, their past, and spiritual heritage in a philosophically deep and emotional way.

Ключавыя слова: *Paul Verlaine; Maxim Tank; free verse; vers libre; rhythm; pause between the lines; verse graphical structure; stress.*

Цікавасць да верлібра ў сусветнай культуры XX–XXI стст. не згасае, гэта патрабуе ўважлівага вывучэння тэндэнцый развіцця верлібрычнай сістэмы вершаскладання, аб'ектыўнага даследавання паэтыкі свабоднага верша, яго адметнасцей у нацыянальных культурах.

Тэрмін *верлібр* увёў ва ўжытак у 1884 г. французскі паэт Гюстаў Кан (*Gustave Kahn*) – гісторык і тэарэтык сімвалізму, але некаторыя навукоўцы лічаць, што верлібр у той ці іншай форме існаваў і раней, праўда, адзінага меркавання на гэты контэнт няма. Сярод прыхільнікаў і тэарэтыкаў верлібра

ў Францыі былі Г. Кан (G. Kahn), Ж. Лафорг (J. Laforgue), Э. Дзюкардэн (É. Dujardin), потым эстафету падхапілі П. Верлен, А. Рэмбо, Г. Апалінэр і інш. У пачатку ХХ ст. верлібр атрымаў шырокое распаўсюджанне ў англо-амоўных краінах і істотна паўплываў на стыль англійскіх і амерыканскіх паэтаў, такіх як Э. Паунд, Т. С. Эліёт, Р. Алдзінгтон і інш. У Расіі форма свабоднага верша прываблівала многіх пісьменнікаў Сярэбранага веку – З. Гіпіус, Ф. Салагуба, А. Блока, М. Валошына, В. Хлебнікава і інш. У Беларусі да верлібра звярнуліся М. Багдановіч (“Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы...”, 1915), у 20-я гады ХХ ст. – В. Ластоўскі (“Лісты”, “На Коляды”, “На оды Горація”, “На Радуніцу”). У другой палове ХХ ст. свабодны верш найчасцей сустракаецца ў творчасці А. Лойкі, Я. Сіпакова, П. Панчанкі, Ю. Голуба, Н. Загорскай, А. Вярцінскага і інш. Асноўным відам верша верлібр стаў у паэзіі Максіма Танка.

Верлібр (фр. *vers libre*, *свабодны верш*), паводле азначэння М. Гаспарава, гэта «стих, не имеющий метра и рифмы и отличающийся от прозы только наличием заданного членения на стиховые отрезки (отмеченного в письменном тексте обычно графическим расположением строк, в устном – напевом)» [1, с. 957]. Зыходзячы з гэтага азначэння, узняе заканамернае пытанне: «Верлібр – гэта паэзія ці проза, якіх рысаў у верлібры болей – паэтычных ці празаічных?»

Пераважная большасць даследчыкаў лічыць верлібр паэтычнай формай, зыходзячы з наступных аргументаў: найперш гэта рытм, які ў верлібры ствараецца графічнай разбіўкай верша на радкі, потым міжрадковыя паўзы, адпаведныя сінтаксічным канструкцыям, ужыванне розных рытмічных фігур. Л. І. Цімафееву падкрэслівае, што радок у верлібры «представляет собой интонационно законченное сочетание слов, определенную речевую единицу, относительно самостоятельное смысловое и интонационное целое (иногда строка может состоять и из одного слова, которое в этом случае, как мы помним, характеризуется своей интонационной самостоятельностью). Признаком этой законченности является замыкающая строку пауза (выделена намі. – Т. Т.), несоблюдение которой ломает ритм стиха, стирая границу между его единицами, и тем самым не позволяет воспринять ритмичность их чередования» [2, с. 67–68]. Паводле думкі Л. І. Цімафеева, радок у верлібры ўяўляе сабой і сэнсавую, і інтанацыйную адзінку (нават калі ў радку ёсць толькі адно слова!). У канцы радка заўсёды прысутнічае паўза, і яна можа не супадаць з кропкай. Такім чынам, графічная разбіўка верша на радкі істотна важная ў верлібры. Менавіта вершаваны радок, выразна выдзелены паўзамі пры агучванні (а на пісьме – яшчэ і графічна), выступае ў верлібры асноўнай рытмічнай адзінкай. Часам, праўда, у верлібры могуць сустракацца прыкметы метрычнага верша, але і яны падначалены агульнай інтанацыі свабоднага верша.

Значны ўклад у даследаванне тэарэтычных аспектаў верлібра ўнеслі французскія даследчыкі Ж.-А. Барнэк (J.-H. Bornecque), Ж. Рабішэ (J. Robichez), М. Кулон (M. Coulon), П. Піфіс (P. Petitfils), О. Надаль (O. Nadal), расійскія –

Ю. Тынянаў, Ю. Лотман, А. Квяткоўскі, Ю. Арліцкі, Г. Чэрнікава, В. Аўчарэнка, у вывучэнне беларускага свабоднага верша – Р. Бярозкін, У. Верына, У. Гніламедаў, М. Грынчык, А. Кабаковіч, Г. Кісліцына, В. Рагойша, І. Ралько і інш. Кожны з навукоўцаў па-свойму вызначае месца і ролю свабоднага верша ў нацыянальным літаратурным працэсе, але варта звярнуць увагу на тое, што ўсе даследчыкі адзначаюць адметны ўзровень развіцця верлібра, акцэнтуючы ўвагу на розных канцэпцыях яго рытмічнай арганізацыі. Так, В. Брусаў вылучыў дзве разнавіднасці заходнегурапейскага верлібра: “свободныя стихі французскага строя” і “свободныя стихі немецкага строя” [3, с. 118]. Вядомы лінгвіст Л. У. Шчэрба сцвярджаў, што верлібр складаецца з “стыхов разного размера, перемешанных без всякого определенного плана” [4, с. 176]. Ю. Тынянаў у працы “Проблема стихотворнага языка”, зыходзячы з “единства и тесноты стихового ряда” [5, с. 40], гаворыць пра дамінантную ролю графікі ў верлібры. Варта адзначыць погляды на верлібр і А. Квяткоўскага [6], які лічыў рытмічныя паказчыкі важнымі для свабоднага верша. Аналагічную думку выказвае А. Жоўціс, які звяртае ўвагу на вядучыя рытмаўтаральныя прыкметы верлібра як твора паэтычнага: “Свободны стих строится на повторении сменяющих одна другую фонетических сущностей разных уровней, причём компонентами повтора в параллельных, корреспондирующих рядах в русской поэзии могут быть фонема, слог, стопа, ударение, клаузула, группа слов и фраза” [7, с. 118]. Канцэпцыя А. Жоўціса пра тое, што ў верлібры істотную ролю адыгрывае графіка твора, да гэтага часу застаецца самай уплыдовай: “...появление выделенной строки означает, что автор осознает ее внутреннее единство, ее экспрессивность и фонетическую соотнесенность с другими строчками...” [8, с. 17].

Заканамерна паўстае пытанне: “У якіх умовах ішоў працэс развіцця верлібрычнай сістэмы вершаскладання?” Літаратурнай сітуацыі Францыі другой паловы XIX ст. уласціва разнастайнасць школ і напрамкаў з досыць крытычным стаўленнем да папярэдняй вершаванай традыцыі і засяроджаных на істотным пераасэнсаванні ролі і месца чалавека ў свеце. У авангардзе аказалася лірыка, якая заявіла аб сапраўднай рэвалюцыі паэтычнай мовы. Даследчык Г. Косікаў пісаў: «Начиная по крайней мере со времен Лотреамона и Малларме в литературе возникла и окрепла <...> настойчивая тяга к саморефлексии» [9, с. 207]. Не апошнюю ролю ў гэтым працэсе адыграў П. Верлен, які свядома пайшоў шляхам абнаўлення версіфікацыі і развіцця сваёй стылёвай манеры. Ён належаў да той кагорты “праклятых паэтаў”, якая ўнесла істотныя змены ў рэформу французскага верша. Варта адзначыць, што неардынарны талент французскага мастака слова прывабіў у свой час М. Багдановіча глыбінёй эмацыянальнага ўспрыніяцца свету, тонкімі адценнямі пачуццяў, спалучаных з філасофскім раздумам. Ён пераклаў на беларускую мову 22 вершы П. Верлена.

Літаратуразнаўцы называюць П. Верлена самым інтывінным паэтам-імпрэсіяністам. Французскі крытык канца XIX ст. Рэмі дэ Гурмон (“Кніга масак”) (Remy de Gourmont. *Le livre des masques*, 1896) пісаў: “Verlaine est

une nature, et tel, indéfinissable. <...> il acheva de désarticuler le vers romantique et, l'ayant rendu informe, l'ayant troué et décousu pour y vouloir faire entrer trop de choses, toutes les effervescences qui sortaient de son crane fou, il fut, sans le vouloir, un des instigateurs du vers libre. Le vers verlainien à rejets, à incidences, à parentheses, devait naturellement devenir le vers libre; en devenant "libre" il n'a fait que régulariser un état" [10, p. 252]¹.

Рыфма ў сучаснай заходненеўрапейскай паэзіі ўспрымаецца часта як нешта архаічнае і незапатрабаванае, а ў канцы XIX ст. яна лічылася трывалым паказчыкам таленту паэта. П. Верлен ("Поэтическое искусство" (Art poetique, 1874)) адкрыта заклікаў:

*Prends l'eloquence et tords-lui son cou!
Tu feras bien, en train d'energie,
De rendre un peu la Rime assagie.
Si l'on n'y veille, elle ira jusqu'ou? [11]²*

Праўда, у вершах паэта мы знаходзім вялікую колькасць рыфмаў, але яны размешчаны не ў канцы радка, а ў любым "выпадковым" месцы і, такім чынам дэфармуючы рытм, парушаюць спадзяванні чытача. Верленаўская рыфма перастае быць структураўтаральным элементам.

Вядучая роля ў верленаўскай сістэме вершаскладання належыць націску. Наогул, верш любога паэта – гэта яго эмацыянальны і рэфлексіўны вопыт, таму, як адзначаў Б. Тамашэўскі, "стиховой ритм превращает каждое ритмическое ударение в логическое, т. е. перестраивает синтаксис, обособляя слова не по их грамматическим признакам. Каждое слово звучит более веско, более обособленно, более полноценно" [13, с. 171]. Такім чынам адбываецца пашырэнне празаічных сэнсаў, назіраеца большая змястоўнасць твора. Шчыльнасць зместу верлібра канчаткова разбурае класічныя асновы сілабатонікі:

*Les sanglots longs
Des violons
De l'automne
Blessent mon coeur
D'une langueur
Monotone [14].*

Фанетыка-сінтаксічны малюнак верша "Chanson d'automne" ("Асенняя песня") стварае шчыльную тоеснасць паміж чалавекам і прыродай, што тонка перадаў М. Багдановіч пры перакладзе твора:

¹ 'Верлен цельная натура и потому не поддается определению. <...> Он окончательно расчленил романтический стих и обесформил его, распорол и разрезал. Желая вместить в него слишком многое, вложить все горения своего безумия, он, незаметно для себя, стал одним из вдохновителей стиха свободного. Стих Верлена, с его отклонениями, неожиданностями и скобками, неминуемо должен был сделаться таким. Ставши "свободным", он привел в систему все свое содержание' (пер. наш. – Т. Т.).

² Риторике сломай ты шею!
Не очень рифмой дорожи.
Коль не присматривать за нею,
Куда она ведет, скажи! (пер. В. Брусаўа) [12]

*Як раньш, пяе
І ў сэрца б'е
Сумны тон.
То, восень, іх,
Бальных тваіх
Скрыпак стогн* [15, с. 173].

П. Верлен пераносіць сэнсавы націск з галоўнага слова, якое абазначае з'яву, на слова, якое фіксуе ўражанне ад гэтай з'явы, і строгі рытм французскай паэзіі парушаецца, ствараецца ўражанне хісткасці, нестабільнасці, псіхалагічнай няўстойлівасці. М. Гаспараў тлумачыць такі прыём наступным чынам: “Вводя в стих избыточные немые -е, поэт как бы предоставлял читателю или деформировать стиль или деформировать стих, сохраняя неизменным рисунок ударений” [16, с. 250]. Нечаканыя для чытача рыфмы ў сярэдзіне радка, яго розная даўжыня, адсутнасць прычынна-выніковых сувязей у творы ствараюць і знешні свет, і нават уласнае «я» для самога сябе непрадказальнымі. Па-сутнасці, паэзія П. Верлена – гэта бунт супраць рацыяналістычнай свядомасці, але гэты бунт не пазбаўляе твор насычанай змястоўнасці. Нельга не пагадзіцца з думкай даследчыка Я. Гарадніцкага, што “прывычныя фармалізуючыя сродкі, такія, як рытм, рыфма, замяняюцца думкай. У верлібры рыфмуюцца не гукі, не гукавыя канчаткі слоў, а думкі. Паўторы думкі, яе развіццё на розных ступенях – усё гэта арганізуе, упрадкоўвае свабодны верш” [17, с. 80].

Верлібр прыйшоў у беларускае прыгожае пісьменства з заходніеўрапейскай літаратуры. Асноўным відам верша ён стаў у Максіма Танка [18]. Тэндэнцыя разняволення паэтычнага радка выразна праяўлялася ў творчасці паэта. Верлібр найчасцей ужываўся М. Танкам у медытатыўных творах, аўтар прывучаў чытача да глыбокай умоўна-асацыятыўнай вобразнасці, да поўнай адсутнасці рытмікі і рыфмы. Калі ў лірыцы П. Верлена дамінуе эмацыянальнае ўспрыняцце, якое можа нават супрацьпастаўляцца лагічнаму і рацыянальнаму, то ў верлібрах Максіма Танка пераважае лагічнае, рацыянальнае мысленне, для беларускага паэта куды больш важнымі выступаюць проблемы рэальнага свету. Танкаўскі верлібр абумоўлены ментальнасцю беларусаў, нацыянальной культурай, фальклорнай традыцыяй. Паэт быў маштабным ва ўсім – тэмах, матывах, ідэях, пошуках новых форм вершаскладання. Верлібр Максіма Танка, у адрозненне ад свабоднага верша П. Верлена, мае ярка выражаныя нацыянальныя канатацыі, якія абумоўлены звышзадачай паэта: у актуальнай форме па-філософску глыбока і эмацыянальна кранальна раскрыць харектар беларускага народа, яго мінулае, духоўную спадчыну.

У верлібрыстыцы Максіма Танка праз частотную разбіўку радкоў назіраецца паэтапнае развіццё вобраза. Такім чынам аўтар выдзяляе найбольш важныя для яго думкі. Разбіўка на радкі выяўляе рух думкі пісьменніка. У танкаўскім верлібры часта пераважаюць бяззлучнікавыя сінтаксічныя канструкцыі:

Кажуць:

“Цішэй едзеш – далей будзеш”.

Мо праверыць?

“А за кукіш круп не купіш”.

А я думаў?

“Праўда люба, хоць і груба”.

Ці заўсёды?

“Папрацуеш – смак пачуеш”.

Мо і праўда?

Кажуць: “Смерць вянчае славай”.

Пачакаю? [19, с. 249].

Бяззлучнікавая канструкцыя дэмансструе дынаміку лірычнага выказвання: ад канстатацыі з’явы праз пералік да аўтарскай рэмаркі, жартаваўлівай і гарэзлівай. Тлумачэнне народных прыказак, прымавак у вершы – гэта своеасаблівая іранічная палеміка М. Танка з катэгарычнымі народнымі выказваннямі.

Беларускі паэт ужывае і падпарадковальныя віды сувязі ў верлібры. У вобразна-афарыстычным слупку верша “Шыбы старой камяніцы” ёсць толькі адзін сказ:

Асцярожна выцірайце шыбы,

Каб з ценямі дыму

Пажараў вайны

Не сцерці і ценяў

Вам блізкіх людзей,

Якія апошні раз

Некалі ў гэтых шыбы глядзелі [20, с. 36].

Танкаўскі свабодны верш звычайна прысвечаны адной тэме. У творы “Калі мне сказаў...” адбываецца паступовае разгортванне сэнсу. Верлібр, які насычаны тонкім эмацыянальным перажываннем, Максім Танк будзе ў форме складаназалежнага сказа, у ім даданая частка перамяшчаецца ў пачатак верша і выразна сведчыць пра тое, што з’явы ўзаемна абумоўленыя:

Калі мне сказаў,

Што ліст мой парвала,

Я ўбачыў, што поўна настала.

Калі мне сказаў:

– *Сватам стол накрылі, –*

Я ледзь сваё гора асіліў.

Калі мне сказаў,

Што госці спяваюць,

Здалося – мяне адпяваюць.

Калі ж мне сказаў,

Што чаркі ня п’еш ты,

Падумаў: чыя ж ты нявеста?

*Калі ж мне сказалі,
Што, сумная, плачаши,
Паверыў што зноў цябе ўбачу.*

*Калі ж мне сказалі,
Што з дому ўцякла ты,
Я ўпэўніўся зноў, што мая ты! [21]*

Такі ўзровень сінтаксічнай арганізацыі верша дэманструе аўтарскую схільнасць да ўскладненай семантыкі, калі думка разгортваеца паводле ланцужковага прынцыпу раскрыцця вобраза. Канцоўка твора ёсць, як правіла, аўтарскае рэзюмэ.

У верлібрах Максіма Танка (“Летні дождж”, “Каб ведалі...”, “Калі мне сказалі...” і інш.) даволі часта распаўсяджены паўторы, яны нясуць адпаведную сэнсавую нагрузкку. «Паўторы “па вертыкалі”» (В. Рагойша) выклікаюць так зване разняволенне паэтычнага радка. Паўтор *каб ведалі...* (“Каб ведалі...”) выдзелены ў асобны радок, ён выступае спосабам адасаблення сінтаксічных адзінак для большай акцэнтуалізацыі думкі пра родны дом:

*Расце на высокім кургане сасна,
Каб ведалі;
Дол апляла каранямі да дна,
Каб ведалі;
Вяршыняю зоры кранае яна,
Каб ведалі;
З ветрам звініць, як тугая струна,
Каб ведалі
Маткі,
Дзе спяць дзеци-сокалы сном;
Вятры,
Дзе іграць галасістым смыком;
Зоры,
Дзе ім асыпацца дажджом;
Птушкі у выраі –
Родны свой дом [22].*

Максім Танк часта выкарыстоўвае ў верлібрах паўторы, пералікі (“Калі мне казалі...”, “Здаецца, толькі дзень прагасцяваў там...”, “Ціха-ціха на світанні...” і інш.), адсылкі да гістарычных асоб, рэалій старажытнасці. Яны надаюць свабоднаму вершу прытчападобны сэнс, глыбінны, шматзначны, сімвалічна-метафорычны, узмацняюць аўтарскую філасофска-роздумную думку.

Вядомы расійскі даследчык верлібрычнай паэтыкі Ю. Арліцкі піша: “Верлибр характеризуется особым ритмическим и стилевым своеобразием, он выражает индивидуальность автора в большей степени, чем скованный многочисленными ограничениями традиционный стих” [23, с. 388]. Сапрауды, індывидуальнасць Максіма Танка найярчэй выявілася ў свабодным вер-

шы, дзе кандэнсацыя аўтарскай думкі надзвычай шчыльная, яркая, нечаканая:

*Дрэвы паміраюць,
Калі перастаюць пазнаваць
Змены года
І не адгукаюцца рэхам;

Вада – калі забывае,
Куды ёй плыць,
І нікому не спатольвае смагі;
Зямля – калі перастае
Радзіць хлеб
І быць калыскай песняў;

Чалавек – калі страчвае здольнасць
Здзіўляцца і захапляцца
Жыццём [19, с. 214].*

Максім Танк выкарыстоўвае ў гэтым вершы такую фігуру паэтычнага сінтаксісу, як *эліпсіс*, калі пропуск аднаго з членаў сказа (часцей за ўсё гэта дзейнік) лёгка аднаўляеца паводле сэнсу. Твор пабудаваны на так званых “кампанентах паўтора” (А. Жоўціс), дзе дамінуе аднатыпная структура фразы (няпоўная фраза) у трох апошніх слупках. Эліпсіс тонка перадае ўзрушаны голос таго, хто гаворыць, акцэнтуе семантыку твора, арганізуе яго вертыкальную пабудову.

Такім чынам, адкрытая спавядальная шчырасць уласціва верлібру французскага і беларускага паэтаў. Погляд на свет праз прыватныя адчуванні, праз інтывмы душэўны настрой, уласнае разуменне светабудовы каштоўны ўнікальнымі аўтарскімі адчуваннямі непрадказальнасці і знешняга, і ўнутранага светаў. Верлен-імпрэсіяніст спасцігае Прыгажосць без дыдактыкі і маралі, паэт выяўляе магчымасць невербальных зносін чалавека са знешнім светам праз эмацыянальна жывапіснае слова (узмоцненую метафарызацыю), размытасць контураў усپрыняцця рэчаіснасці, арыгінальны гукавы малюнак верша (алітэрацыі, асанансы, анжамбеман, агучванне французскага *e*).

Калі Поль Верлен – філосаф эмацыянальны, то Максім Танк – філосаф-думянік. Слова і думка шчыльна паяднаны ў верлібры беларускага паэта. “Сильный напор содержания, – як трапна заўважае А. Метс, – как бы ломает плотину старой формы. <...> свободный стих без особой густоты и интенсивности содержания вообще не может существовать, иначе он немедленно превратится в вялую прозу” [24, с. 126]. Танкаўская рытмічнае адзінка выступае важнай сэнсавай адзінкай, гэта стала відавочнай прыкметай аўтарскага верлібрычнага ідэастылю. У “кароткім” вобразна-афарыстычным танкаўскім верлібры часцей сустракаюцца падпарадковальныя віды сувязі, у “доўгім” свободным вершы, які можна назваць “каталогам” вобразаў, дамінуюць спалучальныя віды сувязі. Цікавасцю Максіма Танка да японскіх паэтычных форм (хоку і танка) абумоўлены аўтарскія лаканізм, сюжэтны

мінімалізм і вобразная асацыятыўнасць верлібра. Максім Танк пастаянна ўдасканальваў свабодны верш: шукаў арыгінальныя сінтаксічныя канструкцыі, узмацняў экспрэсіяністычны модус выкавання, пашыраў візуальныя магчымасці верлібрычнай сістэмы вершаскладання і інфарматыўнасць лірычнага выкавання.

ЛІТАРАТУРА

1. Гаспаров, М. Л. Свободный стих / М. Л. Гаспаров // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М., 2001. – С. 957.
2. Тимофеев, Л. И. Очерки теории и истории русского стиха / Л. И. Тимофеев. – М. : ГИХЛ, 1958. – 417 с.
3. Брюсов, В. Я. Краткий курс науки о стихе: лекции, читанные в Студии Стиховедения в Москве 1918 г. / В. Я. Брюсов. – Прижизн. изд. Ч. 1 : Частная метрика и ритмика русского языка. – М. : Альциона, 1919. – 131 с.
4. Щерба, Л. В. Фонетика французского языка / Л. В. Щерба. – М. : Высшая школа, 1963. – 308 с.
5. Тынянов, Ю. Проблема стихотворного языка / Ю. Тынянов. – Л. : Academia, 1924. – 139 с.
6. Квятковский, А. Русский свободный стих / А. Квятковский // Вопросы литературы. – 1963. – № 12. – С. 60–77.
7. Жовтис, А. Границы свободного стиха / А. Жовтис // Вопросы литературы. – 1966. – № 5. – С. 105–123.
8. Жовтис, А. Л. Избранные статьи / А. Л. Жовтис / сост. С. Д. Абишева, З. Н. Поляк. – Алматы : б. и., 2013. – 392 с.
9. Косиков, Г. К. Структурализм versus постструктурлизм / Г. К. Косиков // “На границах”. Зарубежная литература от средневековья до современности: сб. работ / отв. ред. Л. Г. Андреев. – М. : ЭКОН, 2000. – С. 207–240.
10. Gourmont, R. de. Le livre des masques: Portraits symbolistes / R. de Gourmont. – Paris : Mercure de France, 1896. – 1 vol. – 270 p.
11. Verlaine, P. Art poétique / P. Verlaine. – URL: <https://www.chital-nya.ru/work/1684765/> (дата звароту: 30.01.2025).
12. Верлен, П. Поэтическое искусство / П. Верлен. – URL: https://verlaine.ru/dalekoe/art_poetique.php (дата звароту: 30.01.2025).
13. Белавина, Е. М. Поэтика Поля Верлена и проблема творческого воображения : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Белавина Екатерина Михайловна ; МГУ. – М., 2003. – 273 л.
14. Verlaine, P. Dans la grotte / P. Verlaine. – URL: https://www.bon-jourpoesie.fr/lesgrandsclassiques/poemes/paul_verlaine/dans_la_grotte (дата звароту: 30.01.2025).
15. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск : На-вuka і тэхніка, 1991. – Т. 1. – 752 с.

16. Гаспаров, М. Л. Очерк истории европейского стиха / М. Л. Гаспаров. – М. : Наука, 1989. – 302 с.
17. Гарадніцкі, Я. А. Думка і вобраз. Праблема інтэлектуалізму ў сучаснай беларускай лірыцы / Я. А. Гарадніцкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1986. – 120 с.
18. Тарасава, Т. М. Верлібры Максіма Танка / Т. М. Тарасава // Трынаццатыя Танкаўскія чытанні : зб. навуковых артыкулаў / Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка ; рэдкал. В. Д. Старычонак (адк. рэд) [і інш.]. – Мінск, 2022. – С. 348–350.
19. Танк, М. Збор твораў : у 13 т. / М. Танк. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – Т. 4 : Вершы (1964–1972). – 384 с.
20. Танк, М. Абвяржэнне : сто выбраных вершаў / М. Танк ; уклад. А. Хадановіч. – Мінск : Логвінаў, 2012. – 132 с.
21. Танк, М. Калі мне сказалі... / М. Танк. – URL: <https://rv-blr.com/verse/show/86106/> (дата звароту: 30.01.2025).
22. Танк, М. Каб ведалі... / М. Танк. – URL: https://knihi.com/Maksim_Tank/Kab_viedali.html (дата звароту: 30.01.2025).
23. Орлицкий, Ю. Стих и проза в русской литературе / Ю. Орлицкий – М. : РГГУ, 2002. – 685 с.
24. Метс, А. Тенденции развития свободного стиха / А. Метс // Вопросы литературы. – 1972. – № 2. – С. 124–129.

Поступила в редакцию 05.02.2025

Черота Владимир Иванович

кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Центра исследований
белорусской культуры,
языка и литературы
Национальной академии наук Беларусь
г. Минск, Беларусь

Uladzimir Charota

PhD in Philology, Associate Professor,
Senior Researcher
Center for Belarusian Culture,
Language and Literature Researches
of the National Academy
of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
vladimir.charota@gmail.com

ИСТОЧНИКИ ПОЛЬСКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

THE SOURCES OF POLISH-LANGUAGE POETRY OF SIMEON POLOCKIJ

Статья является попыткой установить источники некоторых польскоязычных стихотворений Симеона Полоцкого. Проведенное исследование позволяет утверждать, что текст, состоящий из 34 строк и начинающийся со слов *Wściekłemi biegasz końmi, Kupidynie...*, является циклом эпиграмм-подписей к гравюрам из сборника «*Speculum diversarum imaginum speculativarum*» (Antverpia, 1638), которые являются иллюстрациями к «Триумфам» Ф. Петrarки. Текст «*Nowoznalezione rzeczy*» также написан на основе произведений графического искусства из названного издания. Автор выдвигает гипотезу, что гравюры из антверпенского сборника 1638 г. могли быть источниками еще для 22 поэтических произведений Симеона Полоцкого.

Ключевые слова: цикл эпиграмм; гравюры; «Триумфы» Ф. Петrarки; «*Speculum diversarum imaginum speculativarum*».

The article is an attempt to identify sources of some Polish-language poems by Simeon Polockij. The research allows us to state that the text, consisting of 34 lines and beginning with the words “*Wściekłemi biegasz końmi, Kupidynie...*”, is a series of epigrams-subscriptions to the engravings illustrating Petrarch’s *Trionfi* from the collection *Speculum diversarum imaginum speculativarum* (Antverpia, 1638). The text of *Nowoznalezione rzeczy* was also inspired by the graphic art works from the said edition. The author puts forward the hypothesis that the engravings from the Antwerp collection of 1638 could have been sources for other 22 poetic works by Simeon Polockij.

К e y w o r d s: *series of epigrams; engravings; Petrarch’s Trionfi; Speculum diversarum imaginum speculativarum*.

Исследуя проблему рецепции итальянского искусства слова литературой Беларуси XVII века, мы допустили, что в творчестве Симеона Полоцкого (в миру Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович; 1629–1680) может быть «итальянский след». Наше предположение основывалось на том, что писатель, по воспоминаниям современников, был «... в высокой степени преисполнен латинской учености» [1, с. 160], а исследователи уже давно говорят о «западном влиянии» на его творчество и занимаются установлением источников, из которых уроженец белорусских земель черпал сюжеты и образы, заимствовал фрагменты текстов для многих своих произведений [2, с. 695].

В данной статье мы предпримем попытку установить источники некоторых польскоязычных стихотворений, которые, как предполагается, «...создавались поэтом главным образом в период его учебы в Киево-Могилянском коллегиуме и в Виленской иезуитской академии, то есть приблизительно с 1640 по 1653 г.» [3, с. 209], при этом особое внимание уделим итальянским источникам, если таковые будут выявлены.

Прежде всего упомянем о переложениях Симеона Полоцкого на польский и церковнославянский языки стихотворения «Cur mundus militat sub vana gloria...», авторство которого приписывают Якопоне да Тоди (ок. 1230–1306): «(GLORIA INCONSTANS EST)» («Czemu świat hołduje sławie niestatecznej...») и «Почто мир суетней славе работает...» [3, с. 206, 236–239]. Что же касается наличия «итальянского следа» в других его произведениях, то мы столкнулись с довольно интересным случаем.

Канадский славист П. А. Ролланд, исследуя раннюю поэзию Симеона Полоцкого, усмотрел опосредованную связь между его творчеством и поэтическим наследием итальянского поэта Франческо Петрарки. По мнению исследователя, текст, состоящий из 34 строк и начинающийся со слов *Wściekłemi biegasz końmi, Kupidynie...*, является отдельным произведением [4, р. 77] и представляет собой «...цикл надписей (inscriptions), вдохновленных какой-то гравюкой или гравюрами, иллюстрирующими “Триумфы” Петрарки» [4, р. 78] (здесь и далее перевод с английского, польского и латинского языков наш. – В. Ч.). Правда, источник канадскому ученому установить не удалось.

Доказательства в пользу его гипотезы позже обнаружил польский литературовед Р. Гжеськовяк. В своей статье он утверждает: «Основой его [Симеона Полоцкого. – В. Ч.] поэтической адаптации были... гравюры на меди (194/195 × 264/265 мм.), композиции которых в 1565 г. создал... Мартен ван Хемскерк. Их первый оттиск сделал, вероятно, антверпенский издатель и гравер Филипп Галле, под вторым, 1638 г., подписался его сын Йоханнес [нам доподлинно не известно, кем он приходился Ф. Галле. – В. Ч.]. <...> Петровский-Ситнянович пользовался оттисками второго издания» [5, с. 494–495]. Правда, как справедливо заметил польский исследователь, Симеон Полоцкий, скорее всего, не знал, что произведения графического искусства имеют какую-то связь с литературным наследием Ф. Петрарки [5, с. 500]. Описывая гравюры, которыми располагал белорус, Р. Гжеськовяк отмечает, что изображения сопровождаются четырехстрочными эпиграммами голландского поэта-латиниста Адриана Юниуса (лат. *Hadrianus Junius*, наст. нидерл. *Adriaen de Jonghe*; 1511–1575) [5, с. 495].

Польский литературовед также поясняет, на основании чего он пришел к заключению, что белорус имел в распоряжении именно эти оттиски: «На антверпенских гравюрах на меди к некоторым персонажам были добавлены идентифицирующие их подписи. Благодаря тому, что, создавая свои эпиграммы, Петровский-Ситнянович охотно пользовался этими подписями, мы убеждены, что он вдохновился графической серией Хемскерка» [5, с. 495].

Судя по всему, Р. Гжеськовяк имел в виду издание «*Speculum diversarum imaginum speculativarum*» (Antverpia, 1638) [6]. Интересующая нас графическая серия «*XVII. Triumphus Cupidinis, Pudicitiae, Mortis, & Temporis*» состоит из шести листов [6, f. 2]. Количество гравюр соответствует количеству частей аллегорической поэмы Ф. Петрарки, написанной на итальянском языке терцинами, и при этом они расположены в той же последовательности, в какой идут соответствующие «Триумфы» в произведении итальянского поэта.

Чтобы проверить, насколько обоснованы утверждения Р. Гжеськовяка, обратимся непосредственно к изображениям с четверостишиями А. Юниуса и сопоставим их со строками Симеона Полоцкого, которые сопроводим переводом на русский язык, выполненным В. К. Былининым.

Рис. 1. «Триумф Любви» (лат. *Triumphus Cupidinis*) [6, f. 99]

Wściekłemi biegasz końmi,
Kupidynie,
Sprośnej Wenery
niewstydliwy synie.

На яростных мчишься конях, Купидон,
Непристойной Венеры
бесстыдный сын.
Кого же ты не ранил

*Kogóż nie ranił zlej strzałą lubości? –
Hector, Salomon
z twej upadli złości.
Zacnym poetom, ni oratorowi,
Umiesz przebaczyć – ba!
– ni Jowiszowi.*

*злой стрелой любви?
Гектор, Соломон пали
от твоей злости.
Ни достойный поэт, ни оратор
Не пощажены – ни даже Юпитер.*

[3, с. 107, 109]

[3, с. 106, 108]

Очевидно, что белорус при написании произведения опирался не на поэтический текст голландского автора, а на само изображение (см. рис. 1). В верхней части гравюры имеется картуш с описательным заголовком ко всей серии на латинском языке: «Триумф Любви и Целомудрия, и обоих спутники. Все впоследствии ниспровергает смерть; однако и после нее ученых и храбрых ждет вечная слава. Время действительно уничтожает все; один только Бог в вечности пребывает». Мы видим также, что, помимо автора композиции и издателя, указаны имена некоторых персонажей (сверху вниз и слева направо): Cupido, Iupiter, Marcellius, Tisbe, Piramus, Tibullus, Ovidius, Salomon, Hercules. Из них Симеон Полоцкий упоминает в своем стихотворении Купидона, Соломона, Юпитера. Пятая строка эпиграммы уроженца белорусских земель на русский язык переведена неточно: в оригинале говориться о *достойных поэтах*. Приняв это во внимание, можно предположить следующее: говоря о стихотворцах, автор имел в виду Тибулла и Овидия, а вот оратором, по нашему мнению, мог быть только некий Marcellius, личность которого установить сложно. Таким образом, из неназванных остались только Пирам и Фисба (Тисба), о трагической истории любви которых поведал в «Метаморфозах» Овидий и Геркулес. Отсутствие упоминания о последнем из названных и появление Гектора в произведении белоруса Р. Гжеськовяк объясняет следующим: «Виленский студент мог иметь в распоряжении цикл с повреждённой первой гравюрой, потому что в остальных эпиграммах он не допускал подобных ошибок, тут же заменил легко поддававшегося женским чарам Геркулеса добродетельным Гектором» [5, с. 497]. Отметим также, что стихотворение Симеона Полоцкого отличает морализаторская тональность: Купидон для него – *Непристойной Венеры бесстыжий сын*. В стихотворной подписи А. Юниуса подобные характеристики богини римской мифологии и ее сына отсутствуют.

Если после сравнения изображения и стихотворной подписи к нему голландца со строками Симеона Полоцкого еще остаются некоторые сомнения насчет правильности определения источника польским исследователем, то по мере того, как происходит ознакомление с последующими пятью произведениями графического искусства и соответствующими текстами стихотворца XVII в., они полностью развеиваются.

Рис. 2. «Триумф Целомудрия» (лат. Triumphus Pudicitie) [6, f. 100]

Owo wstyd święty,
połamawszy strzały
Kupidynowie, ma triumf niemały.
Scipio,
Joseph wprzód, niepokalanie,
Idą Susanna, Judith zacne panie.
Wstrzemięźliwość, mierność u kół
wozu stojąq,
Palmy w ofiarę
Panny pozad strojąq.

[3, c. 108]

Лишистыд святой, поломав стрелы
Купидоновы, возымел триумф немалый.
Сципион, Иосиф –
сперва не побежденные,
Идут, следом –
Сусанна и Юдифь, достойные жены.
Воздержанность, умеренность
у колес воза стоят,
Пальмы в дар скульптуру
пресвятой Девы украшают.

[3, c. 109]

Само собой разумеется, оба пишут о торжестве по случаю победы Целомудрия над Купидоном. Однако есть ряд отличий. Первое состоит в том, как была одержана виктория: если у А. Юниуса сломано само оружие сына Венеры и Марса (см. рис. 2), то у Симеона Полоцкого – стрелы [3, с 108–109]. Кроме того, голландский автор сообщает, как происходит празднование, а белорус сосредотачивается на описании шествия и перечислении его участников. Обратим внимание, что в стихотворении Симеона Полоцкого упомянуты все персонажи, чьи имена присутствуют на изображении (Pudicitia,

Susanna, Iudit, Scipio, Ioseph, Continentia, Temperantia), и их место в процес-
сии на гравюре точно совпадает с указанным в поэтическом произведении
белорусского автора.

Рис. 3. «Триумф Смерти» (лат. *Triumphus Mortis*) [6, f. 101]

*Ja – śmierć, cokolwiek oczom
się nawinie,
Ostrą i bystrą koniec kosą czynię.
Ja to papieskie, królewskie, biskupie
Korony, berła, z głów infuły łupię.
Bawoły wściekłe karocę mą toczą,
Lud wszelkich stanów
kopyt ostrzem tłoczą.*

[3, с. 108]

*Я – смерть
кто бы моему взору ни предстал,
Острому и быстрому,
тому конец сотворяю.
Я-то папские,
королевские, епископские
Короны, жемчуга,
митры с голов срываю.
Буйволы бешеные карету
мою катят,
Людей всех сословий
остриями копыт давя.*

[3, с. 109]

Как можно увидеть, на гравюре подписан только один персонаж – Mors (Смерть) (см. рис. 3). Не вызывает сомнений, что в данном случае за основу для своей эпиграммы Симеон Полоцкий взял четверостишие А. Юниуса,

которое дополнил некоторыми деталями, увиденными на изображении. Например, голландец пишет: *Pontifices, Regum sceptra... / Dissipo...* (Понтификов, Королей скипетры... уничтожаю...). У Симеона Полоцкого это звучит следующим образом: *Ja to papieskie, królewskie, biskupie / Korony, berła, z głow infuły łupię.* Обратим внимание, что слово *berła*, которое В. К. Былинин перевел как *жемчуга*, в русском языке имеет следующие эквиваленты: 'скипетры', 'жезлы' [7, с. 60]. Также в его переводе исчезло упоминание о том, что смерть *конец сотоворяет* своей *Ostrę i bystrę... kosą...* (острой и быстрой... косой...). Об этом «орудии труда», т. е. о кривой косе, упоминает и А. Юниус. По-видимому, такая деталь, как *kopyt ostrze* ('копыт острье'), появившаяся в произведении Симеона Полоцкого, также была подсказана ему изображением. Однако стихотворец XVII в. не только расширял, но и сокращал текст голландского поэта: он опустил четыре эпитета, которыми охарактеризовал Смерть в самом начале своей подписи в стихах голландец.

Рис. 4. «Триумф Славы» (лат. *Triumphus Famae*) [6, f. 102]

*Sława skrzydłami
pod niebo wzniesiona,
Brzmiących trąb dźwiękiem
wszędzy*

*Слава на крыльях под небо взнесена,
Звуком звенящих труб
отовсюду оглашена.
Жаждущие славы звери – конями у нее,*

ogłoszona.

*Chciwe ma sławy zwierzęta za konie,
Silne, ogromne, narzeczone słonie.
Tą Alexander, Juliusz i Plato
Słyną na świecie, i wymowny Cato.*

[3, c. 108]

Сильные, огромные, названные слонами.

Ею Александр, Юлий и Платон
Слынут в мире и –
красноречивый Катон.

[3, c. 109]

При написании этого стихотворения Симеон Полоцкий воспользовался как текстом голландца, так и изображением. Он переложил четверостишье на польский язык, дополнительно сообщив, как называется этот африканский диковинный зверь. Обратим внимание также, что А. Юниус пишет в общем о славных *vates* ('учителях', 'корифеях' [8, с. 806]) и знаменитых воинах (см. рис. 4), а белорусский поэт в последних двух строках конкретизирует, упоминая все четыре исторические личности, чьи имена указаны на гравюре.

Рис. 5. «Триумф Времени» (лат. *Triumphus Temporis*) [6, f. 103]

*Czas bystrolotny
przez bystre jelenie
Dniem, nocą bieżeć,aczem star –
nie lenię,
Jadę godzinami: jesień, zima, lato*

*Время быстролетное
быстрыми оленями
Днем и ночью скачет;
хоть и сам я не ленюсь,
Еду я часами; осень, зима, лето*

*Ze mną biegają jako widzisz, a to
Lata mię psują, ja też one trawię,
Wszystko zadepczę, śladu nie zostawię.*

[3, c. 108]

*Со мной бегут, как видишь, а ведь
Лета меня портят, я же их поедаю.
Все я затопчу, следа не оставлю.*

[3, c. 109]

По нашему мнению, в данном случае связь между произведениями голландского поэта и Симеона Полоцкого очевидна и не требует доказательств (см. рис. 5). Подход к обработке источника аналогичный тому, которым белорус пользовался в предыдущих случаях: он что-то опускает, а что-то добавляет от себя. Из подписанных на изображении пор года Симеон Полоцкий обошел вниманием в своей эпиграмме лишь Ver (Весну).

Рис. 6. «Триумф Вечности» (лат. Triumphus Eternitatis) [6, f. 104]

*Wszystko na świecie
koniec terminuje,
Sam jeden Chrystus
wiecznie triumfuje,
Nigdy nie cierpiąc
zgrzybiałej starości,
Z pocztami świętych
w świetnej trwa jasności.*

[3, c. 110]

*Все на свете концом завершается,
Один лишь Христос
вечно торжествует,
Никогда не страждёт
от дряхлой старости,
Прежде всех святых пребывает
в блестательной светлости.*

[3, c. 111]

Последняя эпиграмма цикла Симеона Полоцкого является исключением и состоит не из шести, а из четырех строк. По содержанию она схожа со стихотворением А. Юниуса (см. рис. 6). У нас нет никаких веских причин, чтобы сомневаться в том, что именно четверостишие голландца являлось основой для белорусского поэта. Заметим также, что ни один из персонажей на гравюре не имеет идентифицирующей его подписи.

Таким образом, мы убедились в следующем: предположение П. А. Ролланда насчет существования опосредованной связи между этим циклом коротких стихотворений Симеона Полоцкого и поэмой «Триумфы» Ф. Петрарки оказалось верным; Р. Гжеськовяк, скорее всего, правильно указал издание, которым пользовался поэт при их написании – «*Speculum diversarum imaginum speculativarum*»; в действительности эти произведения являются циклом эпиграмм, служащих подписями к гравюрам, – «подписаниями образов», «на меди прехитростне и преизрядне нарезанных» [9, с. 22].

Не могло не вызвать у нас интерес и произведение под названием «*Nowoznalezione rzeczy*» («Новооткрытия»). Дело в том, что в комментарии к нему указано: «его источник – поэтический перевод книги итальянского мыслителя Полидора Вергилия Урбинского – “Об изобретателях вещей” (Венеция, 1498), выполненный белорусским писателем конца XVI – начала XVII вв. Яном Пратасовичем и озаглавленный “Краткое описание кто что изобрел и для пользования людям дал” (Вильна, 1608)» [3, с. 222]. Ознакомившись с произведением Симеона Полоцкого, мы обратили внимание на несколько моментов. Во-первых, насколько мы знаем, в поэтической энциклопедии шляхтича из-под Пинска ни Америго Веспуччи, ни Христофор Колумб, ни Фернан Магеллан не упоминаются. Во-вторых, часть текста, которая начинается со слов *Masz twój stan ludzki...*, воспринимается как инородная, поскольку она никак не связана с вынесенной в название произведения темой. Из этих последних 16 строк можно составить два небольших стихотворения, условно озаглавив «О трех сословиях» [3, с. 124] и «О великих господах» [3, с. 126]. Проверив, нет ли в издании «*Speculum diversarum imaginum speculativarum*» гравюр на вышеуказанные темы, мы выяснили, что, судя по оглавлению, тексту стихотворения «*Nowoznalezione rzeczy*» могут соответствовать четыре серии: «XXIV. Nova hoc saeculo reperta» («Новые открытия в этом столетии»), «XXV. Americae, vel novi Orbis reiectio» («Открытие Америки, или Нового Света»), «XXVII. Triplex hominum status, et uniuscuiusque munia ac partes» («Три сословия людей, и каждого из них обязанности»), «XXVIII. Duces sub triplici Lege selectissimi» («Избранные вожди трех законов») [6, f. 2]. После изучения гравюр мы пришли к выводу, что именно они были источниками для Симеона Полоцкого, когда он создавал «*Nowoznalezione rzeczy*» [6, f. 141–164, 171–177].

Невольно закралась мысль: а что же насчет других стихотворений? Мы сопоставили гравюры из «*Speculum diversarum imaginum speculativarum*» с поэтическими произведениями Симеона Полоцкого на польском языке и в результате сложилась следующая картина (таблица):

Соответствие произведений Симеона Полоцкого сериям гравюр

«Speculum diversarum imaginum speculativarum...» (Antwerpia, 1638)			Симеон Полоцкий. Carmina Varia (СПб., 2014)	
№ п/п	Название серии в оглавлении (кол-во гравюр)	№ листов	Произведение Симеона Полоцкого	№ стра- ниц
I.	Triplex Lex (3)	3–5	3 prawa	242
II.	Theatrum vitae humanae (6)	6–12	Widok żywota ludzkiego	82
III.	Typus naturae humanae (5)	13–17	Obraz natury ludzkiej	96
IV.	Quinque hominum sensus (5)	18–22	Pięć zmysłów następują	260
V.	Septem artes liberales speculativae (7)	23–29	Siedem nauk wyzwolonych	274
VI.	Artes practicae, manuales & honestae (8)	30–37	Rzemiosła ręczne a uczciwe	98, 100
VII.	Septem planetarum signa & operationes (7)	38–44	Siedmiu planet znaki i ich operatie następują	268, 270
VIII.	Quatuor praedominantes complexiones (4)	45–48	4 przemagające complexie	244
IX.	Quatuor quae in terra fortissima sunt (4)	49–52	4 rzeczy namocniejsze	246
X.	Quatuor elementa, eorumque effectus (4)	53–56	4 żywioły i skutki onych	248
XI.	Quatuor anni tempestates (4)	57–60	Czterech części roku pogody	252
XII.	Quatuor temporis partes & intervalla (4)	61–64	4 szęści dnia	254
XIII.	Menses duodecim anni solaris, cum totidem signis caelestibus (13)	65–77	Miesiący 12 następują	286, 288
XIV.	Circulus vicissitudinis rerum humanarum (8)	78–85	Odmiany wszech rzeczy ludzkich	102
XV.	Temporis vices, ac variorum per ipsum statuum, virtutum, vitiorumque repraesentio (9)	86–94	Czasu odmiana i różność	104, 106
XVI.	Quatuor mundi aetates (4)	95–98	4 świata wieki	258
XVII.	Triumphus Cupidinis, Pudicitiae, Mortis, & Temporis (6)	99–104	Wściekłemi biegasz końmi, Kupidynie...	106, 108, 110
XVIII.	Divitum miseria, inquietudo, finis, & divitiarum terminus (6)	105–110	Szczęście bogaczów opłakane	112, 114
XIX.	Laboris & solertiae natura, commoda, praemium (6)	111–116		114

Окончание таблицы

XX.	Litis abusus (8)	117–124	Złe poswary	90, 92
XXI.	Animae incuria ob nimiam corporis curam (2)	125–126	Zaniedbanie duszy dla zbytniego o ciele starania	94
XXII.	Iudicij popularis vanitas & stoliditas (6)	127–132	Trudno wszystkim wygodzić	116
XXIII.	Octo mundi miracula (8)	133–140	8 dziwów świata	278, 280
XXIV.	Nova hoc saeculo reperta (20)	141–160	Nowoznalezione rzeczy	120, 122, 124
XXV.	Americae, vel novi Orbis reiectio (4)	161–164		124
XXVI.	Vermis sericus, aut bombyx (6)	165–170	–	–
XXVII.	Triplex hominum status, & uniuscuiusque munia ac partes	171–174	Nowoznalezione rzeczy	124
XXVIII.	Duces sub triplici Lege selectissimi (3)	175–177		126
XXIX.	Patientiae schema & triumphus (8)	178–185	Triumph cierpliwości pięknemi obrazy wyrażony	86, 88
XXX.	Tempus omnia & singula consumens (1)	186	–	–

Как можно заметить, нам не удалось найти у Симеона Полоцкого только стихов про шелковичного червя и про время, пожирающее все и вся. Обратим также внимание, что в некоторых случаях на первых гравюрах серий имеются картуши с надписями, совпадающими с названиями стихотворений Симеона Полоцкого: например, XV. «Temporis vices et diversitas» [6, f. 86] = «Czasu odmiana i różność» («Переменчивость и многообразие времени»); XVIII. «Divitum misera sors...» [6, f. 105] = «Szczęście bogaczów opłakane» («Счастье богачей плачевно»); серия XXIX. «Patientiae triumphus elegantissimis imaginibus expressus» [6, f. 178] = «Triumph cierpliwości pięknemi obrazy wyrażony» («Триумф терпения, прекрасными образами представленный»).

Сразу же сделаем оговорку: наша таблица – это результат беглого и поверхностного ознакомления с гравюрами, а также сопоставления их с поэтическими текстами Симеона Полоцкого. Мы не утверждаем, что все перечисленные в ней произведения поэта являются циклами подписей в стихах к «образам» из «Speculum diversarum imaginum speculativarum». Нашей целью было только указать на антверпенский сборник 1638 года как на возможный источник. В каждом конкретном случае необходимо разбираться: проводить тщательное и основательное исследование, скрупулезно анализировать и сопоставлять произведения графического и поэтического искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рейтенфельс, Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии / Я. Рейтенфельс ; с лат. пер. А. Станкевич. – М. : Тип. о-ва распространения полез. книг, 1905. – Х, 228 с.*
2. *Хипписли, А. Западное влияние на «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого / А. Хипписли // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, ИРЛИ (Пушкинский Дом). – СПб., 2001. – Т. 52. – С. 695–708.*
3. *Симеон Полоцкий. Carmina Varia / Симеон Полоцкий ; сост., подгот. текстов, вступ. ст. и comment. Л. У. Звонаревой, Д. Л. Маркова. – СПб. : О-во памяти игумении Таисии, 2014. – 351 с.*
4. *Rolland, P. A. Ut Poesia Pictura...: Emblems and Literary Pictorialism in Simiaon Połacki's Early Verse / P. A. Rolland // Harvard Ukrainian Studies. – 1992. – Vol. 16, № 1/2. – P. 67–86.*
5. *Grześkowiak, R. Poetycka recepcja rycin do «Tryumfów» Petrarke (druga połowa XVII i XVIII wiek) / R. Grześkowiak // Ruch Literacki. – 2019. – № 5. – S. 493–510.*
6. *Speculum diversarum imaginum speculativarum, à varijs viris doctis adinventarum, atque ab insignibus pictoribus ac sculptoribus delineatarum. ... Quas in unum iam corpus redactas Joannes Gallaeus recenter in lucem emittit, et excudit Antverpiae. – Antverpiae : Apud Joannem Gallaeum, 1638. – 186 f.*
7. *Гессен, Д. Большой польско-русский словарь : в 2 т. / Д. Гессен, Р. Стыпула. – 6-е изд. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 2001. – Т. 1 : А–Ó. – 656 с.*
8. *Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь : ок. 50 000 слов / И. Х. Дворецкий. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. язык, 1976. – 1096 с.*
9. *Симеон Полоцкий. Вирши / Симеон Полоцкий ; сост., подгот. текстов, вступ. ст. и comment. В. К. Былинина, Л. У. Звонаревой. – Минск : Маст. літ., 1990. – 446 с.*

Поступила в редакцию 24.08.2025

Чижик Яна Игоревна

выпускник

Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Yana Chizhik

Graduate

Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
astallasbamboo@gmail.com

Кудрявцева Ирина Константиновна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры белорусской филологии
и зарубежной литературы
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Irina Kudriavtseva

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor
of Department of Belarusian Philology
and Foreign Literature
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
irina.kudriavtseva@gmail.com

ПРОБЛЕМА ЖАНРОВОЙ АТРИБУЦИИ РОМАНА Х. МАНТЕЛ «ЛЮБОВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ»

THE PROBLEM OF GENRE ATTRIBUTION OF HILARY MANTEL'S NOVEL *AN EXPERIMENT IN LOVE*

В статье рассматривается жанровое своеобразие романа Х. Мантел «Любовный эксперимент» в контексте характерных для современной литературы процессов жанрового синтеза, жанровой гибридизации. Анализ образов героев, сюжета, хронотопа, композиционных особенностей и других элементов романа позволил соотнести его с жанровыми моделями романа воспитания, университетского и психологического романов, сочетание которых в рамках одного художественного текста позволило автору выразить значимую социальную и психологическую проблематику.

Ключевые слова: жанр; роман; роман воспитания; университетский роман; психологическая роман; литература Великобритании; Х. Мантел.

The article examines the genre specificity of H. Mantel's novel *An Experiment in Love* in the context of the processes of genre synthesis and genre hybridization characteristic of modern literature. The analysis of the characters, the plot, the chronotope, the compositional features and other elements of the novel made it possible to attribute it to the genre models of the growing up novel (*Bildungsroman*), university and psychological novels, the combination of which within one literary text allowed the author to express significant social and psychological issues.

Ключевые слова: genre; novel; *Bildungsroman*; varsity novel; psychological novel; British literature; H. Mantel.

Как указывают литературоведы, для литературы XX–XXI вв. характерна «активизация жанровых процессов» [1, с. 117], выражаясь в том, что «писатели создают уникальные разновидности привычных жанров, основываясь на жанровом синтезе, возвращении к жанровым истокам, выходе за

пределы литературы и взаимодействии с другими видами искусства» [2, с. 111], что осложняет жанровую атрибуцию художественных текстов. В то же время жанр остается одной из ключевых категорий литературоведения, важнейшим инструментом анализа и интерпретации художественных произведений. В предисловии к сборнику «Жанр как инструмент прочтения» В. И. Козлов пишет: «Между тем, жанр есть прежде всего инструмент полноценного прочтения. Важно, чтобы начинающий ученый на самом раннем этапе приходил к пониманию, что он не может прочесть художественное высказывание иначе, чем жанрово – поскольку не может быть внежанрового высказывания» [3, с. 6].

Среди жанров, в рамках которых наиболее активно происходят процессы жанровой гибридизации, жанрового синтеза, выделяется жанр романа, о «становящемся» характере которого писал М. М. Бахтин: «жанровый костяк романа еще далеко не затвердел, и мы еще не можем предугадать всех его пластических возможностей» [4, с. 448]. Целью данной статьи является соотнесение романа Х. Мантел «Любовный эксперимент» (*An Experiment in Love*, 1995) с различными жанровыми моделями и раскрытие сложного, синтетического характера данного произведения. В истории современной британской литературы Хилари Мантел наиболее известна благодаря своей трилогии о Томасе Кромвеле (*Wolf Hall*, 2009; *Bring up the Bodies*, 2012; *The Mirror and the Light*, 2020), которую исследователи соотносят с жанром исторического романа. В то же время обращение в данной статье к более раннему произведению писательницы позволит, как представляется, проследить то, как вырабатывался писательский стиль Х. Мантел, определялся круг тем и проблем, которые будут характерны для ее творчества в целом.

Главная героиня романа «Любовный эксперимент» Кармел МакБейн, уже взрослая замужняя женщина, видит в газете заметку о своей школьной и университетской подруге Джюлианне Липкотт. Заметка становится толчком к череде воспоминаний: об учебе в университете, а затем и о школьных годах. Таким образом, повествование представляет собой поток воспоминаний главной героини о своем детстве и юности, по мере разворачивания которого автором раскрываются темы социального неравенства, гендерных ролей и стереотипов, семейных отношений, дружбы, религии, что позволяет соотнести роман «Любовный эксперимент» с жанровой моделью романа воспитания (*Bildungsroman*). Данный термин был впервые введен немецким философом, историком культуры и литературоведом Вильгельмом Дильтеем, а эталонными примерами произведений данного жанра считаются «Годы учения Вильгельма Мейстера» И. В. Гете, «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» Ч. Диккенса, «Портрет художника в юности» Дж. Джойса. В русскоязычном литературоведении особое внимание данной жанровой разновидности романа уделил М. М. Бахтин, подчеркнувший, что

становление и изменение героя здесь приобретает сюжетное значение [5, с. 212]. Роман воспитания традиционно рассматривается как повествование о стадиальном развитии личности персонажа, которое, как правило, прослеживается с детских (юношеских) лет и связывается с опытом познания окружающей действительности [6, стб. 148]. Из этого следует, что ядерными характеристиками романа воспитания являются тип персонажа (становящийся герой) и сюжета (стадиальность). На современном этапе роман воспитания приобретает новые черты, не теряя основной специфики: как указывает Н. Л. Сержант, «сознание героя становится более хрупким, подверженным различным негативным воздействиям, происходит переоценка ценностей, их полная утрата, как и утрата всяких жизненных ориентиров; универсальность сюжетной схемы романа воспитания перестает быть абсолютной, изображение взросления героя заменяется темой преодоления, социального и психологического дискомфорта; трансформируются и повествовательные техники» [7, с. 145–146].

Композиция романа «Любовный эксперимент» построена не согласно хронологическому принципу, а представляет собой систему ретроспектив. Все воспоминания Кармел можно разделить на две группы: первая затрагивает период с шести до восемнадцати лет, а вторая – университетские годы. В первой группе воспоминаний также можно выделить два больших этапа: детство (обучение в начальной школе) и подростковые годы (обучение в католической школе для девочек в Ланкашире). Отдельным этапом жизненного пути, которому отводится наименьшее по объему место в романе, является «настоящее», когда уже взрослая Кармел вновь проживает свою жизнь в воспоминаниях. Таким образом, повествование в романе, хотя и не построено линейно, но характеризуется стадиальностью, что является одной из ядерных характеристик романа воспитания.

Каждый из представленных выше жизненных этапов связан с определенным опытом познания главной героиней окружающей действительности и характеризуется изменениями в социальном окружении, а также нравственным и психологическим развитием ее личности. О значимости данных этапов свидетельствует и сам факт того, что главная героиня возвращается к ним в воспоминаниях. Наиболее масштабные изменения приходятся на подростковый (обучение в школе Святого Искупителя в Ланкашире) и университетский периоды. Первый стал временем больших перемен в личности главной героини: она становится более религиозной и даже хочет в какой-то момент стать монахиней, но затем отходит от католичества. На этом этапе у главной героини появляется и желание быть отличной от других, начинается ее самоопределение: *Sometimes I sensed within myself – sometimes I felt it strongly – a will, a pull towards frivolity. I wanted to separate myself from the common fate of girls who are called Carmel...* [8, р. 142]. Также, несмотря на обучение в католической школе, у Кармел начинаются первые романтические и сек-

суальные отношения; кроме того, она начинает осознавать ожидания, налагаемые на нее обществом: *We were to be useful to society. We would graduate, then marry, then be mothers, also nurses and teachers: brainy, dowdy, overstretched <...> You have heard of schools that trained life's officers: this was a school that trained life's foolish volunteers* [8, p. 130].

В университетский период Кармел более активно проявляет себя в социальной сфере: она старается выражать свои политические взгляды, свою гражданскую позицию, ходит на лейбористские собрания, однако быстро разочаровывается. Социальные связи Кармел также претерпевают изменения: именно этот этап становится моментом сепарации главной героини от авторитарной матери, которая оказывала значительное влияние на Кармел на предыдущем этапе, и становления новых дружеских отношений с девушками из общежития.

Еще одной чертой романа воспитания, характерной и для романа «Любовный эксперимент», является вспомогательная роль других персонажей. Кроме матери, особое влияние на девушку оказали ее подруги Карина и Джулианна. Карина во многом является антиподом главной героини и наделена качествами, которых той чаще всего недостает: она не по-детски серьезная и самостоятельная, способная уже в раннем возрасте вести домашнее хозяйство, в то время как Кармел и после совершеннолетия не позволяют помочь в приготовлении ужина. Даже в детстве Кармел видит разницу между собой и Кариной: она знает, что сама из небогатой семьи, но осознает и тот факт, что положение семьи Кариньи еще более бедственное. Однако попав в школу Святого Искупителя, будучи единственными ученицами из небогатых семей, они продолжают держаться вместе, так как понимают, что для остальных девочек они являются одинаково «другими», и для них нет разницы в социальном положении Кармел и Кариньи: *We were the first girls from our school – from any school like ours – to go to Holy Redeemer, and perhaps we were thought of as a worthy social experiment* [Там же, p. 128]. И в это же время в окружении Кармел появляется Джулианна Липкотт, дочь врача. Несмотря на значительную социальную разницу, Джулианна замечает Кармел, когда та начинает добиваться академических успехов, и девушки сближаются, а в университете даже живут в одной комнате. В Лондоне, вдали от своих семьи и школы, Кармел понимает, что хотя материальный достаток их семей совершенно разный, это не мешает им общаться на равных: *We are free now, to enjoy each other's company; free and equal, to be as silly and as sharp as we liked* [Там же, p. 16]. Несмотря на то, что персонажи Джулианны, Кариньи, а также мамы Кармел и еще одной ее подруги, Линетт, играют большую роль в повествовании, они скорее являются катализаторами развития личности главной героини и позволяют ей осознать социальные различия и задуматься о своем месте в семье и обществе.

Анализ текста романа и биографии автора позволяет сделать вывод о наличии в романе Х. Мантел «Любовный эксперимент» автобиографических элементов: совпадающие у автора и Кармел год и место рождения, происхождение (как и Кармел, сама Х. Мантел родилась в семье католиков, британцев ирландского происхождения), обучение в католических школах и изучение юриспруденции в университете. Интересно, что Х. Мантел наделила свою героиню и схожими политическими взглядами. Подобные автобиографические элементы часто используются авторами в романах воспитания. Таким образом, наличие таких жанровых доминант, как стадиальность сюжета, описание личностных изменений главной героини, происходящих на каждом жизненном этапе, и опыта познания ею окружающей действительности, вспомогательная роль других персонажей и автобиографические элементы, свидетельствует о том, что роман «Любовный эксперимент» является ярким примером романа воспитания.

Однако, как указывалось нами выше, третий этап жизни Кармел МакБейн, университетский период, занимает одно из ключевых мест в романе, поэтому можно утверждать, что в романе «Любовный эксперимент» обнаруживаются и черты университетского (кампусного, академического) романа, часто имеющего юмористическую или сатирическую окраску, действие в котором разворачивается в замкнутом мире университета (или аналогичного учебного заведения) и отражает особенности университетской жизни [9, р. 33]. Как отмечает А. Ю. Анцыферова, выделяют две разновидности университетской прозы: «Американский университетский роман развивается как *campus novel*, британский включает и собственно университетский (*varsity novel*). <...> Действие *varsity novel* обычно разворачивается в Оксбридже и развивается преимущественно среди студентов; отношения преподавателей со студентами мало интересуют автора *varsity novel*» [10]. В отношении романа «Любовный эксперимент» более подходящим является термин *varsity novel*, так как действие сосредоточено преимущественно на отношениях между студентами.

Одной из главных жанровых доминант университетского романа, нашедших отражение в произведении «Любовный эксперимент», является особый хронотоп. События данного периода жизни Кармел разворачиваются на территории Лондонского университета, в общежитии для девушек Тонбридж Холл. Для университетского романа также характерно описание быта студентов. Большое внимание в романе «Любовный эксперимент» уделяется особенностям проживания в общежитии, взаимоотношениям между соседками, детально описываются и отдельные помещения общежития (жилые комнаты, кухня), правила общежития и обязательные мероприятия. В эпизодах, связанных с учебой Кармел в университете, представлены образы преподавателей, описываются лекции, консультации, студенческие собрания и официальные мероприятия – то, что отличает учреждения высшего

образования от школ. Внимание уделяется и различиям в обучении на разных факультетах на примере Кармел и Джулианны, изучающих юриспруденцию и медицину соответственно. В первый год обучения Джулианна сосредоточена на изучении анатомии, а Кармел же – британской правовой системы. Частью обучения Кармел является тщательное изучение и обсуждение закрытых судебных дел. Автор приводит их названия, годы, а также краткую характеристику: *I read the case of Thomas v. Bradbury (1906) in which an author sued a malicious book reviewer, and won* [8, p. 229]. Интересно, что судебные дела, упоминаемые в произведении, не являются вымыслом автора, а действительно разбирались в суде в указанные годы. Жанровой приметой университетского романа является и такой сюжетный элемент, как вечеринка в доме одного из преподавателей [10]. В романе «Любовный эксперимент» она немного преобразуется и предстает в виде официальных ужинов девушек, проживающих в общежитии, с известными личностями, например, с государственным секретарем по вопросам образования. Сексуальная революция, изменившая университетскую жизнь в XX веке в Великобритании, также находит отражение в романе «Любовный эксперимент». Так, девушки вели активную сексуальную жизнь, не дожидаясь вступления в брак: *But before people marry, you know, these days, they expect to try each other out. Like cars. You go for a test drive* [8, p. 166].

Таким образом, в романе Х. Мантел «Любовный эксперимент» элементы романа воспитания сочетаются с чертами университетского романа. С одной стороны, университетский этап является лишь одним из описываемых жизненных этапов главной героини, а с другой – автор уделяет ему значительно больше внимания, чем более ранним периодам, которые также можно рассматривать как предысторию главных событий.

Представляется, что еще одной жанровой разновидностью, с которой можно соотнести роман «Любовный эксперимент», является психологический роман. Согласно О. Б. Золотухиной, психологизм в литературоведении – это «художественно-образная, изобразительно-выразительная реконструкция и актуализация внутренней жизни человека, обусловленная ценностной ориентацией автора, его представлениями о личности и коммуникативной стратегией» [11, с. 14]. В романе Х. Мантел «Любовный эксперимент» ярко проявляется ряд характерных черт психологической прозы. Так, большое внимание автор уделяет раскрытию внутреннего конфликта главной героини, который возникает из-за необходимости соответствовать требованиям и амбициям матери (*The task in life she set for me was to build my own mountain, build a step-by-step success: the kind didn't matter as long as it was high and it shone* [8, p. 135]), а также из-за давления со стороны общества, навязывающего женщине определенный жизненный путь (вступление в брак и рождение детей).

Одним из внешних проявлений внутреннего конфликта является прогрессирующая анорексия главной героини в университетские годы. Тема еды затрагивалась в воспоминаниях героини и о предыдущих этапах, но тогда у Кармел был контролирующий ее жизнь взрослый (мать) и даже Карина, которая указывала на необходимость есть: *During my years at the Holy Redeemer, it was Karina kept me going, as far as food was concerned <...> She would have packed enough to see her right on the journey home; and it was at this point of the day that she would sometimes turn to me and say 'Are you hungry?' and offer me a sandwich or a cake from one of her bags* [8, p. 143]. В университете Кармел, только освободившаяся от влияния авторитарной матери и не привыкшая к отсутствию контроля, страдающая также от финансовых затруднений и различных внутренних конфликтов, ест все меньше, пока не падает в голодный обморок. Впоследствии ответственность за ее питание берет на себя Джулианна, которая указывает и на другие факторы, которые могли стать причиной анорексии: '*There are many reasons,' Julia said. 'Twisted religiosity. Poverty. Sexual disturbance. Inheritance. Zinc deficiency. Deficiency'*' [Там же, p. 236].

Для изображения внутренних переживаний Кармел МакБейн автор часто применяет технику потока сознания. Эта же техника часто используется для соединения эпизодов, относящихся к разным жизненным периодам главной героини, так как поток сознания позволяет имитировать мыслительный процесс человека (*Complacently, Karina begins to rearrange her possessions on the table: square up her ruler, her pencil, the cardboard box in which (at this tender age) we keep our lined paper for writing, and our squared paper for sums* [воспоминания о детстве]. *Next day when Julianne arrived, I was lying on my bed smoking a cigarette* [переход к университетскому периоду] [Там же, p. 15]). Метод интроспекции также способствует психологизации повествования, при этом Кармел анализирует не только события собственной жизни, но и действия других людей (*If I could time-travel I would fly back, back in time to the ironing-room; I would fly back to those girls and slap them. I would like to bring them to their senses; say, how can it be, that after all these years of education, all you want is the wash-tub? Leave this, and go and run the country* [Там же, p. 164]).

Как отмечалось нами выше, обращение главной героини к более ранним периодам ее жизни подчеркивает их важность для уже взрослой Кармел. Последним ее воспоминанием из университетской жизни является пожар в общежитии, в котором погибает Линетт, хорошая знакомая Кармел и соседка Карины по комнате. Примечательно, что Линетт оказалась запертой в комнате, при этом ключ от комнаты был у Карины в руке, а на ней самой – дорогая лисья шуба Линетт. Вина Карины не была доказана, однако у Кармел так и остались вопросы и подозрения. Данный эпизод является сюжетной кульминацией романа, после которого воспоминания прекращают-

ся, и повествование возвращается к романному «настоящему». Таким образом, воспоминания о школьном и университетском периодах являются своеобразным анализом прошлого, попыткой понять, что привело к трагическим событиям, которые спустя годы все еще беспокоят главную героиню. Непроясненный финал романа указывает на сложность, порой невозможность познания душевной жизни и поведения человека, на субъективизм восприятия реальности и комплексный характер влияния внешних воздействий на индивидуальную психику.

Таким образом, роман «Любовный эксперимент» с точки зрения жанра представляет собой произведение сложное и неоднозначное, своего рода «жанровую полиформу» [12, с. 7]. Его можно соотнести с жанровыми моделями романа воспитания, психологического и университетского романов, при этом элементы каждого из этих жанров отчетливо проявляются в повествовании и имеют самостоятельную идейную и художественную значимость. В то же время их сочетание в рамках одного произведения позволяет автору решить целый ряд важных задач: показать взаимообусловленность детского и взрослого опыта, значимость социального (университетского) окружения для самоопределения личности, глубину и противоречивость психологических процессов на разных этапах жизни человека, а также сделать роман интересным для читателей, различающихся по возрасту, полу, жизненному и читательскому опыту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серова, З. Н. Роман и его жанровые модификации в контексте современной литературы / З. Н. Серова // Вестн. КазГУКИ. – 2015. – № 2. – С. 117–120.
2. Бознак, О. А. Проблема жанровой атрибуции романа Алексея Варламова «Душа моя Павел» / О. А. Бознак, К. А. Бондаренко // Вестн. Сыктывкар. ун-та. Серия гуманитарных наук. – 2023. – № 1–2. – С. 110–124.
3. Козлов, В. И. От составителя / В. И. Козлов // Жанр как инструмент прочтения : сб. статей / под ред. В. И. Козлова. – Ростов-на-Дону : «Инновационные гуманитарные проекты», 2012. – С. 5–7.
4. Бахтин, М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худ. лит., 1975. – С. 446–482.
5. Бахтин, М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – С. 199–249.
6. Якушева, Г. В. Воспитания роман / Г. В. Якушева // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – М. : Интелвак, 2001. – Стб. 148–149.

7. *Сержант, Н. Л. Динамика жанровой дефиниции романа воспитания / Н. Л. Сержант// Весці БДПУ. Серыя 1. – 2023. – № 3.– С. 144–147.*
8. *Mantel, H. An Experiment in Love / H. Mantel. – New York : Picador, 2007. – 250 р.*
9. *Baldick, Ch. The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms / Ch. Baldick. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 280 р.*
10. *Анцыферова, О. Ю. Университетский роман : жизнь и законы жанра / О. Ю. Анцыферова // Вопросы литературы. – 2008. – № 4. – URL: <https://voplit.ru/article/universitetskij-roman-zhizn-i-zakony-zhanra/?ysclid=m-gi6ktk2sk536208811> (дата обращения: 06.10.2025).*
11. *Золотухина, О. Б. Психологизм в литературе : пособие по спецкурсу / О. Б. Золотухина. – Гродно : ГРГУ, 2009. – 181 с.*
12. *Гrimova, O. A. Жанровое своеобразие романа «Доктор Живаго» / О. А. Гrimova// Новый филологический вестн. – 2013. – № 2 (25). – С. 7–44.*

Поступила в редакцию 16.10.2025

ВЕСТНИК БГУИЯ

Серия 1. Филология

№ 2 (2), 2025

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *О. В. Лущинская*

Редакторы: *Е. И. Ковалёва, И. В. Нестеренко*

Ст. корректор *С. О. Иванова*

Компьютерная верстка *Е. А. Запеко, Н. А. Шауло*

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@bsufl.by

Подписано в печать 29.12.2025. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура PT Astra Sans. Ризография. Усл. печ. л. 12,56. Уч.-изд. л. 13,29. Тираж 100 экз. Заказ 57.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Белорусский государственный университет иностранных языков». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготавителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 3820000064344 от 17.09.2025 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172